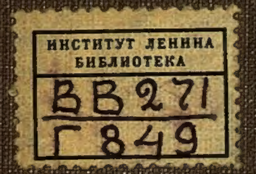
Вильгельм Гренер

ЗАВЕЩАНИЕ ШЛИФФЕНА

ВОЕНИЗДАТ
1937

ВОЕНИЗДАТ

DAS TESTAMENT
DES
GRAFEN SCHLIEFFEN

OPERATIVE STUDIEN ÜBER DEN WELTKRIEG

VON

WILHELM GROENER

Zweite, durchgesehene Auflage

VERLEGT BEI E. S. MITTLER & SOHN
BERLIN — 1929

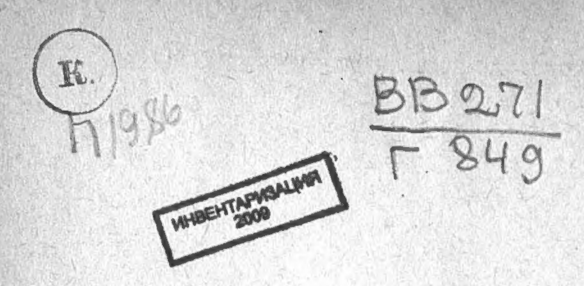
ВИЛЬГЕЛЬМ ГРЕНЕР

ЗАВЕЩАНИЕ ШЛИФФЕНА

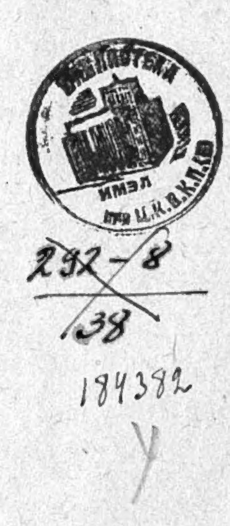
ОПЕРАТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перевод с немецкого

Государственное военное издательство
Наркомата обороны Союза ССР
Москва — 1937

В своем труде *«Завещание Шлиффена»* германский генерал Гренер стремится доказать, что разработанный бывшим начальником германского генерального штаба Шлиффеном план войны против Франции привел бы Германию в 1914 году к успешному окончанию войны, если бы этот план не нарушался преемником Шлиффена, Мольтке младшим. В ряде очерков Гренер приводит примеры допущенных нарушений плана Шлиффена и разбирает, как бы, по его мнению, развивались события в начале войны на западе и на востоке, если бы строго проводились в жизнь принципы Шлиффена. В тексте перевода сделаны некоторые сокращения.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

В отношении оценки практической деятельности и научно-теоретических работ умершего в 1913 г. начальника германского генерального штаба Шлиффена к настоящему моменту уже имеется обширная и довольно противоречивая литература. Одна группа буржуазных военных писателей чрезмерно восхваляет всю совокупность военной деятельности Шлиффена, другая, наоборот, видит только теневые стороны, не усматривая ни в практической, ни в литературной деятельности Шлиффена ничего положительного. Наиболее ярким выразителем первой группы военных писателей является генерал Гренер, представителем второй следует считать подполковника Юстрова.

В своих двух работах «Завещание Шлиффена» и «Полководец против воли» (критика полководческой деятельности в первый период мировой войны заместителя Шлиффена — Мольтке младшего) генерал Гренер дает богатый военно-исторический материал. Основной недостаток этих критико-исторических произведений в том, что генерал Гренер, проработав и проанализировав фактическую сторону исследуемых событий, не сумел, вернее не пожелал, показать читателю, где историческая правда, а где чистейший вымысел, созданный для того, чтобы еще ярче представить положительные стороны всей разнообразной и разнохарактерной работы Шлиффена, безусловно одного из выдающихся выразителей германского империализма.

В своей работе «Полководец и военная техника» подполковник Юстров в резких тонах критикует всю военную деятельность Шлиффена и отрицательно относится к созданному Шлиффеном плану стратегического развертывания германских вооруженных сил на западном (французском) театре военных действий. Подполковник Юстров предлагает читателю свой план развертывания, который, по его мысли, дал бы победу германскому оружию в 1914 году. Во всяком случае Юстров полагает, что сосредоточение главных германских сил в центре стратегического фронта (а не на правом фланге в Бельгии) и далее наступление на Верден и затем прямо по кратчайшей линии от Вердена на Париж скорее принесли бы Германии победу, т. е. захват столицы Франции, победный мир и конец войны на Западном фронте.

Бывший начальник оперативного отдела германской главной квартиры генерал Ветцель тщательно разобрал и резко раскритиковал книгу Юстрова и предлагаемый им задним числом новый план стратегического развертывания. Мало того, генерал Ветцель, приводя целый ряд фактических данных, стремился показать читателю, что подполковник Юстров,

пытаясь в целом и в частностях дискредитировать оперативно-стратегическую деятельность Шлиффена в области составления планов стратегического развертывания, сам «не имеет никакого понятия, как эти планы составляются».

Во всяком случае и до настоящего времени оперативно-стратегическая и научно-историческая работа Шлиффена является предметом самого широкого обсуждения в западно-европейской военной печати. Появляются все новые и новые исследования, которые говорят в основном о том, что Шлиффен оставил такое практическое и литературное наследство, мимо которого безучастно пройти нельзя. Мы считаем весьма полезным, что наше военное издательство дает для широкого круга читателей перевод книги Гренера и что оно наметило дать также перевод двух других книг — Гренера «Полководец против воли» и Юстрова «Полководец и военная техника». Все эти книги, в сущности, разбирают один и тот же большой и поныне дискуссионный оперативно-стратегический материал, который в то же время довольно ясно раскрывает формы и методы оперативно-стратегического мышления и решений старого и молодого поколений работников высшего германского командования.

Современная, количественно наиболее обильная, по сравнению с любым буржуазным государством, военная литература фашистской Германии в своей подавляющей части преклоняется перед тем наследством, которое оставил после себя Шлиффен. Во всяком случае экстремистский, дерзкий, стремительный, бурно-наступательный характер оперативно-стратегических поучений Шлиффена находит твердую поддержку в широких кругах высшего генералитета современной гитлеро-геринговской Германии.

Для того чтобы нашему читателю лучше и правильней ориентироваться в содержании книги Гренера «Завещание графа Шлиффена», мы считаем необходимым отметить целый ряд проблем, которые с нашей точки зрения неправильно трактуются Шлиффеном и которые стремится затушевать или, может быть, просто не понимает генерал Гренер.

Например, в своей известной работе, изданной в 1909 году, — «Современная война» — Шлиффен в категорических тонах указывает, что военная техника достигла такого развития, что дальше изобретателям уже не о чем думать: «Все мыслимое достигнуто». (См. стр. 15 настоящей книги). Абсурдность этого «смелого» утверждения Шлиффена для нас очевидна, и опыт мировой войны и послевоенного периода развития военной техники это нагляднейшим образом показал. Но этой кардинальной ошибки Шлиффена генерал Гренер не желает видеть. Развитие же военной техники играет первостепенную роль, так как она меняет боевые порядки, меняет приемы и способы ведения боя, а отсюда, естественно, видоизменяются и методы управления войсками на войне.

Шлиффен твердо полагал, что «бог всегда на стороне более многочисленных батальонов», а поэтому, желая, чтобы эти батальоны имели свободу для действий, он решает собрать все их севернее района Меца. Шлиффен не желал атаковать в лоб французский крепостной пояс Серре-де-Ривьера, а поэтому все германские армии сосредоточивал на бельгийской границе. Мало того, по последнему варианту стратегического развертывания (декабрь 1905 г.) он ничего не пожелал оставить на восточном (русском) театре. Когда же ему говорили, что такое чрезмерное сосредоточение всех вооруженных германских сил только в районе к югу

от голландской границы до крепости Мец может повлечь за собой большие неприятности и в Восточной Пруссии, и в Эльзас-Лотарингии, и у союзника Германии Австро-Венгрии на Буге, Шлиффен от всех этих неприятных вопросов отделывался или афоризмами и парадоксами, или крылатыми словечками.

В отношении Восточного (русского) фронта Шлиффен считал, что временная потеря одной провинции, каковой в его стратегической концепции являлась Восточная Пруссия, не столь уж тяжелый удар. Кроме того, он в декабре 1905 года, после поражения царизма в русско-японской войне, полагал, что на ближайшие год-два царская Россия и ее армия неспособны к решительным операциям против Германии и Австро-Венгрии одновременно. Относительно потери территории, опять же временной, в случае контрнаступления французской армии в Эльзас-Лотарингию Шлиффен полагал, что это будет «любезной услугой», так как тем самым охватывающий правый фланг, идущий через Бельгию, северные департаменты Франции в обход крепостей (Верден, Туль, Эпиналь, Бельфор) системы Серре-де-Ривьера, еще глубже и успешнее захлестнет с тыла вторгнувшуюся в Эльзас-Лотарингию французскую армию. Когда же ему говорили, что нельзя оставлять против царской России одну австро-венгерскую армию, он, со свойственной ему резкостью и сарказмом, заявлял: «Судьба Австро-Венгрии будет решаться не на Буге, а на Сене». Если тщательно проанализировать вариант стратегического развертывания от декабря 1905 года, составленный Шлиффеном перед тем как уйти в отставку и передать пост начальника германского генерального штаба генералу Мольтке младшему, то со всей ясностью видно, что и вероятная «временная» потеря Восточной Пруссии, Эльзас-Лотарингии, и отсутствие реальной помощи Австро-Венгрии — Шлиффена мало беспокоили. Но если самого Шлиффена мало беспокоили эти вопросы, так как он считал, что успешное развитие наступления правым флангом даст ему скорую и полную победу над Францией, то иначе думали те, кто был осведомлен об этих оперативно-стратегических замыслах Шлиффена. В первую голову совершенно не разделяли эти смелые замыслы Вильгельм II, Мольтке младший (ближайший помощник Шлиффена) и Тирпиц.

Вильгельм и Мольтке младший считали немыслимым совершенно оголять богатейшую продовольственную провинцию Германии — Восточную Пруссию, где Шлиффен, по декабрьскому варианту, не оставлял почти никаких вооруженных сил. Точно так же они считали, что нельзя так просто предоставлять французским войскам возможность занять важнейшие промышленные районы Эльзас-Лотарингии. Морское же командование, во главе с Тирпицом, было вообще настроено против Шлиффена; по их совершенно правильному заключению, Шлиффен являлся человеком, который не хотел понимать, что без полного взаимодействия операций на море и на суше Германия не может рассчитывать на победу. Австро-венгерское главное командование полагало, что раз есть военный союз с Германией, то, значит, должна быть и взаимная реальная помощь с первого дня войны и эту помощь необходимо обоим генеральным штабам совместно обдумать заблаговременно. Шлиффеновский тезис, что «судьба Австро-Венгрии будет решаться не на Буге, а на Сене», был просто красивым афоризмом, но на войне важны не афоризмы, а реальные солдаты и орудия.

В своей книге «Завещание графа Шлиффена» генерал Гренер обошел все эти «проклятые вопросы» и не дал на них никаких прямых ответов. Мало того, он не сделал четких выводов, что современная война, в которую втягивается целый ряд важнейших и богатейших государств мира, не может быть разрешена одним ударом, одним успешным наступлением, одной победой в генеральном сражении. Победа германцев на Марне отнюдь еще не говорила бы, что Франция была бы разгромлена; борьба продолжалась бы на новом этапе и в новых условиях. Шлиффен, конечно, слишком увлекался, полагая, что «до осеннего листопада» судьба Франции будет решена. Шлиффен допустил глубоко ошибочный просчет, считая, что только с запасами мирного времени в 4—6 месяцев можно выиграть современную войну. О проблеме мобилизации всей промышленности с первого дня войны никто не думал. Шлиффен совершенно забыл своего учителя Мольтке старшего и его поучения о проблемах коалиционной стратегии, вследствие чего из шлиффеновского декабрьского плана стратегического развертывания и выпал такой фактор, как Англия и ее флот, ее армия. Генерал Гренер в предисловии пытается это опровергнуть, но делает это довольно неуклюже, да к тому же не дает никакого конкретного фактического материала. В своих планах стратегического развертывания Шлиффен нигде не говорит, как он думает использовать морской флот; воевать же с Англией без учета морского флота — вещь немыслимая. Кроме того, декабрьский вариант развертывания имеет четкое и ясное заглавие «Война против Франции».

Генерал Гренер резко критикует план стратегического развертывания в 1914 году Мольтке младшего, совершенно неправильно упуская важнейший и реальный фактор — время. Мольтке младший — отрицательный тип полководца не потому, что он не так развернул свои вооруженные силы в 1914 году, как этого требовал в 1905 году Шлиффен. За восемь лет (1906—1914 гг.) обстановка резко изменилась во всех отношениях и по всем направлениям. Мольтке младший, прекрасно проведя в июле 1914 года мобилизацию и сосредоточение полуторамиллионной германской армии, в основном неплохо развернул на франко-бельгийском театре свои вооруженные силы. Ошибка у него была в том, что он с первых дней войны выпустил из рук вожжи управления германскими армиями. Вот здесь-то и основное. Мольтке младший пустил свои армии по течению, по ранее расписанному плану и направлениям, забыв справедливые слова своего дяди, Мольтке старшего, что «только профан может полагать, что ход кампании представляет логическое осуществление заранее очерченной, детально проработанной и до конца удерживаемой первоначальной идеи». До Марнского сражения Мольтке младший отдал своим бурно наступающим армиям несколько малозначащих, да к тому же еще противоречивых директив. Германские армии заходящего правого фланга совершали марш-маневр по своему усмотрению. Вожжи управления у Мольтке младшего волочились по земле, вместо того чтобы быть натянутыми до предела. В период же генерального сражения на Марне, как известно, со стороны германского главного командования фактически никакого управления не было. Как бы вел германские армии к Парижу Шлиффен, сказать трудно, так как Шлиффен умер еще в январе 1913 года, — это во-первых, а во-вторых, как подсказывает опыт, одно дело писать оперативно-стратегические варианты и научно-теоретические труды

в мирное время и несколько другое дело — управлять миллионными армиями на войне со всеми ее противоречиями и непредвиденными обстоятельствами. Вот этого во всех своих, очень интересных, оперативно-стратегических рассуждениях никак не может понять генерал Гренер.

Людендорф и Бломберг тщательно изучают оперативно-стратегические ошибки и промахи своих исторических предшественников. В своих работах они уже не рассчитывают посредством одного генерального сражения, типа Марны, выиграть всю войну. Так называемая «тотальная, всеобъемлющая война» — это нечто другое; фашизм мечтает об успехе в будущей войне лишь посредством полного взаимодействия своих сухопутных, воздушных и морских сил. Для того, чтобы победить врага человечества — фашистского зверя, необходимо постоянно и всесторонне его изучать, причем изучать не только его настоящее, но и те исторические истоки, которыми он питается.

Основная цель германской стратегии остается, как и во времена Шлиффена, как и в период мировой войны, так и сейчас той же — это стремление отделить восток от запада, с тем чтобы наносить удары по частям, по очереди. Поэтому военно-исторические работы германского генерального штаба о методах стратегической борьбы на два фронта и особенно труды Шлиффена, Фалькенгайна, Людендорфа, а также их антиподов и популяризаторов мы должны самым внимательным образом изучать и штудировать.

Профессор ***В. А. Меликов***

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Историческую основу помещаемых далее статей составляет труд Рейхсархива о мировой войне, при изучении которого эти статьи возникли без намерения подвергнуть критике действия тех или иных вождей мировой войны, но для того чтобы возможно полнее запечатлеть идеи ведения войны, которые мы слышали в генеральном штабе в течение долгих лет от покойного графа Шлиффена. Чтобы остаться на твердой основе, я, за редкими исключениями, опирался только на выводы Рейхсархива. Данными своего личного опыта, поскольку они не подтверждаются Рейхсархивом, я пользовался с осторожностью.

Сочинения графа Шлиффена являются тем источником мудрости, которым военная молодежь должна пользоваться более, чем это делалось до сих пор. Из неопубликованных трудов его, в особенности же из разборов поездок генерального штаба, военных игр и задач, также предстоит еще извлечь много ценного. Каждый, кто решится проникнуть в духовное наследие графа Шлиффена, получит высокое удовлетворение. Классический стиль, тонкий сарказм, в особенности же глядящие в будущее догадки этого одаренного человека должны вызывать удивление даже людей, с ним не согласных.

Исследование наше начинается с известной статьи Шлиффена, опубликованной им в 1909 г. в «Немецком обозрении» («Deutsche Revue») под заглавием «Современная война» («Der Krieg in der Gegenwart»). Оно сразу ведет читателя на первые поля сражения мировой войны на западе, вводит его в самую гущу действительной жизненной обстановки на войне и показывает оперативные взгляды Шлиффена, а также самую суть его плана на ошибках немецкого командования. Таким путем развертывается проблема главного командования и ставится вопрос: следует ли немцам искать первого решения на западе или на востоке? Затем в свете шлиффеновских идей излагается оборона Восточной Пруссии. После того как читатель введен в круг идей графа Шлиффена, перед его умственным взором встает выполнение шлиффеновского плана как гигантская оперативная задача.

Ген.-лейтенант в отставке ***Гренер***

Берлин, осень 1926 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Со времени выхода в свет первого издания моего труда исторические изыскания не выявили ничего нового, что заставило бы меня изменить свои оперативные взгляды, изложенные ранее. Если теперь критики графа Шлиффена и утверждают, что он был якобы оперативно «односторонен», так как все сводил к своему плану действий на западе, то это противоречит фактам. Граф Шлиффен во время исполнения своей должности проявил прямо удивительную разносторонность в изучении развертывания армии. И то, что он пришел к своему плану после многолетней его проработки, не было вовсе «односторонностью», но продуктом творческой силы в ее борьбе с труднейшими проблемами современного ведения войны. Только в одном он был «односторонен», разрабатывая свой план, — это в отношении применения сил, но в этом он был прав. Если вновь повторяется обвинение, что при создании своего плана он не учел политических предпосылок, то на это следует ответить, что именно Шлиффен точно и ясно учитывал войну также и против Англии. Основывать план именно на этом допущении во всяком случае вынуждала необходимость в связи со стратегическим положением Германии. Впрочем, не может быть сомнения, что граф Шлиффен не пришел бы в смущение, если бы представитель политической власти в известном случае потребовал такого ведения операций, при котором движение через бельгийскую территорию было бы предпринято лишь при условии, что французы упредят в этом или что Англия вступит в войну.

Чтобы как-нибудь подкрепить критику плана графа Шлиффена, между прочим, было распространено мнение, что граф Шлиффен после преждевременной потери своей жены все более и более предавался уединению, а к старости сделался чужд миру и потому построил свой план, так сказать, чисто теоретически, только на карте, а не на политической действительности. Такое понимание индивидуальной особенности Шлиффена совершенно ошибочно. Лучшим доказательством его знания действительности служат его сочинения, которые он написал, закончив свой «план Шлиффена», уже находясь в отставке. Перейдя за 70-летний возраст, Шлиффен вынужден был отказаться от своей должности, но даже и тогда он глядел яснее на мир, чем те, которые заботились об его удалении под предлогом его «дряхлости», — в действительности же по той причине, что он, будучи исполнен предчувствия, как бы нарисовал картину мировой войны во всей ее полноте. При жизни граф Шлиффен отбивался от изобретателей его миро-отчужденности с удивительным сарказмом, который до глубины освещал

человеческие слабости и менее всего доказывал его неосведомленность в мирских делах.

Настоящий текст книги только в конце статьи «Сталюпенен и Гумбинен» был несколько изменен. По этому поводу следует заметить следующее.

Вопрос об отступлении за Вислу окончательно еще не выяснен и, вероятно, никогда не будет выяснен ввиду того, что многие ближайшие участники уже умерли. Тогдашнему командующему 8-й армией, генералу фон Приттвицу было поставлено в укор верховным командованием, что он хотел отступить со своей армией за Вислу. Но если это намерение могло существовать 20-го вечером, то позднее Приттвиц от него отказался. Это явствует из предписания, которое 22 августа граф Вальдерзее, тогдашний начальник штаба 8-й армии, направил по приказанию командующего армией командиру XX корпуса. В нем было выражено намерение не выгружать I корпус позади Вислы, но перевезти его снова через реку у Грауденца в направлении к Госслерсгаузену и Бишофсвердеру. XVII и I резервный корпуса должны были немедленно осуществить смыкание армии с ее правым крылом, т. е. с I корпусом. Этот факт, раньше мне неизвестный, я учел теперь в своем изложении. Мое суждение о положении 8-й армии и о намерениях командующего армией вечером 20 августа этим не затрагивается.

Грёнер

Берлин, осень 1928 г.

1

ЗАВЕЩАНИЕ ШЛИФФЕНА

(См. приложения 1 и 2, схемы 1—3)

Произведения Шлиффена: „Современная война" и „Канны"

В 1909 г. в январской книге «Немецкого обозрения»[1] была напечатана статья «Современная война», написанная генерал-фельдмаршалом графом Шлиффеном, о котором мало знали широкие общественные круги. Было хорошо известно, что он долгое время был начальником генерального штаба армии, а потом вышел в отставку и живет на покое, подобно многим генералам, выслужившим пенсию, которые иногда берутся за перо. Так казалось многим, не знавшим человека, который согласно своей поговорке «больше быть, чем казаться», действительно мало выдвигался, хотя в течение 15 лет занимал пост, бывший «после кениггрецских дней важнейшим в мире». Появление статьи в «Немецком обозрении» возбудило все же внимание не столько благодаря имени автора, сколько благодаря актуальности содержания. Она была написана блестящим слогом, легко читалась, а тема ее была интересна даже для неспециалиста. Все это вместе взятое было больше чем обычная военная или научная статья и доставляло читателю высокое эстетическое удовлетворение. Однако, многим из круга специалистов не понравилось, что старый генерал, бывший начальник генерального штаба, излагает свои взгляды на важные вопросы ведения войны в журнале. И когда вслед за этим Шлиффен опубликовал в журнале «Трехмесячные сборники статей по вождению войск и военному делу»[2] целый ряд статей под общим наименованием «Канны», в которых для объяснения своей «Современной войны» он исследовал не только походы Ганнибала, Фридриха II, Наполеона и Мольтке, но и подверг резкой критике действия

[1] «Deutsche Revue».
[2] «Vierteljahrsheften für Truppenführung und Heereskunde».

многих генералов, принимавших участие в войнах 1866 и 1870/71 гг., поднялись голоса, что подобное выступление Шлиффена является нарушением традиций. Ставилось в упрек, что для подкрепления своих взглядов он приводит устарелые и даже древние примеры из военной истории.

Когда мы теперь, после опыта мировой войны, изучаем оба труда Шлиффена и рассматриваем операции и события мировой войны в зеркале шлиффеновского понимания, то невольно проникаемся убеждением, что он тогда «в предвидении того, что случится и должно случиться», еще при жизни опубликовал свое до известной степени стратегическое завещание. Этому нетрудно привести доказательство на основании недавно вышедших в свет двух первых томов истории мировой войны, изданных Рейхсархивом. Изучение этого труда, бесспорно, приводит к убеждению, что на Западном фронте, где подлежал разрешению и должен был разрешиться исход войны, кампания 1914 г., несмотря на выдающуюся храбрость и настойчивость наших армий, должна была окончиться неудачей вследствие того, что мы не воспользовались советами старого Шлиффена, которые он давал в мирное время в многочисленных задачах и исследованиях, а в особенности в статьях: «Современная война» и «Канны». Хотя его имя часто упоминалось многими, но то, чего он хотел, несмотря на простоту мысли, очевидно, не было воспринято с полной ясностью. И это с особой яркостью выступит наружу, когда Рейхсархив издаст свои следующие тома[1], из которых будет отчетливо видно, что Марнское и Изерское сражения должны быть признаны тяжкими грехами перед памятью покойного Шлиффена. Человек долгие годы, как молотом, вбивал в наше сознание то, что позднее случилось на войне. В 1914 г. небо одарило нас таким военным счастьем, которого мы никак не могли ожидать. Но мы этого не поняли. Мы пошли по оперативной тропе, которая вместо Канн должна была завести нас, в конце концов, в оперативное болото.

На Западе не было полководца. Шлиффен однажды написал статью «Полководец» для «Справочника по армии и флоту» Альтена, которую закончил словами:

«Как при прежних, так и при современных условиях успех (такой, как при Каннах) зависит от истинного полководца. Замена полководца триумвиратом удалась в кампаниях 1866 и 1870 гг., но не всегда может удаться».

В сочинениях Шлиффена отсутствуют многоречивые теоретические рассуждения о стратегии и тактике, а также научное развитие учений и принципов, но в них мы находим жизнь и действительность. Простым, ясным и понятным каждому неспециалисту идеям он, как художник картине, придает яркость и выпуклость. С такой именно жизненностью изображает он

---

[1] Ныне уже изданные. — *Примеч. перев.*

в своей статье «Современная война» соревнование народов в вооружении, начиная с 1870/71 г., и торжество техники вооружения.

«Представляется бесполезным увеличивать мощность и давать новые задания изобретателям. Все мыслимое достигнуто. В то время как военная техника беспристрастно и равномерно распределяла свои дары между всеми, она одновременно готовила всем и величайшие трудности, причиняла значительные невыгоды».

Вызванное современной техникой вооружения полное изменение тактики на полях сражений, которое так ясно показывает нам Шлиффен, имеет своим непосредственным следствием чрезвычайное расширение боевых фронтов и боевых полей.

При всеобщей воинской повинности, — пишет Шлиффен, — «масса войск очень велика по сравнению с армиями прежних времен и достаточно велика для того, кто должен ею руководить и приводить ее в движение. Но все же она мала, так как этой армии не обеспечены ни превосходство вооружения, как в 1866 г., ни превосходство числа, как в 1870 г., и «достаточна» только при условии, что ее возможно держать сосредоточенной и направлять для достижения цели. При этом важно не внешнее соприкосновение, но внутреннее взаимодействие, такое, чтобы бой на одном поле сражения совершался для одержания победы на другом».

Вследствие величины армий и широты пространств, изменились также предпосылки для деятельности полководца. Но трудности командования преодолеваются достижениями техники. Техническая организация передачи приказов высшего командования составляет специальную задачу, разрешение которой Шлиффен описывает в классических выражениях:

«В настоящее время никакой Наполеон, окруженный блестящей свитой, не располагается на возвышенности... Полководец находится далеко позади, в доме с просторными кабинетами, где у него под руками проволочный телеграф и радио, телефонные и сигнальные аппараты, а около дома ждут приказаний вереницы автомобилей и мотоциклов, приспособленных для дальних поездок. Там, сидя на удобном стуле у широкого стола, современный Александр имеет перед собой на карте все поле сражения; оттуда он передает по телефону зажигательные слова и там же получает сообщения от командующих армиями и корпусами, с привязных и управляемых аэростатов, которые на протяжении всего фронта следят за передвижениями противника и наблюдают за его позициями».

В 1914 г. нам недоставало не только технической связи, но прежде всего духовных связей и духовной согласованности. Противоречивые взгляды оставались не примиренными гением полководца, и в заданиях последнего отсутствовала необходимая ясность. Высшее командование остерегалось указывать армиям и корпусам направления, пути следования и приблизительные задачи дня, между тем как именно в этом Шлиффен видел

существеннейшую задачу полководца, о чем и говорил в своей статье «Современная война». Несомненно, имея в виду проведение на западе большой операции, по образцу Канн, и то, как она должна быть выполнена, Шлиффен писал:

«Подход (Anmarsch) к полю сражения должен будет начинаться, как только войска оставят железную дорогу. От конечных железнодорожных станций корпуса и дивизии — одни ускоренным маршем, другие несколько задерживаясь — должны будут стремиться достигнуть мест, которые им назначены в боевом порядке. Учитывая расширение фронтов сражений, направляющиеся к полю боя колонны будут двигаться, по меньшей мере, на такой же ширине фронта, какую они должны будут занять в сражении. Стягивание войск для боя теряет свое значение. Те корпуса, которые столкнутся с противником, должны будут вести бой, не рассчитывая на поддержку».

Читая эти слова, мы живо представляем себе «фалангу» 1914 г., движущуюся в объединенной группировке и выполняющую большое захождение плечом, с осью вращения у Меца, причем одни корпуса ускоряют марш, другие его несколько задерживают, а каждый корпус заботится только о том, чтобы занять предназначенное ему в боевом порядке место, согласно оперативному плану. Действительность 1914 г. представила, однако, совершенно другую картину вследствие неясности и противоречивости суждений.

После короткого замечания относительно продолжительности боев при относительно не бо̀льших, чем прежде, потерях Шлиффен переходит в своем изложении к стратегическим условиям. Но прежде чем приступить к исследованию этого коренного вопроса, изложение касается разведки, деятельности конницы, крепостей и тяжелой артиллерии. В последней части своего сочинения Шлиффен яркими и правдивыми красками рисует картину тогдашнего военного и политического положения Европы. «Коалиция готова» — раздается клич с той стороны канала (Ламанша).

Шлиффен никогда не имел намерения создавать новое учение. Он основывался в своих взглядах только на Мольтке и вместе с ним на Клаузевице. То, чего он хотел, мы видим из предисловия, написанного им для пятого издания сочинений Клаузевица «О войне». Там он говорит следующее:

«Неубывающая ценность сочинения «О войне», наряду с ее высоким этическим и психологическим содержанием, объясняется выразительной постановкой ударения на идее уничтожения противника. Это учение привело нас к Кениггрецу и Седану».

Шлиффен стремится снова поднять значение «высшего закона решения оружием» и привить в плоть и кровь немецким полководцам грядущей мировой войны древнюю идею, которая приводила к победе на всем протяжении времени от Канн до Седана. Шлиффен прекрасно знал и видел в военной истории

постоянное подтверждение того факта, что самые простые и ясные законы поведения легко забываются в жизни.

«Излюбленной привычкой, — пишет Шлиффен в «Каннах», — раздельно следующих частей армии все еще остается стремление сосредоточиться всем вместе перед фронтом противника, прежде чем перейти в наступление».

Против этой «излюбленной привычки» Шлиффен при каждом случае ополчается со всей силой; в том же духе он пишет в статье «Современная война»:

«Русско-японская война доказала, что открытое наступление на неприятельский фронт, несмотря на все трудности, может быть успешным. Но, даже в лучшем случае, результат такого наступления бывает ограниченным. Противник, конечно, будет оттеснен назад, но через некоторое время он повторит в другом месте временно прерванное сопротивление. Кампания затянется. Между тем подобные войны невозможны в такое время, когда существование народа обусловлено непрекращающимся развитием промышленности и торговли и когда быстрым решением нужно снова пустить в ход остановленный колесный механизм (торгово-промышленной жизни). Недопустимо проводить стратегию изнурения (Ermattungsstrategie), когда содержание миллионов требует миллиардных расходов. Чтобы добиться решительного и сокрушающего результата, необходимо вести наступление с двух или трех сторон, т. е. с фронта и с одного или обоих флангов. Такое наступление относительно легче производить тому, кто обладает численным превосходством. Но при современных условиях трудно рассчитывать на такое превосходство сил. Необходимые средства для сильного флангового удара могут быть получены лишь при условии, если силы, направляемые против неприятельского фронта, будут возможно более слабы. Но как бы слабы они ни были, они не должны ограничиваться тем, чтобы «развлекать» противника огнем, открываемым издали, из укрытого места расположения, и тем «сковывать» противника. Во всяком случае фронт (противника) должен подвергаться атаке, т. е. необходимо двигаться «вперед» также и против фронта. Для этого изобретено дальнобойное и скорострельное ружье, могущее заменить много прежних ружей и удовлетворить всем требованиям при наличии лишь соответствующего количества боевых припасов. Вместо того чтобы нагромождать резервы позади фронта, которые пребывают в бездействии и не попадают к решительному пункту, лучше позаботиться о доставке обильного количества боевых припасов. Патроны, подвозимые на грузовиках, представляют собой самые лучшие и надежные резервы. Все войска, которые прежде задерживались позади и которым должно было достаться решение, ныне должны быть сразу введены в дело для флангового наступления. Чем могущественнее силы, стянутые туда, тем решительнее совершится наступление».

Завещание

Мысли, которые Шлиффен в 1909 г. выразил в печати, мы можем найти за несколько лет перед тем в задачах, исследованиях и военных играх генерального штаба, в особенности же в последней памятной записке Шлиффена, составленной им незадолго до своего ухода с поста начальника генерального штаба,

в декабре 1905 г. Рейхсархив называет эту записку военным завещанием графа Шлиффена его преемнику Мольтке младшему. В оперативном плане на 1905 г. Шлиффен целиком применил свои стратегические идеи. Ныне так просто звучит то, что он пишет:

«Непременно надо попытаться наступлением против левого фланга французов оттеснить их в восточном направлении на их мозельские крепости, на Юру и Швейцарию. Французская армия должна быть уничтожена. Главное для развития всей операции — это образовать сильное правое крыло, с помощью его выигрывать сражения и безостановочным преследованием посредством именно этого сильного крыла все время принуждать противника к отходу». «В Лотарингии, — говорит Шлиффен, — необходимо стремиться к тому, чтобы возможно большие силы французов были скованы меньшими немецкими силами».

Даже если бы французы, вопреки всякому вероятию, перешли через Верхний Рейн, план должен как можно меньше подвергнуться изменению.

«Немцы могут быть уверены, что если они будут упорно проводить свои операции, то французы вскоре повернут и притом не севернее, а южнее Меца, в том направлении, откуда грозит наибольшая опасность. Поэтому особенно важно, чтобы немцы были сильны насколько только возможно на правом крыле, так как именно здесь следует ожидать решения».

Для Мольтке младшего план Шлиффена, очевидно, был слишком смелым (приложения 1 и 2). Вопреки советам Шлиффена, пропорциональное соотношение сил между левым и правым немецкими флангами было с 1909 г. изменено. В то время как в последнем плане Шлиффена это отношение выражалось как 7:1, позднее оно было сведено до 3:1. Ясно, конечно, что такое перераспределение сил в корне грешит против «высшего закона решения оружием» и против идей Шлиффена. Вследствие нагромождения сил в Эльзасе и Лотарингии надвинулась опасность, что эти войска упрутся головами во фронт французских крепостей, как это и случилось в действительности.

Оперативная связь между правым крылом и остальными частями фронта

Схема 1

Несмотря на все ошибки, которые были совершены в 1914 г. при составлении оперативного плана и в первых операциях в Лотарингии против духа требований покойного Шлиффена, идея Канн в своем воздействии оказалась настолько сильнее всех других стратегических замыслов, что через три недели после начала мобилизации решение войны на западе именно так, как к нему стремился Шлиффен, было вполне в пределах возможности. Французы оказали нам «любезную услугу», как это называл

Шлиффен, т. е. не стали ожидать немецкого наступления за той или иной водной преградой, опираясь на Верден или Париж, но сами пошли нам навстречу, к тому же разделив силы между сильным центром и слабым левым крылом, что было во всех отношениях выгодно для немецких намерений. Рейхсархив правильно указывает, что такое благоприятное положение для немецкой армии, как в дни с 20 по 24 августа, больше ни разу не повторялось в течение дальнейшего хода войны.

Так как операции в Лотарингии не имели никакой непосредственной связи с действиями правого немецкого крыла и представляли выступление «сверх программы» («Extratour») по отношению к шлиффеновским намерениям, то нам не нужно пока больше на них останавливаться. Мы ограничимся констатированием того, что хотя высшее командование сосредоточило в Лотарингии большие силы с намерением провести фланговую операцию, но последняя (все равно, на чей счет это следует записать) привела к чисто фронтальной операции, которая, в конце концов, свелась к тому, что 6-я и 7-я армии остановились перед Нанси и р. Мерта. Французы при этом достигли своего намерения сковать крупные немецкие силы, в то время как немцы не могли воспрепятствовать переброске французских сил из Лотарингии к Парижу.

В операции, которые вели 4-я и 5-я армии, мы должны вникнуть постольку, поскольку они находились в связи и взаимодействии с операциями 1-й, 2-й и 3-й армий. Согласно намерениям высшего командования, в центре фронта, т. е. на фронте 4-й и 5-й армий, следовало проявить «выдержку», чтобы привести к согласованию во времени действий центра с действиями правого фланга. Но вместо того чтобы ясно указать обеим армиям на эту оперативную связь и в соответствии с этим дать обязывающие к исполнению указания, — в особенности же возложить на командующего 4-й армией объединенное ведение операций центра, — высшее командование предоставило обоим командующим армиями действовать по их усмотрению и в зависимости от местных условий. В труде, изданном Рейхсархивом, отчетливо изложены причины оперативных ошибок 4-й и 5-й армий. Можно только удивляться, как мало прониклись идеями большого операционного плана командующие армиями; иначе они должны были бы сами понять, что именно в согласовании во времени операций центра и правого крыла надо было искать важнейший момент успешности всей операции. Прежде всего командование 5-й армией могло бы проявить понимание, что в его задачу вовсе не входило начать операции с наступления. Хотя благодаря храбрости войск и готовности помочь со стороны 4-й армии кризис сражения был благополучно преодолен, но можно утвердительно сказать, что самопроизвольное и преждевременное выдвижение 5-й армии из фронта всех других армий нанесло тяжелый вред всей операции в целом. Шлиффен в своей памятной записке 1905 г. не оставляет никакого сомнения в том, что контрнаступление французов против немецких «фаланг»,

продвигающихся через Бельгию, будет означать для немцев большую выгоду, «любезную услугу». Он не оставил также никакого сомнения в том, что решение войны следует искать в оттеснении французской армии на юго-восток, к крепостям Мааса и Мозеля и к Юре. По всевозможным поводам он указывал на важное значение укрепленной линии Мозеля (Диденгофен — Мец) как поворотного пункта большого захождения через Бельгию и особенно подчеркивал, что левое крыло ни в каком случае не должно удаляться от этого оперативного поворотного пункта, но цепко за него держаться. Каким образом могла 5-я армия перейти в преждевременное наступление? Из оперативных соображений это никаким образом не вытекало; вернее всего, это произошло вследствие ложного отношения высшего командования к наступательному духу немецких войск. Когда орудия 6-й армии преждевременно загрохотали в Лотарингии, то на этом необузданном наступательном порыве стали строить расчеты. То же самое, вероятно, случилось и в 5-й армии, хотя там воздействовали также и другие психологические моменты. Достижение согласованности операций 4-й и 5-й армий с операциями армий правого крыла было значительно облегчено французским наступлением, которое велось хотя и превосходными силами, но в таком направлении, которое допускало операцию обеих армий совершенно по идее Шлиффена. Дело заключалось в том, чтобы, прочно примыкая к крепости Диденгофен, дать развиваться на широком фронте французскому наступлению, подготовить возможно сильные резервы в районе Сент-Юбер и затем атаковать ими с охватом левого фланга противника. В соответствии с этой идеей 5-я армия должна была отказаться от самостоятельных наступательных предприятий и думать только о том, чтобы дать возможность соседней 4-й армии обойтись слабыми силами на фронте в пользу позднейшего охвата. Нельзя было бы даже возражать против того, чтобы 5-я армия и левое крыло 4-й уклонились от французского наступления с целью затянуть решение, пока наступит момент главного удара на правом крыле, на фронте 1-й, 2-й и 3-й армий. И лишь тогда и только тогда наступал момент, когда 4-я и 5-я армии должны были перейти в контрнаступление, причем не 5-я армия должна была наступать своим левым флангом, ставя под вопрос примыкание к Диденгофену, но как раз на противоположном правом фланге 4-й армии надо было вести решительное наступление, с охватом, согласно шлиффеновской идее — отбросить французов на юго-восток, на маасские укрепления. Если бы 4-я и 5-я армии действовали в указанном смысле, то решительное сражение в Южной Бельгии произошло бы на один или на два дня позднее. 5-я французская армия, атакованная на Самбре и Маасе 2-й и 3-й немецкими армиями, не имела бы тогда повода начать отступление по причине раннего отхода своих товарищей перед 4-й немецкой армией, что в действительности и случилось. Таким образом, 1-я немецкая армия выиграла бы больше времени для выполнения охвата. И кто

знает, быть может, этот охват еще осуществился бы в последний момент? 4-я и 5-я армии не воспользовались «любезной услугой» французов.

В связи с событиями на фронте 4-й и 5-й армий следует кратко упомянуть, что после боя, выигранного 22 августа в Лотарингии, не представляло никаких трудностей быстро перебросить несколько корпусов по железной дороге в район Люксембурга, благодаря чему в ходе дальнейших операций сделалось бы возможным немалое передвижение сил в сторону решающего наружного крыла.

Правое крыло армии

Схема 2

Обратимся теперь к правому крылу, т. е. к 1-й, 2-й и 3-й армиям. Эти три армии держали в руках судьбу войны в дни боев 21—24 августа. Уже в далеко нацеленном движении через Брюссель, а также в превосходстве сил правого крыла было заложено основание для охватывающей операции. Так как нельзя было предвидеть, где придется встретиться с левым неприятельским крылом, то следовало, продвигаясь вперед, обеспечить себе возможность перемены направления марша при дальнейшем продвижении, пока не наступит полная ясность. Естественной задачей 1-й армии было выиграть фланг противника и осуществить охват. Она должна была в первую очередь рассчитаться с англичанами. Необходимо было иметь в виду, что эти последние будут высаживаться на французском побережье канала. Военное счастье сделало все, чтобы облегчить немецкому правому крылу его задачу: мы не только располагали громадным превосходством сил на нашем правом крыле, которое Рейхсархив оценивает в 101 батальон, 66 эскадронов и 1 044 орудия, но 5-я французская армия зажала себя в углу между реками Самброй и Маасом, пребывая там неподвижной, и, чтобы довершить эту неподвижность, английский экспедиционный корпус протянулся к Монсу и Мобежу вплотную к французскому крылу. Этим самым вполне устранялась всякая опасность для внешнего фланга немецкого обходного движения, и 1-я немецкая армия могла с некоторым изяществом провести фланговую операцию, так часто изучавшуюся в мирное время на многочисленных задачах. Правда, командование 1-й армии было настроено это сделать и очень охотно выполнило бы охват. Благоприятность обстановки для успеха между 20 и 24 августа была так велика, что требовалось, собственно, только внедрить в умы командиров всех степеней идею охвата, чтобы привести к успеху намеченную операцию почти автоматически. Но такого единомыслия недоставало. Хотя высшее командование и желало произвести охват, но отказалось дать свои приказы армиям и даже само уклонилось от этого по причине удаленности от места действий.

Командующий 2-й армией

Командование 1-й и 2-й армиями для проведения ими операции на Самбре было возложено на командующего 2-й армией, к способностям которого высшее командование питало особое доверие. Командующий 2-й армией, бывший в мирное время командиром 3-го армейского корпуса, приобрел славу выдающегося солдата и был известен во всей армии превосходной выучкой своего корпуса на Ютербогском учебном полигоне, где он со всей энергией проводил так называемую тактику боевых полос (Gefechtsst eifentaktik) Но как обстояло дело с его полководческими способностями, было мало известно; в особенности же оставалось под вопросом, находились ли его оперативные способности на высоте его тактических познаний, ибо то, что он показал в мирное время, было не стратегией, а тактикой. Тем не менее генерал фон-Мольтке возлагал на него большие надежды и думал, что операция на Самбре передана в самые достойные руки. Раньше, когда командующий 2-й армией занимал должность генерал-квартирмейстера генерального штаба, с февраля 1902 г. до января 1903 г., он был, повидимому, антиподом Шлиффена и, в противоположность шлиффеновской идее охвата, выражал явное пристрастие к массированию перед фронтом противника. Во всяком случае нельзя было сказать, что он вошел в школу Шлиффена. Эта личность с расчетом была призвана осуществлять на войне операцию, от которой зависела судьба Германии. Идеи, которые развивал Шлиффен в своей статье «Современная война», в действительности противоречили натуре командующего 2-й армией. При этом по роду своих интенсивных занятий по обучению своего корпуса на учебном полигоне он, можно сказать, так был опутан тактическими теориями, что совершенно утратил оперативный полет мыслей и необходимую полководцу способность предвидения. Для него на первом плане была тактика и лишь после нее — стратегия; он не мог понять, что тактика должна быть только слугой стратегии. Всему его складу противоречило также нападение на неприятельский фронт слабыми силами. При выборе для него начальника штаба, к сожалению, не нашли дополняющего его стратегического таланта (стратегической головы). Рейхсархив вынес о командующем 2-й армией такое суждение: «Понятая лишь на войне ошибка в оценке оперативных способностей этого командующего армией имела роковые последствия». Кто не вспомнит при этом генерала Штейнмеца в кампанию 1870 г.! А что говорит Шлиффен в своих «Каннах»?

«Излюбленной привычкой раздельно следующих частей армии все еще остается стремление сосредоточиться всем вместе перед фронтом противника, прежде чем перейти в наступление».

Командующий 1-й армией

Командующий 1-й армией, в противоположность командующему 2-й армией, отличался оперативным складом мыслей; он считал своей задачей охватывать противника и не допускать

свои части располагаться перед его фронтом. Но, вследствие установленного верховным командованием подчинения его командующему 2-й армией, он был ограничен в проявлении своей воли, поскольку не хотел нести ответственности за неповиновение. Он противился указанию направить свою армию немедленно на юг и придвинуться к правому флангу 2-й армии. Верховное командование, получив сведения о противоположности взглядов обоих командующих, побоялось вмешаться приказом в защиту мнения командующего 1-й армией. Поэтому и случилось, что «излюбленная привычка» командующего 2-й армией одержала победу над идеей охвата. 2-я армия была уверена, что она не может отказаться от непосредственной поддержки 1-й армии, но не думала о том, что лучшая и наиболее действительная поддержка заключается в охвате противника. Таким образом, 1-я армия оказалась своим центром перед крепостью Мобеж и перед фронтом англичан.

Роковые неудачи в операции 3-й армии

3-я армия оказалась также под злым оперативным роком. Верховное командование предписало ей наступать на Маас, на участок Намюр — Живе. В остальном она также была связана соглашениями с командующим 2-й армией. Французы занимали линию Мааса, сильную как по природе, так и тем, что она опиралась на две крепости, а потому чисто фронтальное наступление через реку было, конечно, очень тяжелым и могло бы быть облегчено только в том случае, если бы неприятельская позиция была очищена одновременным наступлением или западнее Намюра — через Самбру, или же южнее Живе — через Маас. Первое надлежало сделать 2-й армии, что она в течение боев действительно и выполнила, а последнее 3-я армия могла предпринять собственными силами. Возникал только вопрос, был ли занят Маас французами южнее Живе или нет. Немедленное выяснение этого являлось по обстановке настоятельно необходимым, тем более что наступление крупными силами через Маас и даже, быть может, частью сил через Фюме давало поразительную возможность выйти в тыл французам. И действительно между Живе и Шарлевиллем река была свободна от неприятеля. Военное счастье снова простирало свою руку 3-й армии. Но командование 2-й армии хотело также и эту соседнюю армию видеть направленной на неприятельский фронт. И когда, наконец, верховное командование указало на направление через Фюме, как на незанятое неприятелем, и 3-я армия послала туда свои войска, то было уже поздно, так как французы уже находились в отступлении. Таким образом, в решительные дни вся 3-я армия оставалась связанной на месте перед маасским фронтом Намюр—Живе.

Крепость Намюр

Значение крепости Намюр в сражениях 2-й и 3-й армий требует тем более тщательного исследования, что едва ли можно было бы подтвердить необходимость атаки этой крепости еще

во время полевых боев. Целые два корпуса были, таким образом, лишены возможности участвовать в боях и операциях. Чтобы защитить внутренние фланги 2-й и 3-й армий от неприятельских вылазок из крепости, достаточно было к небольшому количеству живой силы присоединить только тяжелую артиллерию. И было бы невероятным, чтобы французы избрали для большого наступления путь через Намюр. Этим самым они содействовали бы видам немцев, так как тогда обход западнее Мобежа и южнее Живе был бы сильно облегчен. Немцы должны были с достаточной уверенностью принять, что французы, ведя сражение, используют укрепления Намюра только из тактических соображений. Защита крепости давала возможность французам расположиться на двух соприкасающихся под прямым углом фронтах на Маасе и Самбре. Укрепленный треугольник Намюр—Живе—Мобеж мог принести французам мало пользы против настоящей операции, веденной в духе Канн. Если бы немцы повели наступление не только с обоих фронтов, но еще с флангов и в горловине, что они имели возможность сделать при наличии превосходства сил, то для французов возникла бы опасность быть запертыми в укрепленном треугольнике.

Несомненно, этот треугольник давал войскам, дравшимся на Маасе и Самбре, не только известное моральное успокоение, но и кажущуюся превосходной защиту флангов. Крепость, подобно сфинксу, губит того, кто не разгадает ее загадки. Притягательная сила крепостей, как известно, часто оказывает роковое воздействие на командование. Кто не помнит крепость Ульм в 1805 г. и генерала Макка, или крепость Мец в 1870 г. и маршала Базена? Но разве Наполеон или Мольтке атаковали эти крепости? Нет, они их обошли. Под Ульмом и Мецом австрийцы, как и французы, продолжали сидеть в западнях. Почему этого нельзя было добиться под Намюром в 1914 г.? Исходя из стратегических соображений, было, без сомнения, лучше установить наблюдение за Намюром и обеспечить незначительными силами внутренние фланги 2-й и 3-й армий против вылазок из крепости. Приняв соответственные меры, к которым мы еще вернемся, представлялась возможность, по крайней мере, еще один корпус освободить для сражения в открытом поле.

Применение армейской кавалерии

В применении кавалерии также недостаточно были приняты во внимание стратегические соображения. В 1914 г. еще царил «излюбленный обычай» разделять кавалерийские дивизии перед фронтом противника. Хотя за много лет до войны эти дивизии были сведены в кавалерийские корпуса, но еще не прониклись убеждением, что большая кавалерийская масса должна быть на внешнем фланге, где она найдет свободу действий против фланга и тыла противника. На Самбре оба кавалерийские корпуса не прибыли своевременно на место, где они должны были находиться. Один кавалерийский корпус остался даже на фронте и

за ним, в то время как другой вследствие невыясненного положения в районе Лилля был оттянут к западу. Рейхсархив пишет, что конная армия на правом немецком фланге могла бы получить большое стратегическое значение.

«Отступление англичан на запад или юго-запад, а, может быть, также и на юг было бы тогда едва ли возможным».

План сражения, разработанный командующим 2-й армией, и его действительный ход

Командующий 2-й армией имел план сражения, отвечавший его взглядам и намерениям. По этому плану 1-я и 2-я армии 21 августа должны были продолжать захождение, левый фланг 2-й армии должен был достигнуть Самбры, но еще не начинать наступления. В этот же день 3-й армии следовало двигаться к Маасу на участке Намюр—Живе, 22-го там развернуться и подготовить переправу через реку. Одновременно 1-я и 2-я армии должны были закончить свое захождение в южном направлении. 23-го командующий хотел всеми тремя армиями одновременно повести фронтальное наступление. Так как на войне, в силу неминуемых трений, часто происходит не то, что предполагалось заранее, то и в данном случае уже 21-го план был нарушен тем, что по инициативе частного начальника левофланговая дивизия 2-й армии с боем перешла своими частями Самбру, 22-го последовало дальнейшее отступление от плана, на этот раз уже по приказу самого командующего. Основываясь на сообщениях летчиков, он вывел ошибочное заключение, что непосредственно южнее Самбры находятся только три кавалерийских неприятельских дивизии со слабой пехотой. Ввиду этого он пожелал

«использовать благоприятный момент и еще 22 августа, до подхода дальнейших неприятельских сил, перейти левым флангом особенно трудный участок Самбры».

Вследствие этого 2-я армия продолжала в этот день свое продвижение вперед, как это было первоначально предположено, и внезапно натолкнулась на своем правом крыле на английскую кавалерию у Шарлеруа, а восточнее — на большие французские силы. Завязались ожесточенные бои с контратаками со стороны французов. Это преждевременное наступление 2-й армии не могло остаться без последствий для согласованности операции. По плану было предположено вести единое сражение, для чего прежде всего требовалось, чтобы 1-я армия не осталась позади 2-й. К тому же 1-я армия еще не успела настолько подтянуть свои силы из второй линии, чтобы можно было рассчитывать на их своевременное участие, не говоря уже о том, что местонахождение англичан было выяснено только в послеполуденные часы 22 августа. До тех пор пока этого не было сделано, 1-я армия, по оперативным соображениям, не могла отказаться ни от направления марша, ни от глубокого эшелонирования. Как бы то ни было, но намерение командующего 2-й армией,

когда он 22 августа, по выражение Рейхсархива, «несколько неожиданно» изменил свой план, заключалось в том, чтобы подтянуть 1-ю армию влево вплотную ко 2-й армии для поддержки фронтального боя. Для совместных действий с 3-й армией внезапное решение было также невыгодно, так как она уже не могла сделать приготовлений для перехода через Маас. 23 августа 2-я армия с сильными боями повела наступление в южном направлении, не получая ощутимого содействия и подкрепления от обеих соседних армий; при этом командующий 2-й армией не получил ни одного извещения о ходе боя в этих армиях. В таких обстоятельствах положение представлялось весьма критическим. Несмотря на это, командующий решился снова атаковать 24 августа. При этом он ожидал действия частей 1-й армии против неприятельского левого крыла, западнее Мобежа, а также 3-й армии против правого неприятельского фланга. 1-я армия между тем наткнулась на фронт англичан у Монса и оказалась не в таком положении, чтобы развить быстро действующий охват. 3-я армия 23 августа смогла выполнить переправу через Маас, так как перед ее фронтом противник не оказывал уже упорного сопротивления и находился в отступлении. 24 августа армия хотела преследовать неприятеля по обоим берегам Мааса в юго-западном направлении, но крик о помощи со стороны 2-й армии заставил ее изменить решение, чтобы оказать непосредственную поддержку наступлением в западном направлении. Бой за крепость Намюр составил особый акт; уже 23-го удался штурм северного фронта. Этим падение крепости было предрешено.

В то время как командующий 2-й армией под впечатлением событий перед фронтом своей армии все еще надеялся пожать 24 августа плоды большого боевого успеха, а также ввиду казавшегося критическим положения 2-й армии призывал соседей к охвату, его противник, командующий 5-й французской армией, получив известие об отступлении соседней справа 4-й французской армии перед 4-й немецкой армией, а также под влиянием падения Намюра, уже вечером 23 августа решил отойти до наступления рассвета. Командующий английскими войсками в районе Монса еще 23 августа вечером считал свой левый фланг настолько мало угрожаемым, что думал о возможности 24-го продолжать защиту пока еще удержанных позиций. Но известие об отступлении французов не допускало больше пребывания у Монса. Поэтому англичане, в свою очередь, заблаговременно начали отступление.

Успех сражения, решавший исход войны, ускользнул из рук командующего 2-й армией. Как в Лотарингии и на юге Бельгии, так и на Самбре все свелось к чисто фронтальным боям. Повсюду были достигнуты «обыкновенные победы», как их называл Шлиффен. Вопреки желанию и не замечая этого, немецкое командование было целиком вовлечено во фронтальную стратегию.

Ход решающей операции на правом крыле мог быть изложен здесь только в общих чертах — настолько, чтобы проследить

руководящие оперативные идеи. Ясной руководящей идеи, которая господствовала бы над всем управлением от высшего командования до командиров дивизий, вообще не было. Поэтому нечего удивляться, что ни сосредоточение сил на фронте, ни охват на правом фланге не осуществились. Осталась неясная, необъединенная, раздробившая силы операция. На Самбре у нас не было настоящего полководца, который обладал бы даром предвидения того, что «произойдет и произойти должно». Шлиффен предвидел ошибки, которые будут совершаться на войне. Его памятная записка от декабря 1905 г., как в зеркале, отражает картину событий 1914 г. В своих позднейших сочинениях он пытался преодолеть «излюбленные привычки». В «Каннах» он указал способ противодействовать смыканию разделенных частей перед неприятельским фронтом.

«Задача высшего командования — сократить соответствующими распоряжениями неизбежную разницу между временем прихода одной части на фронт, а другой на фланг или в тыл».

Другими словами, нужно правильно использовать время и пространство.

Исследование на основе шлиффеновских положений

Схема 3

В нашем исследовании мы не можем обойтись без твердого исходного пункта, чтобы не дать слишком большого простора нашей фантазии и нарисовать правдивую картину, которая должна была создаться при правильном проведении оперативных намерений в духе Шлиффена. Мы можем взять за основу положение 1-й, 2-й и 3-й армий 21 августа утром, до начала движения, по данным Рейхсархива, как они представлены в 1-м томе на схеме 3 (стр. 347), и позволим себе только в некоторых пунктах внести предположения, отличные от тогдашнего положения, но безусловно лежавшие в области возможного.

Крепость Намюр не будет пока атакована. Для защиты от вылазок крепостного гарнизона во время полевого сражения достаточно двух дивизий, расположенных: одна — севернее Самбры, другая — юго-восточнее Мааса. Но еще лучше, если мы допустим, что верховное командование провело мероприятие, близкое к осуществлению в 1914 г. В то время как еще шли мобилизация и развертывание армий, внутри страны было сформировано несколько подвижных второочередных дивизий (эрзац-дивизий) [1], которые в соединении с тяжелой и сверхмощной артиллерией были пригодны для боя за крепости. Эти дивизии в 1914 г. направлялись, начиная с 17 августа, к левому немецкому крылу, в 6-ю и 7-ю армии, вместо правого крыла, как это было

[1] 6½ второочередных дивизий. В нашем изложении для простоты мы принимаем только 6, допуская, что одной из дивизий придана смешанная второочередная бригада.

бы оперативно правильнее сделать. Мы допустим, что эти второочередные дивизии вступили в Льеж 20 августа и что 13-я резервная дивизия освобождена для действий против Намюра.

Что касается обоих кавалерийских корпусов, то предположим, что 21 августа утром один из них расположен на расстоянии короткого перехода от центра 1-й армии, а другой — на таком же расстоянии от правого крыла 2-й армии, оба готовые к движению вперед.

Верховное командование в 1914 г. во время решающих операций находилось далеко от фронта, не организовав достаточной связи с ним. С момента, когда отдан приказ о начале операций, мы перемещаем в нашем разборе из Кобленца в Аахен ставку верховного командования, готовую быстрыми переходами направиться за правым крылом армии. При этом не нужно брать с собой весь обоз главной квартиры. Но во всяком случае подготовительными мобилизационными работами должно быть обеспечено одно, а именно —

«просторные кабинеты, где под руками проволочный телеграф и радио, телефонные и сигнальные аппараты, а около дома ждут приказаний вереницы автомобилей и мотоциклов, приспособленных для дальних поездок».

Такие командные пункты верховного командования должны были планомерно и незамедлительно устраиваться также в неприятельской стране позади правого крыла, за центром и за левым крылом. Они следуют за операциями и в зависимости от обстановки занимаются органами верховного командования или самим начальником генерального штаба. Предположим, что начальник генерального штаба утром 21 августа прибыл с оперативным, разведывательным и железнодорожным отделами в Аахен и 23 августа отправился на командный пункт в районе 2-й армии.

Командование 4-й и 5-й армиями поручается командующему 4-й армией. Для действий обеих армий во время проведения правым крылом решающей операции дается соответствующая «директива». Высшее командование указывает при этом, что при движении левого крыла 3-й армии оно предусматривает могущую понадобиться поддержку со стороны правого крыла 4-й армии.

Теперь мы обратимся к правому крылу и установим точно, где находились 1-я, 2-я и 3-я армии утром 21 августа до начала движения. Это последнее должно мысленно совершаться на основании наших соображений. Утром 21 августа 1-я армия в составе четырех корпусов (II, IV, III и IX) группировалась около Брюсселя. III резервный корпус оставался прикованным к Антверпену, а IV резервный корпус находился у Тирлемона. Вплотную к левому крылу 1-й армии у Ватерлоо примыкала 2-я армия в составе четырех корпусов (VII, X резервного, X и гвардейского), протянувшись восточнее Жамблу (северо-западнее Намюра). Восточнее Намюра, на северном берегу

Мааса, стоял гвардейский резервный корпус. Позади правого крыла армии, в расстоянии небольшого дневного перехода, стояла 14-я дивизия VII резервного корпуса, другая половина которого — 13-я резервная дивизия — находилась еще в Льеже. Южнее Мааса располагалась 3-я армия, сперва XI корпус, а дальше, уже довольно близко к Маасу, XII корпус. И на левом крыле уступом немного назад (до Сирньон в одном переходе восточнее Живе) — XIX резервный корпус. Позади левого крыла армии, на дистанции хорошего дневного перехода, находился XII резервный корпус. Как было указано выше, мы оставляем оба кавалерийских корпуса там, откуда они могли господствовать над пространством от Мобежа через Лилль до берега моря.

Оценка обстановки

При оценке оперативной обстановки необходимо начинать с неприятеля. Где противник и каковы его намерения? На оба эти вопроса мы должны ответить, взяв за основу имеющиеся донесения. Для этого мы можем просто придерживаться сводки донесений, которую верховное командование имело в своем распоряжении 20 августа 1914 г.:

«На Маасе между Намюром и Живе находятся I, II и, быть может, X французские корпуса. Южнее Самбры, между Намюром и Шарлеруа, сегодня находятся уже вблизи Самбры один или самое большее два корпуса. Западнее линии Шарлеруа — Фюме подходят к северу приблизительно три корпуса. Они еще, повидимому, не достигли линии Филиппвилль — Авен (Avesnes). Должны быть учтены высадки англичан в Булони и их движение по направлению на Лилль. Перед центром нашей армии между Фюме и Шарлевилль, повидимому, войск нет совсем или же там стоят только слабые силы».

Это сообщение верховного командования создает уже необыкновенную ясность обстановки, дает ключ ко многим намерениям неприятеля, если не ко всем. Он хотел во всяком случае защищать линию Мааса между Намюром и Живе. Удивительно было то, что линия Мааса от Фюме до Шарлевилля была, как казалось до сих пор, свободна или же занята только слабыми силами. Было необходимо тщательно наблюдать за Маасом южнее Живе, а также, учитывая положение 4-й армии, так направить движение 3-й армии, чтобы не встретить никаких неожиданностей со стороны Фюме, во фланг 3-й или 4-й армии.

На фронте Самбры пока еще не удается добиться полной ясности в вопросе, намеревается ли неприятель наступать через реку, или же, будучи привлечен выгодами местности, он предполагает защищать высоты южнее реки. Наступление, казалось бы, представляло для него немного выгод, так как он некоторым образом сам подставил бы себя тогда под охват, между тем как его левое крыло, где ожидались англичане, должно было приобрести особую силу. Для того чтобы на немецкой стороне притти к целесообразным мероприятиям, следовало предположить, что противник будет обороняться, так как в этом случае обход-

ное движение немцев могло получить дальнейшее развитие. Если бы неприятель перешел в наступление, то это послужило бы нам только на пользу. Но если сопоставить все условия на стороне противника, то могло казаться, что оборона южнее Самбры противоречила благоприятным предположениям немцев: обороне способствовали позиции на высотах южнее реки, сознание безопасности правого фланга благодаря Маасу и наступлению собственной соседней армии, защищенность левого фланга укреплениями Мобежа. Немцам, в свою очередь, следовало учесть, что фронт неприятеля протянулся почти до Мобежа. Являлось вопросом, куда направятся подходящие с юга три упомянутых в донесениях корпуса; возможно, что их было и больше. Ввиду того что фронт Намюр—Мобеж был слишком широк для двух корпусов, а больше двух до этого момента их не могло быть на Самбре, следовало предположить, что упомянутые приближающиеся силы будут размещены главным образом на фронте Самбры. Конечно, нельзя было исключать и того предположения, что один или несколько корпусов (если подошли бы еще и другие силы) образуют около Мобежа уступ за левым флангом, чтобы в нужном случае перейти в контрнаступление против правого немецкого фланга.

Другой неясный момент представляли англичане. Верховное командование немногое могло сказать о них 20 августа. Его сведения ни разу не заключали более точных указаний о том, весь ли английский экспедиционный корпус уже высадился на французской территории. Командование как 1-й, так и 2-й армий, несомненно, прочло в одной из бельгийских газет, что, по сообщению официального лондонского прессбюро, весь экспедиционный английский корпус высажен на французский берег. Но это известие позабыли передать верховному командованию. Неясность относительно англичан заключалась, главным образом, в важнейшем вопросе: где они появятся? Изучение карты и общей обстановки весьма ограничивало возможности в этом отношении. Надо было исключить предположение, что англичане сами по себе будут оперировать приблизительно вдоль берега моря по направлению к Антверпену или Брюсселю. Слабость экспедиционного английского корпуса вызывала в нем психологическое стремление присоединиться к своему мощному другу— французской армии. Но оставался открытым вопрос, было ли это стремление к соединению настолько сильно со стороны англичан, а, вероятно, и со стороны французов, чтобы желать выдержать общий бой только рука об руку, или же, может быть, решение обусловливали все же оперативные соображения, имевшие целью наступление английского экспедиционного корпуса, подкрепленного французскими войсками, против немецкого правого фланга в оперативном направлении через Лилль к Брюсселю. Поэтому прежде всего было необходимо установить местонахождение англичан, а в особенности — нет ли угрозы правому немецкому крылу со стороны Лилля. До тех пор пока в этом отношении оставалась полная неясность, наступление правофланговой

армии должно было выполняться в таком направлении и в такой группировке, которые позволяли бы быстро образовать сильный фронт по направлению к Лиллю, или, другими словами, направление марша должно было вести на юго-запад, между Лиллем и Мобежем, т. е. приблизительно на Валансьен, и так, чтобы армия образовала две линии, в составе трех корпусов в передней и двух корпусов в задней линии. Удаление задних корпусов по отношению к передним с приближением к противнику должно было настолько сокращаться, чтобы развертывание всей армии перед сражением могло быть выполнено по возможности в течение одного дня. Также должна была оставаться возможность быстро развернуть три или четыре корпуса к стороне правого фланга, если бы противник повел наступление через Лилль. Положение 1-й армии было бы гораздо проще, если бы за ней следовала другая армия, как это предусматривал в 1905 г. Шлиффен, чтобы оставить ее для расчета с англичанами, если бы они стали угрожать правому флангу 1-й армии. Но в таком случае не следовало вторгаться в Эльзас и Лотарингию такими большими силами, как это случилось в 1914 г., а нужно было там в случае наступления французов действовать так, как предлагал Шлиффен, вместо того чтобы совершать весьма спорное оперативное выступление сверх программы («Extratour»). При разделении сил, принятом в 1914 г., 1-я армия, естественно, находилась в тяжелом положении до тех пор, пока не было установлено, что англичане не наступают через Лилль, но ищут соединения с французами у Мобежа.

Полоса наступления (Vormarschraum) 1-й армии определялась местными условиями. Слева ее ограничивала большая дорога из Монса до Сен-Жан через Нивелль—Бенш (Binche), которая в данных условиях предоставляется 2-й армии. Если бы англичане выступили в соединении с французами, то надлежало принять во внимание три линии, на которых они могли принять бой, — это Монс—Конде, Монс—Валансьен и Баве—Валансьен. Другими словами, левое крыло англичан следовало предполагать у Конде или Валансьена. Принятие боя англичанами на линии Мобеж—Ле-Като уже потому выпадало из рассмотрения, что они в этом случае должны были отказаться от своей естественной линии отступления на Сен-Кантен. Из этого ряда соображений следует также, что имело значение перерезать путь отступления англичанам на Сен-Кантен. Если англичане совместно с французами атакуют 1-ю армию, то этим они только облегчат ей совершение охвата. В действительности англичане в 1914 г. приняли бой у Монса и ни разу не протянули своего левого фланга до Конде или Валансьена, чем оказали «любезную услугу» нашей 1-й армии.

Полоса наступления 2-й армии была относительно узкой, так как слева близость крепости Намюр лишала возможности выдвинуться за дорогу Жамблу — Фосс. После перехода через Самбру этот район значительно расширялся, но нужно было принять меры, чтобы при дальнейшем наступлении левый фланг 2-й армии

не столкнулся с правым крылом 3-й армии. Это побуждало уже при наступлении на Самбру усилить правый фланг и сделать слабее левый. К тому же местность западнее Шарлеруа представляла более выгодные условия для наступления. Принимая в расчет эту точку зрения, три корпуса получают направление на Бенш—Фонтен—л'Эвек, в то время как линия Самбры выше Шарлеруа атакуется слабыми силами. Таким образом, в соответствии с оперативным намерением, создается также и для 2-й армии без всякого принуждения массирование сил на правом фланге, а не на левом, как это было в 1914 г. После этого рассмотрения нам остается только назначить число, когда армии должны начать наступление через Самбру и Маас, чтобы организовать их марши. Назначение этого дня зависит от наибольшего расстояния, которое нужно покрыть и которое выпадает на долю 1-й армии. Если не требуют особые обстоятельства, то лучше перед сражением не производить никаких форсированных маршей, чтобы не вымотать силы людей, если от них требуется величайшее напряжение во время сражения, а главным образом при преследовании неприятеля, которое должно происходить до «последнего вздоха людей и коней». Брюссель от Валансьена отстоит на 4 перехода. Поэтому наступление на Самбру не должно последовать раньше 24 августа. Во все это время 2-й армии следует соблюдать строжайшую выдержку, в особенности на своем левом фланге, где близость неприятеля создает очень большой соблазн для преждевременного наступления. Только в одном случае—и то лишь по приказанию командующего армией — весь фронт противника должен быть атакован, а именно — при отходе противника. Установить это должна прежде всего воздушная разведка 2-й и 3-й армий. 20 августа 1914 г., как это уже упомянуто, высшее командование сообщило командующему армией сводку сведений о неприятеле. Но оно само не сделало никакого вывода из этих сведений. Ввиду того что при нашем рассмотрении мы пришли к решению, как мы будем передвигать три армии 21 августа и в последующие дни, то теперь приобретает немаловажное значение вопрос, в какую форму облечь наши мысли и передать соответствующие приказы командующим армиями. Мольтке старший в таких случаях избирал форму «директивы». Само собой разумеется, что директива на 21 августа и на последующие дни могла бы быть более краткой, чем данный нами разбор обстановки. Чтобы избежать повторения, можно предоставить каждому читателю самому набросать такую директиву В заключение следует сказать еще немногое относительно маршей. Высшее командование не будет точно устанавливать марши в отдельности или сразу отдавать приказ до 24 августа, но ограничится только приказами на ближайшие дни 21 и 22 августа, так как оно должно ожидать известий до вечера 22 августа о месте нахождения англичан. Также можно будет вывести дальнейшее заключение из картины, которую даст воздушная разведка о действиях противника перед фронтом 2-й и 3-й армий (постройка укреплений).

Распоряжения

Утром 21-го будет приказано:

«Оба кавалерийские корпуса (под общим командованием) устанавливают местонахождение англичан и достигают к вечеру 22-го местности южнее дороги Ат — Турне. Границы разведки справа Дюнкирхен — Кале — Булонь, слева Мобеж — Хирсон.

1-я армия 22 августа тремя корпусами достигает линии Линь, западнее Ат — Суаньи; два корпуса продвигаются во второй линии за правым флангом, насколько позволит маршевая способность; 2-я армия 21-го стоит на месте и подтягивает оставшиеся позади части. 22-го она начинает некоторое захождение на юг; левый фланг должен быть удержан у Жамблу, правый достигает Нивелль. Группировка армии должна быть такова, чтобы для наступления правого фланга через Бенш — Фонтен — л'Эвек было наготове три корпуса. Для обеспечения фланга и тыла севернее Намюра остается одна дивизия. 13-я резервная дивизия будет подтянута западнее Хюи.

3-я армия оставляет одну дивизию XI корпуса как заслон против Намюра юго-восточнее крепости. XIX и XII резервный корпуса удерживаются временно несколько позади за левым флангом наготове к тому, чтобы, смотря по дальнейшему развитию действий, они смогли перейти Маас южнее Живе и у Фюме, или принять участие в бою 4-й армии, юго-западнее Сент-Юбер. Высшее командование оставляет за собой решение об использовании обоих корпусов.

Строжайше запрещаются какие-либо местные наступательные движения. Если неприятель перейдет в наступление против 2-й армии через Самбру, то последняя должна вначале обороняться, пока 1-я армия будет продолжать движение в указанном ей направлении. Если одновременно будет также атакована 1-я армия, то она должна оставить на фронте возможно слабые силы и произвести обход мощными силами правого крыла. Если же неприятель вопреки ожиданиям начнет отступать, то его следует незамедлительно атаковать всем фронтом армий, но только по приказанию командующих армиями, если они имеют положительные сведения, что это не является местным отступательным движением.

22-го к вечеру не могло быть сомнений о местонахождении англичан, так как местность со стороны Лилля была свободна. Их можно было предполагать у Монса и Мобежа. Только бой мог показать, как далеко на запад протягивается их левый фланг. К югу от Самбры мы принимаем французов на прежних позициях, которые они укрепили. На Маасе обстановка также без перемен. Теперь настал момент, когда высшее командование предоставляет свободу действий армиям. Оно отдает приказ на 23 и 24 августа:

«Оба кавалерийские корпуса обходят Валансьен с запада и атакуют неприятеля с тыла. Они преграждают ему отступление на Сен-Кантен и Лан (Lâon).

1-я армия сильным правым крылом (2½ корпуса) продвигается через Перювель — Конде и западнее для охвата в направлении Валансьена, левым крылом — через Монс на Баве. Она должна атаковать противника там, где он встретится. Движения правого крыла организовать таким образом,

чтобы осуществить охват у Валансьена 24-го. 14-я резервная дивизия, которая передается из 2-й армии в 1-ю, двигается через Роель (Roeulx) и прикрывает левый фланг 1-й армии со стороны Мобежа.

2-я армия продвигается 23-го до Самбры и подготовляет переправу. Она ведет атаку 24-го сильным правым крылом на Бомон, левым — через Фосс в направлении на Флорень. Обеспечение к стороне Мобежа и Намюра. 3-я армия делает 23-го все приготовления для наступления через Маас по обе стороны Динана и двигает того же числа XIX и XII резервный корпуса к Маасу южнее Живе. 24-го совершается переправа через Маас одновременно севернее и южнее Живе XII резервным корпусом через Фюме на Рокруа. После переправы у Динан правое крыло армии поворачивает по возможности в юго-западном направлении и ищет смыкания с частями армий, которые перейдут через Маас южнее Живе».

Меры для взятия Намюра и другие распоряжения высшего командования в нашем исследовании не играют роли. Надо лишь заметить, что по времени ничто не препятствует так урегулировать прибытие к Намюру подвижных эрзац-дивизий, чтобы подтянуть еще остающиеся там обе дивизии 2-й и 3-й армий уже 24-го числа. И того же числа открывается огонь тяжелой артиллерии по этой крепости, чем достигается объединенное наступление 24-го числа трех армий правого крыла от Валансьена через Намюр до Фюме. В 4-й и 5-й армиях наступление ни в коем случае не должно начинаться до 24-го — лучше 25-го, чтобы дать выигрыш времени правому крылу. По ходу боев в 1914 г. 4-я и 5-я армии вполне могли до 24 августа держаться обороны, и французы оказали нам тогда «любезную услугу», упорствуя так долго в атаке.

Командующий 5-й французской армией был в 1914 г. поставлен на Самбре перед не совсем легкой задачей. Высшее командование приказало ему перейти через реку и атаковать немцев, примыкая к крепости Намюру, тогда как он сам, ввиду превосходства сил на стороне немцев и опасности охвата на левом фланге, не считал более такую атаку возможной. Но преждевременное движение вперед 2-й немецкой армии освободило французского командующего армией от необходимости выбирать решение; у него не осталось другого выбора, кроме обороны на высотах южнее Самбры, в чем он не видел никакого ухудшения своего положения. Теперь возникает вопрос, что стал бы делать французский командующий армией при измененных в нашем исследовании условиях, т. е. при принятой нами сдержанности действий 2-й немецкой армии. Перешел бы он 23-го числа в наступление согласно указаниям высшего командования или остался бы и в этих условиях обороняться на высотах южнее Самбры? Так как виды для французского наступления через Самбру в нашем исследовании никоим образом не лучше, чем они были в действительности в 1914 г., то можно принять, что французский командующий армией остался бы при своем убеждении, что он может без опасения встретить немецкое наступление на выгодных позициях на высотах южнее реки.

Основной пункт проблемы

На этом мы заканчиваем наше исследование, в котором хотели показать, как идеи графа Шлиффена должны были бы быть осуществлены в 1914 г. на Самбре, чтобы привести к решающему исходу. Сопоставление нашего исследования с фактическим ходом событий 1914 г. дает возможность с ясностью распознать основной пункт проблемы победы. В то время как в 1914 г. командование расходилось в своих взглядах и намерениях и не могло достигнуть ясного представления, что, собственно, представляют операции по замыслу Шлиффена, мы старались в нашем исследовании учесть, как идея «Канн» с ее неумолимой последовательностью и величественной односторонностью должна была привести к единству воли. При расходящихся стремлениях командования хотя и могли быть достигнуты успехи в сражениях, благодаря блестящему поведению войск, но это были отдельные фронтальные сражения, обыкновенные (ординарные) победы, тогда как дело шло о том, чтобы путем внутренней спайки и полной согласованности во взглядах и намерениях сверху донизу достигнуть единой победы. Задача состояла не в том, чтобы везде побеждать, но в том, чтобы везде вести бои для одной победы на правом крыле армии, для великого охвата всей французской армии. Вот этой духовной согласованности, этого высокого единства воли немецкое командование и не могло достигнуть, несмотря на выгоды обстановки и «любезную услугу» со стороны французов. Если мы себя спросим, почему это не было достигнуто, то должны будем открыто признать, что мы не познали духовного наследия графа Шлиффена и предпочли его советам «излюбленную привычку».

II

„НОМЕР СВЕРХ ПРОГРАММЫ" („EXTRATOUR") В ЛОТАРИНГИИ

Схемы 4 и 5

Взгляд генерала Мольтке на операций в Лотарингии

Поздно вечером 21 августа 1914 г. в Кобленце генерал-полковник фон-Мольтке собрал в гостинице «Монополь» офицеров штаба и с глубоким волнением сообщил о «большой победе» 6-й и 7-й армий в Лотарингии. Это была «его» победа, которую он в последние годы подготовлял на военных играх и полевых поездках генерального штаба. Можно предполагать, что Мольтке операцией в Лотарингии стремился итти по стопам своего великого дяди. Но всегда и повсюду его преследовал старый Шлиффен со своими Каннами. Ничего не поделаешь, надо было угодить этому духу-мучителю с кладбища инвалидов: никакой другой путь, кроме как через Брюссель—Лилль, не приводил к уничтожению французских армий. Старая фландрская военная дорога, не загражденная укреплениями-барьерами, представляла ближайший путь в тыл неприятеля. Нельзя было отрицать: старый Шлиффен был прав со своим планом. Но что если французы, как теперь снова допускалось, сами поведут наступление в Лотарингию? Разве нельзя было бы и там приготовить для них решительного поражения? Правда, старый Шлиффен не хотел ничего знать о такой операции; он был бы очень рад, если бы «гарнизон» покинул свою «крепость» — Францию — как раз в тот момент, когда она подвергалась бы угрозе в самом опасном направлении. Но разве не было возможности дать генеральное сражение в Лотарингии? К чему далекий обход, если французы оказывали любезность, сами прорываясь через лотарингские ворота? Может быть, можно было некоторым образом открыть им там объятия, опираясь на расширенные крепости Мец и Страсбург? В качестве приманки в эту западню служило уклонение от боя с отходом на р. Саар. Конечно, для такой операции требовались более значительные силы, чем Шлиффен имел в виду оставить в Лотарингии. Эльзас в этом случае также нельзя было оставить совершенно на произвол судьбы. Дело шло уже

не о том, чтобы «сковать возможно большие силы французов минимальными немецкими силами», раз хотели дать французам генеральное сражение; в этом случае нужно было самим быть сильными. Ведь французы вторгались между Мецом и Вогезами в немецкие земли, по всей вероятности, значительными силами. Бросить немецкие земли в жертву вражескому вторжению, как Шлиффен предполагал принять это на свою ответственность, было все же рискованно. Гораздо лучшим казалось рискнуть на большое сражение в Лотарингии по образцу дяди. Французы, без сомнения, должны были притти туда, как об этом стало известно теперь из их новейшей литературы. Вопрос заключался лишь в том, как нанести им уничтожающее поражение. Для этого в мирное время на задачах, военных играх и полевых поездках была изыскана новая операция, а именно — создавали «мешок», в который французы должны были попасть. Мысль была не нова. Граф Шлиффен занимался ею в прежние годы на полевых поездках и уже в середине девяностых годов от нее отказался на том основании, что французы не будут втянуты в «мешок», так как они должны были опасаться подвергнуться в нем уничтожению.

Указания для развертывания 6-й и 7-й армий

К сожалению, в 1914 г., когда «мешок» должен был быть осуществлен, военное командование не дало об этом распоряжений или хотя бы сколько-нибудь определенных указаний. Распоряжения для развертывания указывали на защиту левого фланга заходившего правым плечом фронта, как на главную задачу. В остальном ведение операций должно было зависеть от образа действий французов. Но если бы французы сохранили оборонительный образ действий, то защита фланга была бы не нужна. Что тогда должны были бы делать обе армии? Очевидно, атаковать и сковать неприятеля, чтобы он не перебросил своих сил по железной дороге на свое левое крыло. Если же французы вторгались бы на территорию империи, как с большой вероятностью предполагал генерал фон-Мольтке, то следовало дать решительный бой в благоприятных оперативных условиях. На полевых поездках генерального штаба и военных играх этот случай часто разыгрывался, поэтому ход мыслей генерала фон-Мольтке был знаком старшим офицерам генерального штаба. Но в распоряжениях для развертывания не было в этом отношении достигнуто полной ясности, в особенности на тот случай, если бы образ действий французов не раскрывал, атакуют ли они только демонстративно, чтобы замаскировать переброску остальных частей, или же имеют в виду наступление значительными силами с целью захвата Эльзас-Лотарингии. В общем указания командования для ведения операции в Лотарингии гласили:

«Если французы, опираясь на свой фронт крепостей, останутся в состоянии обороны, то 6-я и 7-я армии наступают на Мозель ниже Фруара и на Мерту, чтобы сковать сосредоточенные здесь французские силы и помешать их переброске на левое французское крыло. Если французы в превосход-

ных силах перейдут в наступление между Мецом и Вогезами, то германские силы отходят, причем препятствуют угрозе со стороны французов левому флангу главных сил путем охвата ими позиции на Ниде. Если неприятельское наступление распространится на Верхний Эльзас, то все же возможно бо́льшие силы 7-й армии должны действовать совместно с 6-й армией непосредственно против вторгнувшегося в Лотарингию неприятеля».

Еще до окончания развертывания 7-я армия была подчинена командующему 6-й армии, так что единство управления казалось обеспеченным. Но в задаче — так, как она была поставлена,— с самого начала имелись затруднения и опасности. «Наступать или отходить» всегда остается противопоставлением, которое ведет к зависимости от неприятеля. Было ли наступление в обстановке 1914 г. вообще выполнимо, если бы неприятель под защитой своих укреплений держался оборонительного образа действий? Не мог ли бы он тогда беспрепятственно перебросить избыток войск, если бы почувствовал себя достаточно крепким, чтобы с более слабыми силами удерживать укрепленный фронт? И не представлялась ли сомнительной возможность своевременно заметить превосходство его сил? В случае его наступления генерал Меккель при такой постановке задачи обычно говорил: «Когда вы побиты, вы замечаете, что неприятель был сильнее». Граф Шлиффен в свое время ставил задачу проще. Он не предусматривал армии в Среднем и Верхнем Эльзасе и давал совет с самого начала использовать войска в Лотарингии для наступления на Нанси.

Наступление на Нанси по Шлиффену

Шлиффен писал:

«Удастся ли это наступление, зависит, главным образом, от того, ограничатся ли здесь французы обороной или, верные своим принципам, перейдут в контрнаступление. *Если они сделают последнее, то была бы достигнута основная цель наступления на Нанси, а именно — сковывание возможно большей силы на Восточном французском фронте. Чем больше войск французы направят в контрнаступление, тем это лучше для германцев. Последние должны не только ввязываться в упорные бои, а, напротив, видеть свою задачу в том, чтобы привлечь на себя возможно сильнейшего неприятеля и держаться при помощи расширенного Меца».*

Намерения Мольтке в случае решения наступать на Нанси

В этом случае следовало бы начать операцию так, как она была задумана в 1914 г., наступлением 6-й армии на Нанси, за которым, несомненно, последовало бы контрнаступление, поскольку французы вообще решились наступать. Тогда 6-я армия начала бы отступать, не вступая в упорные бои, но удерживая противника при помощи расширения позиций Меца. К этому, по замыслу Мольтке, в качестве второго акта примыкало сосредоточение сил для двустороннего охвата глубоко вторгнув-

шегося в Лотарингию неприятеля со стороны Меца и со стороны Вогезов и проведение наступления. Правда, это была несколько искусственная операция; тем не менее она могла удаться, если бы с германской стороны действовали с максимальной последовательностью и если бы французы оказали «дружескую услугу», не только проникнув до Саара в направлении Сааргемюнд — Саарбрюкен, но и ослабив сверх того свои фланги вдоль Вогезов и у Меца. Внешние фланги обеих германских армий не подвергались опасности, пока они примыкали к Мецу и Страсбургу. С развитием охватывающего наступления для германцев на обоих внешних флангах создавалась, однако, угроза со стороны Туля, Нанси и Эпиналя. Против этой опасности не имелось другого средства, как быть возможно сильнее на флангах и иметь расчленение в глубину. По фронту на Сааре можно было обойтись со слабыми силами, и даже незанятое пространство не представляло угрозы, так как не приходилось опасаться охвата внутренних флангов обеих армий. Если бы операция не удалась, то, разумеется, большие германские силы были бы потеряны для главного удара на правом крыле, как это в действительности имело место в 1914 г.; но если бы значительные французские силы находились глубоко в Лотарингии вдали от своих железных дорог, то и они не могли бы своевременно появиться на левом крыле французов. Основная идея всякой операции в Лотарингии заключалась, следовательно, в том, чтобы допустить французов возможно глубже проникнуть в Лотарингию, но отнюдь не давать решительного сражения вблизи границы и линии французских крепостей, что позволяло французам даже в неблагоприятном случае немедленно найти защиту за своими укреплениями и затем все-таки перебросить еще силы на левое крыло. Но если бы предпосылки для двустороннего охвата от Меца и от Вогезов оказались особенно благоприятными, то возможно, что в результате могло бы сложиться уничтожающее сражение (Vernichtungsschlacht) с полным разгромом вторгнувшихся в Лотарингию боевых сил французов.

Поскольку генерал-полковник фон-Мольтке строил свои расчеты на французском наступлении в Лотарингию в большом масштабе, он не подумал о том, чтобы с самого начала предписать 6-й армии атаку на Нанси с целью вызвать французов на наступление. Тем самым он поставил командующего 6-й армией в неприятное положение — найти во что бы то ни стало решение трудного вопроса, будут ли французы наступать или нет, а это решение привело как раз к тому, чего при всяких обстоятельствах следовало избежать, — к фронтальному бою вблизи границы и французских крепостей.

Действительный ход событий

Схема 4

После этого общего оперативного обзора обратимся к событиям в Лотарингии с 11 по 20 августа 1914 г. Начальник гене-

рального штаба баварской армии в Мюнхене перед отъездом на фронт пришел к заключению, что в Лотарингии вопрос сводится сначала не к тому, чтобы дать решительное сражение, но к тому, чтобы «выиграть время». Он предполагал уклониться от натиска превосходных сил противника и лишь позднее с дугообразной линии Мец—Нид—Саар—Пфальцбург—Мольсгейм перейти в контрнаступление, причем главный удар должен был быть направлен против обоих флангов неприятеля. В случае если бы французы замедлили с наступлением, 6-я армия должна была атаковать на широком фронте, однако, во всякое время сохраняя возможность уклониться. Брошенное зерно неясности пустило корень. Терпеливое выжидание на намеченной для развертывания линии Мец—Саарбург, пока французы начнут наступление, не соответствовало ни духу войск, ни характеру управления. Таким образом, не приходится и удивляться, что вскоре после прибытия в Сент-Авольд, под влиянием войск и под впечатлением боев у Мюльгаузена и Лагард, командование армии, согласно указаниям для развертывания, начинает думать о собственном наступлении для «выяснения обстановки». Соседняя 5-я армия также из эгоистических соображений ничего не хочет знать об отходе 6-й армии за Саар.

11 августа. Мысль о наступлении получает в штабе 6-й армии определенные формы. Главные силы 6-й армии должны для наступления сосредоточиться к западу, в то время как главные силы 7-й будут наступать с линии Оберенгейм — Кольмар к Мерте. В промежуток между обеими армиями должен быть вдвинут один из корпусов 7-й армии. Поэтому XIV корпус немедленно отправляется по железной дороге из Верхнего Эльзаса в Саарбург, чтобы присоединиться к наступлению 6-й армии. Штаб 7-й армии ради обеспечения тыловых сообщений не хочет протягивать своего левого фланга к югу через долину Брейш. Штаб 6-й армии изъявляет согласие на то, чтобы левый фланг 7-й армии направлялся не от Кольмара на С.-Дие, а севернее, через Плен на Этиваль.

12 августа. Высшее командование умеряет наступательный пыл 6-й армии, что, однако, не содействует устранению неясности. Таковая устраняется скорее сведениями относительно неприятеля. Установлено, что 9½ корпусов и 4 кавалерийских дивизии находятся между Нанси и Бельфором. Этим подготовляется перемена во взглядах штаба 6-й армии.

13 августа. Считаются с возможностью временного отхода, но только в случае «безусловной необходимости». Высшее командование предполагает значительно более крупные силы на линии и за линией Понт-а-Муссон — Раон л'Этап и думает, что преждевременное наступление не отвечает замыслу общей операции. Завеса сомнений как будто бы приподнимается; ожидают большого наступления французов, от которого 6-я армия предполагает уклоняться за Саар, но лишь шаг за шагом. Если не представится возможности для наступления раньше, то на линии Бузендорф—Саарлуи—Саргемюнд—Пфальцбург имеется в виду

оказать упорное сопротивление. 7-я армия должна стянуть свои силы к северу и, держась на Брейшской позиции, воспрепятствовать неприятельскому прорыву восточнее Пфальцбурга. Выгрузка XIV корпуса частично переносится в Цаберн. Штаб 7-й армии рассчитывает на французское наступление через Вогезы и хочет атаковать XV и XVI резервными корпусами, как только французы спустятся в Рейнскую долину. По поводу этой помехи своим намерениям штаб 6-й армии испытывает «тяжелое разочарование».

14 августа. Намерение отходить объявляется лишь вечером в этот день в весьма осторожной форме. Мысль о собственном наступлении все еще жива у штаба армии. 1-я и 2-я французские армии двинулись вперед.

15 августа. Осторожно отходят, однако, не слишком далеко, несмотря на то, что высшее командование в поступившем в этот день письме генерал-квартирмейстера, датированном еще 13-м числом, рекомендует отказаться от примыкания к Нидской позиции (!) и отойти за нижнее течение Саара, примерно на линию Саарбрюкен — Вогезы, восточнее Саарбурга. Между р. Нид и Саарбрюкеном могут, кроме кавалерийской массы, оставаться второочередные дивизии; не вызывает сомнений и незанятый промежуток. Утром 15-го высшее командование напоминает 7-й армии о быстром сосредоточении значительных сил у Пфальцбурга и южнее, вследствие чего возобновляется ускоренное движение на север. Штаб 6-й армии приказывает воможно скорее соединить XIV резервный и XV корпуса между Цаберном и Мальсгеймом. Начало большого французского наступления ожидается 16-го. В приказе по армии на этот день линия р. Саар между Саарбрюкеном и Ридингом распределяется между корпусами. Армия должна занять оборонительную позицию до 18-го числа. Хотя теперь необходимость отхода как будто бы вытеснила мысль о немедленном наступлении, но все же подчеркивается, что «быстрое развертывание фронта» должно быть обеспечено.

16 августа. В течение этого дня взгляд штаба 6-й армии еще раз меняется. Берется под сомнение мысль, что французы ищут решения в Лотарингии и пойдут в ловушку. Высшее командование также указывает не отходить сразу за р. Саар. Предпосылка для отхода, т. е. превосходство неприятеля, поколеблена. Войска рвутся в бой. В полдень 16-го штабу 7-й армии уже сообщено, что не исключается последующее наступление 6-й армии, в ответ на что штаб 7-й армии заявляет, что эта армия ранее 20-го к атаке готова не будет. Неприятель продвигается вперед, продолжая нащупывать.

17 августа. Штаб 6-й армии решает положить конец отходу. Охват западного фланга противника со стороны Меца, разумеется, исключен, однако, ожидают успеха от наступления 7-й армии через Вогезы против правого неприятельского фланга. Наступление предположено на 19-е.

18 августа. В полночь с 17-го на 18-е из Кобленца в баварский штаб армии в С.-Авольд прибывает офицер, который ин-

формирует о точке зрения высшего командования. Значительная часть французских сил двигается в Лотарингию; необходимо отойти на р. Саар и в Вогезы. Затем вторгнувшийся противник должен быть решительно разбит атакой на оба фланга. Офицер определенно предостерегает от наступления с ныне занятой позиции 6-й армии, так как близость неприятельских крепостей будет препятствовать использованию победы. Баварское командование, несмотря на это, отдает предпочтение немедленному наступлению перед дальнейшим отходом, учитывая, главным образом, настроение собственных войск и оживление наступательного духа у противника. Французы продвигаются только на несколько километров вперед. Штаб 7-й армии приказывает атаковать восточное крыло и фланг неприятельских сил, наступающих против 6-й армии. Штаб 6-й армии желает, чтобы решение наступать было санкционировано высшим командованием. Последнее возлагает ответственность на штаб армии.

Наступление откладывается на 20-е.

19 августа. Штаб 7-й армии предлагает сначала подпустить противника к 6-й армии. В 7 ч. 30 м. вечера появляется приказ командования 6-й армии о наступлении. Поскольку не удалось добиться ясности относительно сил и намерений противника, который продвигается лишь с осторожностью, то, по мнению штаба армии, возникает опасность подвергнуться сковыванию меньшими силами. Поэтому сознательно отказываются от первоначальных оперативных намерений и стремятся посредством наступления добиться ясности обстановки, причем надеются, что 7-я армия ударит в южный фланг неприятеля.

20 августа. Итак, совершается германское наступление против продвигающихся навстречу французов: 6-й армией — примерно с линии Ган-на-Ниде — Бенсдорф — Финстинген и 7-й армией, примыкая к 6-й, через Ридинг до Дагсбурга, а затем через Донон и южнее до долины Вейлера. Наступлением именно этой относительно слабой группы в горах рассчитывают раздавить фланг противника.

В общем 328 германских батальонов вели бой против 420 французских, причем германскому руководству не удалось в каком-либо месте, на том или другом фланге, создать превосходство сил. Бой сложился поэтому чисто фронтально, а так как в горах левая группа 7-й армии могла продвигаться вперед только медленно, то и воздействие ее на неприятельский фланг совершенно отсутствовало. Генерал-полковник фон-Мольтке находился полностью под обаянием этого первого успеха. Весть о победе в этот достопамятный вечер волновала сердца. Преувеличенное представление о победе столь сильно застилало горизонт высшему командованию, что оно, несмотря на предостережение баварского командования (правда, довольно слабое) от 22 августа, пришло к роковому решению — всеми силами продолжать преследование в Лотарингии в южном направлении, чтобы оттеснить неприятеля от Эпиналя, — вместо того чтобы значительную часть этих сил посадить в давно приготовленные железно-

дорожные поезда и доставить на правое крыло германских армий; они, правда, опоздали бы к происходившему решительному сражению на Самбре, но для операции против Амьена или против Кале оказались бы очень кстати.

Разбор распоряжений

Характеристикой оперативного вождения на левом крыле германских войск между 11 и 19 августа являются неуверенность и колебание и притом не только со стороны баварского командования, на которое было возложено ведение операции, но также и самого высшего командования. Причину этого, помимо других обстоятельств, надо искать главным образом в первоначальной постановке задачи высшим командованием. Недостаточно отдавали себе отчет относительно способов «сковывания» противника. Из практики на учебных полях военачальники привыкли прибегать для этой цели к наступлению. Но этого было недостаточно для решения оперативной задачи, выпавшей на долю 6-й армии в рамках общих операций. Наступлением, которое выходило из пределов намерения Шлиффена и его движения на Нанси, нельзя было, ввиду своеобразия местности и наличия укрепленных барьеров, принести много пользы главному решению (удару) на правом крыле германских войск. О том свидетельствуют убедительнейшим образом самые события в Лотарингии; нам нет надобности тратить на это ни одного слова. Наступление — так, как его провел штаб 6-й армии, чтобы «разъяснить» обстановку и «сковать» противника, — было задумано тактически, а не оперативно. Идею наступления следовало подчинить оперативной цели. Если в качестве основания для наступления приводится ссылка на настроение как собственных, так и неприятельских частей, то на это следует возразить, что задачей командования было введение духа войск в желательное для командования русло. Войска никогда не мыслят оперативно, да это и совсем не их дело. Даже у баварских войск боевой пыл, наверное, направился бы по надлежащему пути, если бы им было разъяснено, что дело идет о том, чтобы ввести в заблуждение французов, втянуть их в глубь страны, считаясь с близостью французских крепостей, и лишь тогда не только ударить на них с обоих флангов и по возможности с тыла, но полностью уничтожить и взять в плен. Необходимость действовать таким образом должна была бы быть постигнута всем командным составом 6-й армии, если бы их внимание было направлено на это их армейским командованием. Медленное продвижение французов первоначально ничего не доказывало относительно характера наступления; в этом выражалась исключительно осторожность, которой, — ввиду возможности оказаться ущемленными между Мецом и Страсбургом,— не приходилось удивляться. Но создавать из этого предлог для потворства желанию своих войск не было основания. Как раз наоборот: следовало сделать попытку заставить французов, со-

блазняя их своим отходом, отказаться от осторожности и наступать смелее. Через несколько дней германское командование, наверное, убедилось бы, что таким путем французы были бы более действительно связаны, чем посредством атаки вблизи границы. Сковывание было бы тем более продолжительным, чем дальше удалились бы французы от своих железных дорог и крепостей. Это простое оперативное соображение должно было при всяких обстоятельствах стоять выше оглядки на собственные войска. Reservatio mentalis (оговорки) в приказах штаба армии были опасны, так как они обнаруживали неуверенность командования и этим невольно вызывали критику. «Довольно отходить! Мы хотим наступать!» — было естественным ответом войск. Верно, что при «нащупывавшем» продвижении французов приходилось терять драгоценное время, так как использование крупных германских сил не оканчивалось сковыванием противника; они должны были возможно скорее освободиться для использования, будь то в Северной Франции или на Маасе ниже Вердена, а может быть, даже и на Восточном театре военных действий. Если об этом и не было упомянуто в указаниях для развертывания, то все же это относилось к числу тех соображений, которые высшее командование должно было выставить. Во всяком случае идея применить силы для прорыва французского крепостного фронта противоречила общей обстановке и предшествующим намерениям высшего командования; такое предприятие было величайшим грехом против замысла покойного Шлиффена.

Если говорить об ответственности, то в первую очередь пришлось бы возложить ее на главное командование, поскольку в его задачу входило путем ясных и простых заданий и приказов давать армиям возможность действовать в соответствии с его намерениями, а также принимать решительные меры против нецелесообразных распоряжений командующих армиями, когда они доходили до его сведения. Поэтому никак нельзя признать правильным, что ответственность за решение наступать была возложена на командование армии. С другой стороны, последнее, под тяжестью сомнений и при своей скорее тактической установке, не нашло оперативно правильного решения. Оно считало необходимым разрезать завесу мечом. Стремясь вовсе не дать возникнуть сомнениям и колебаниям, Шлиффен с самого начала хотел начать с наступления на Нанси, чтобы вызвать французское контрнаступление. Германское командование в 1914 г. избавилось бы от всех затруднений, если бы действовало сообразно с этим. Не «наступать или отходить» должно было быть паролем, а «наступать и отходить», как только неприятель перешел к контрнаступление. Наступление 6-й армии на Нанси могло начаться 15-го, а к 17-му обстановка была бы «выяснена». Тогда наступало время отходить согласно плану, как его наметил начальник генерального штаба еще в Мюнхене. Разумеется, он не должен был на полдороге вновь менять свое решение.

Возможный ход событий, если бы командование 6-й армии придерживалось отхода

Но и при той обстановке, какая сложилась к 16 августа, была возможность провести задуманную операцию. Конечно, оставалось под вопросом, привела ли бы она к решительной победе, так как предпосылкой к этому было сосредоточение возможно больших сил у Меца и в Вогезах у Пфальцбурга. Именно здесь[1] эта победа могла бы быть достигнута, а не у Меца, после того как в приказе по армии от 16-го правому флангу было указано отходить в направлении на Саарбрюкен. Если хотели устроить мешок, то надо было открыть фронт наподобие двустворчатой двери для входа посетителя. На пространстве между флангами могли поместиться три кавалерийских дивизии и часть вновь перевезенных второочередных дивизий. Важнее всего было сделать возможно крепкими внешние части створок[2]. Там глубоко эшелонированные массы войск должны были выжидать, как в засаде, того момента, когда неприятель своими главными силами развернулся бы веерообразно по рр. Нид и Саар. Но так как можно было быть уверенным, что противник не оставит без внимания своих крыльев и флангов, то благоразумие требовало иметь наготове у внешних частей створок значительно большее количество сил, чем где бы то ни было. Следовало учитывать, что неприятель перейдет Саар и будет угрожать охватом тому или другому из внутренних немецких флангов; надо было даже решиться, несмотря на всю опасность, которая постоянно угрожала со стороны французских крепостей, вести бой с совершенно перевернутым фронтом, что опять-таки давало преимущество отбросить французов к Пфальцу и еще более удалить их от друзей, которые могли бы поспешить им на помощь. Предоставлять концепцию такого боя командованию армии, разумеется, не следовало; такой план мог зародиться только в одной голове, и за такой риск должен был отвечать своей головой сам высший руководитель, сам полководец. Успешного результата от этого риска сражения с перевернутым фронтом в трудных условиях местности в Вогезах, о которых мы еще будем говорить, нельзя было обещать заранее; последующий разбор позволяет, однако, установить это с достаточной вероятностью, потому что французское командование в течение войны повсюду оказывало «дружеские услуги». Беспросветный страх парализовал бы силы французов, как скоро они обнаружили бы, что атакованы с флангов и тыла. Боевой пыл вспыхнул бы гораздо сильнее, чем при скучных фронтальных боях. Если бы возникло сомнение в достаточности сил для такого начинания, то ничто не препятствовало спешно наскрести со всех гарнизонов южнее Майна все до последнего орудия и винтовки для оборонительных фронтов в Вогезах и на Сааре.

---

[1] Т. е. на направлении от Пфальца.— *Примеч. перев.*

[2] Die Angelpunkte; в буквальном переводе — дверные петли. В данном случае внешние фланги, которые должны были захлопнуть противника.— *Примеч. перев.*

Предполагаемый ход событий согласно шлиффеновскому плану

Ничто не было, как пишет Рейхсархив, более желательно для графа Шлиффена, чем вести бой в Лотарингии против превосходных сил противника. Чтобы это осуществить, он предполагал, как уже упомянуто, посредством наступления соответственно слабыми силами (тремя армейскими корпусами, одним резервным корпусом и тремя кавалерийскими дивизиями) на Нанси вызвать французов на контрнаступление. Этот план в 1914 г. удался бы тем легче, что французское высшее командование само имело намерение вторгнуться большими силами в Эльзас-Лотарингию. Не требуется много фантазии, чтобы представить себе ход событий при таких предпосылках. Эльзасская армия (a ée Alsace) заняла бы Верхний Эльзас, французская 1-я армия вторглась бы в Средние Вогезы и между Вогезами и р. Саар. 2-я французская армия оттеснила бы немецкие силы перед Нанси и двинулась бы на Мец и Нидскую позицию, а также на среднее течение р. Саар. С германской стороны слабые силы в Верхнем Эльзасе уклонились бы частью за Рейн, частью на Страсбург. Худо ли, хорошо ли, но организовали бы оборону в Вогезах, опираясь на крепость Мольсгейм, для чего можно было бы еще подтянуть многочисленные запасные и ландштурменные войска из Южной Германии. Главные силы германцев отошли бы за Нидскую позицию и к нижнему течению Саара, а потому для обороны среднего течения Саара осталось бы не слишком много,— предположительно, только массы кавалерии. Смотря по большей или меньшей скорости, с которой продвигались бы французы, они могли бы достигнуть между 20 и 22 августа среднего течения р. Саар у Саргемюнда и Саарбрюкена. Нигде не встретив упорного сопротивления со стороны германцев, французы оказались бы в затруднении, что им предпринять дальше. Попытка охватить Нидскую позицию со стороны нижнего течения р. Саар представлялась бы столь же привлекательной, как и наступление на крепость Страсбург. С крепостью Мец дело обстояло труднее, так как здесь надо было покончить с сильной полевой позицией и с армией, прежде чем можно было подойти к самой крепости. Три французских армии были бы, таким образом, веерообразно растянуты по широкой дуге от верхнерейнских крепостей через Нейбрейзах — Страсбург — Вогезы — среднее течение рр. Саар — Нид до Меца как раз к тому моменту, когда германское правое крыло прошло бы через Брюссель и собиралось через Лилль вторгнуться в крепость «Францию».

Мы условимся, что бои в Южной Бельгии, на Маасе и на Самбре между 20 и 24 августа сложились бы точно так же, как и в 1914 г. Перед каким роковым решением было бы поставлено тогда французское высшее командование? Следовало ли ему продолжать операцию своим правым крылом, чтобы вновь приобрести Эльзас-Лотарингию, т. е. захватить территорию, в остальном же действовать впустую? И это в момент охвата своего

левого крыла и угрозы Парижу, сердцу Франции. Было бы лучше для германцев, если бы французы ввязались в бои перед Страсбургом, в Вогезах и у Нидской позиции. Вожди французских армий в Эльзас-Лотарингии, может быть, защищали бы решение не прерывать операцию, но атаковать Страсбург и Мец. Французское командование оказалось бы тем в большем конфликте с совестью по вопросу, как ему поступить, что дешевое завоевание утраченных в 1870 г. провинций вызвало бы пламенное воодушевление во всей Франции. При этом французские силы были бы вдали от собственных железных дорог. После нескольких дней «мучительных сомнений и колебаний» события в Северной Франции вынудили бы, конечно, решение повернуть из Лотарингии и срочно спешить обратно за фронт крепостей, к станциям посадки. Тогда германцам надо было бы перейти в наступление по всему фронту между Мецом и Страсбургом, чтобы вовлечь в сражение возможно большие силы французов еще по эту сторону фронта крепостей. Между тем на правом крыле германцев «армейское карре» (bataillon carré [1]), образованное за счет войск в Лотарингии, следуя сначала позади 1-й армии через Брюссель, затем вправо от нее через Лилль—Аррас, далеко обходя неприятеля, продвинулось бы на Амьен.

«Главное для развития запланированных операций — это образовать сильное правое крыло, с помощью его выигрывать сражения и безостановочным преследованием посредством именно этого сильного крыла все время принуждать противника к отходу».

Это не утопический ход мыслей, но простые и логические выводы в том виде, как их можно прочитать в докладной записке графа Шлиффена от декабря 1905 г. (Рейхсархив, т. I, стр. 55—61).

Возможное использование 6-й и 7-й армий в Лотарингии в духе шлиффеновских принципов

Схема 5

Чтобы исследовать исчерпывающим образом оперативные возможности, следует еще разобрать, как сложились бы события, если бы в Лотарингии стремились провести 6-й и 7-й армиями решающее сражение в шлиффеновском духе. Мы кладем при этом в основу развертывание 1914 г. и исходим из обстановки 14 августа, — следовательно, того дня, когда французы начали наступление в Лотарингию и когда штаб 6-й армии принял решение отходить, а эта армия (5 корпусов, 3 кавалерийских дивизии) как раз закончила свое сосредоточение между Мецом и

[1] Выражение «bataillon carré», переведенное здесь как «армейское карре», означает сосредоточенную группировку крупных соединений (корпусов, например) квадратом, ромбом и т. п., т. е. с известной свободой маневра, обеспечивающей их применение в желаемом направлении. Впервые этот термин был применен Боналем, который назвал этим именем порядок движения армии Наполеона к Иене в 1806 г. Бональ видел в такой группировке с соответствующим авангардом тайну побед Наполеона и выстраивал по этому шаблону целые французские армии в своих планах стратегического развертывания 1898 г. — *Примеч. перев.*

Саарбургом. Главные силы 7-й армии находились еще у Шлеттштадта и Мюльгаузена. XIV корпус только что приступил к железнодорожной перевозке от Мюльгаузена по правому берегу Рейна, имея целью Страсбург.

Тогдашняя германская пограничная территория состояла из двух разнородных, разделенных Вогезами частей — Рейнской долины и Лотарингской возвышенности, которые связывались между собой вогезскими дорогами. Узкая длинная равнина между Вогезами и Рейном была мало удобна для действий крупными массами. Рейн с лежащим позади Шварцвальдом гарантировал известную защиту для Южной Германии, и его можно было при помощи верхнерейнских укреплений и крепости Страсбурга оборонять в течение некоторого времени незначительными силами. На севере левобережная равнина Рейна замыкалась Страсбургом с Брейшской позицией и крепостью императора Вильгельма II у Мольсгейма. Обход этой сильной позиции с запада, через Вогезы, хотя и не был невозможен, но все же был сопряжен со значительными трудностями. Оборона против одновременного концентрического наступления французов через «ворота Бельфора» (trouée de Belfort) и через Вогезы, между проходом Шлухт и Дононом, несомненно, потребовала бы расхода значительных сил. Одновременная операция германцев в Лотарингии и в Верхнем Эльзасе неизбежно должна была повести к раздроблению сил. При таких обстоятельствах было ясно, что Верхний Эльзас надо оставить. В 1914 г. временный успех у Мюльгаузена мы обязаны приписать тому обстоятельству, что французы продвигались по частям через Бельфор, вместо того чтобы одновременно, тоже крупными силами, двигаться через Вогезы от Эпиналя. Назначение расширенной крепости Страсбурга, первоначально мыслившееся как фланговая защита для германских войск, развертывающихся между Триром и Страсбургом, состояло в том, чтобы прикрывать фланг германских сил, оперирующих в Лотарингии. Мы видели, как штаб 7-й армии и высшее командование стремились возможно быстрее соединить силы 7-й армии, примыкая к Страсбургу таким способом, чтобы обеспечить совместные действия с 6-й армией в Лотарингии. Средние Вогезы не являлись, однако, для германского наступления в Лотарингии местностью, благоприятной для маршей и для боев. Развертывание войск через Дагсбург и Донон из долин Цорна, Красн. и Бел. Саара и Плен (Plaine) против линии Саарбург — Раон л'Этап было затруднительно, да и выдвижение из западного края гор ни в коем случае не могло быть осуществлено быстрым маршем, — его пришлось бы достигать путем тяжелых боев и затяжного применения войск. Для обороны Вогезы были, наоборот, выгодны. По обеим сторонам Рейнско-Марнского канала и севернее Пфальцбурга сеть дорог становилась значительно благоприятнее; поэтому при германском наступлении из Эльзаса в Лотарингию дело заключалось в том, чтобы выйти из гор одновременно широким фронтом. Но по свойствам дорожной сети наступление разделялось на две группы — севернее Дагсбурга и южнее Донона. Что-

бы иметь шансы выйти во фланг противнику, необходимо было, чтобы он продвинулся фронтально, по крайней мере, вплоть до Эйхеля и линии Сааргемюнд — Саарбрюкен и там ввязался бы в бои. Внезапность действий несколько облегчалась тем, что Вогезы из района Цаберна в направлении на Пфальцбург могли быть пройдены коротким маршем. Если бы западный край горной цепи восточнее Пфальцбурга защищался сначала небольшими силами, то главная масса войск могла быть подготовлена позади Вогезов и лишь тогда приведена в движение, когда главные силы неприятеля находились бы в бою дальше к северу. Чтобы с самого начала не допустить последующий эшелон французов до поля сражения у Пфальцбурга, нельзя было избежать наступления через Донон и через Плен в верхней Брейшской долине. А это наступление в свою очередь делало необходимой оборону флангов и тыла в долине Вейлера, у Маркирха, а также между Шлеттштадтом и Нейбрейзахом. Если принять во внимание все эти обстоятельства, как это и сделал в 1914 г. штаб 7-й армии, то оказывается, что немецкое наступление с линии от Цаберна до Шлеттштадта, или даже до Кольмара, через горную цепь, должно было поглотить значительные силы. Эти условия стали бы еще затруднительнее, если бы французское командование так направило свои операции, чтобы сперва одновременным концентрическим наступлением с линии Бельфор — Эпиналь отбросить действующие в Эльзасе германские силы до Страсбурга и за Брейшскую позицию, и лишь после этого повести наступление в Лотарингии сильным, глубоко эшелонированным крылом вдоль Вогезов.

Местность между Вогезами и Мецом предоставляла германцам много выгодных оборонительных позиций на хребте Дельме, на р. Зейле, между озерами Линдер и Шток и у Саарбурга; дальше назад—по Ротте и на линии Альтдорф—Сааральбен и, наконец,— за Сааром и Эйхелем. Обход этой позиции на западном фланге благодаря расширенному Мецу был невозможен; на восточном фланге благодаря расширенному Страсбургу и Вогезам — очень затруднен; можно было также осадить левое германское крыло до Бича. В крайнем случае удобные участки давали Блис, Шварцбах и Лаутер. Местность была, таким образом, как будто создана для отхода «шаг за шагом». Если бы французы продвинулись на север между Рейном и Сааром, то им пришлось бы оставить под Страсбургом немалые силы, а в трудной местности Вогезов не обошлось бы без раздробления сил. По Шлиффену, такое французское наступление означало не что иное, как отказ от участия (этих сил) в развязке кампании. Если же это было так,— а кто теперь стал бы в этом сомневаться? — то отсюда следовал логический вывод: иметь насколько возможно слабые силы германцев между Рейном и Сааром и отказаться от операций наступательного характера, будь то в Верхнем Эльзасе или в Вогезах, или же на Верхнем Сааре.

Но где же был ключ ко всякой операции в Эльзас-Лотарингии? Нигде, как у Меца, т. е. у Меца, расширенного Мозельской

позицией Мец — Диденгофен — Кенигсмахерн и Нидской позицией Мец — Бузендорф — Саарлуи, — у этого поворотного пункта всей операции, у этого сфинкса с непостижимыми глазами графа Шлиффена. Его загадка во время войны не была разгадана. Расширенный Мец представлял собою не только фланговую защиту и точку поворота для большой операции через Бельгию, но одновременно район сосредоточения и оперативный базис для армии, действующей в Лотарингии.

«Современные большие крепости не имеют целью способствовать оборонительным операциям, напротив, они предназначены сделать способными к наступлению даже численно более слабые силы, давая возможность войсковым соединениям, пользующимся крепостями, наносить внезапные удары в самых различных направлениях и прикрывая их фланги и тыл».

Так писал Шлиффен в 1905 г. особенно в отношении Меца, ибо у него на полевых поездках, военных играх и т. п. часто создавалось впечатление, что относительно оперативного использования крепостей еще не достигнута должная ясность. Он снова и снова разъяснял использование Меца на многих полевых поездках и во время других работ. При помощи Меца можно и должно было дать французам вторгнуться в Эльзас, в Лотарингию и в Пфальц так далеко, как только они этого хотели. Дело заключалось лишь в том, чтобы иметь наготове у Меца части полевой армии, будь то для обороны или для наступления. Важнейшее значение такой комбинации крепости и полевой армии заключалось в постоянной угрозе тылу французских сил, продвигавшихся в северо-восточном направлении. Отсюда вытекает, что не следовало преждевременно останавливать продвижения французов, и что из всех сил, имевшихся в наличии в Эльзас-Лотарингии, максимально большую часть необходимо было сосредоточить на линии Мец—Саарлуи, чтобы в должный момент повести по возможности внезапное наступление в тыл неприятелю, помешать отходу французов южнее Меца за их линию крепостей и оттеснить их на восток. Поскольку для одновременного, широко предпринятого наступления из Вогезов между Эйхелем и долиной Мюнстера в 1914 г. не было достаточно больших сил,— несомненно, более соответствовало бы шлиффеновской точке зрения и общей обстановке иметь в виду наступление соединенных сил 6-й и 7-й армий на фланге у Меца. Этим сохранялась бы также возможность направить часть сил, эшелонированных влево за 5-й армией, если бы в этом представилась необходимость. Путем примыкания обеих армий к Мецу высшее командование во всякое время могло бы принять любое решение.

Пролог операций, т. е. шлиффеновское наступление на Нанси, мы можем, как уже было указано, оставить без рассмотрения. Согласно намерениям французского высшего командования на долю южной группы войск (armée d'Alsace, 1-я и 2-я армии) выпала задача атаковать германские силы, расположенные в Эльзас-Лотарингии. Забота о том, имели ли французы превосходство сил, не должна нас тревожить, ибо это первоначально не

играет роли в предполагаемой операции. В действительности французы имели превосходство в пехоте и кавалерии (420 батальонов, 161 эскадрон и 1 648 орудий против 328 батальонов, 143 эскадронов и 1 766 орудий с германской стороны). 14 августа утром 6-я армия была расположена следующим образом (Рейхсархив, т. I, стр. 195):

8 кав. дивизия и III баварский корпус — юго-восточнее Меца,

II баварский корпус — юго-западнее Мерхингена,

XXI корпус — юго-западнее Диеза,

баварская и 7-я кав. дивизии (III кав. корпус) — между Лагардом и Бламоном,

I баварский корпус — юго-западнее линии Бламон — Сирей,

I баварский резервный корпус—у Пюттлингена и Сааральбена.

В 7-й армии в ночь перед тем было приступлено к перевозке XIV корпуса по железной дороге по правому берегу Рейна; XV корпус находился на марше от Мюльгаузена на север и XIV резервный корпус стоял в районе восточнее Шлеттштадта. 30-я резервная дивизия (главный резерв Страсбурга) запирала долину Вейлера; ландверные бригады были распределены у Мюльгаузена и вдоль Рейна.

После того как оперативные условия тщательно выяснены, остается лишь набросать план, согласно которому германские силы в Эльзас-Лотарингии должны передвигаться 14 августа и в последующие дни. В директиве высшего командования следовало бы указать примерно следующее.

6-я армия. III баварский корпус немедленно отходит за р. Нид через Курселль и Курцель. 8-я кав. дивизия маскирует это движение, равно как и сосредоточение за р. Нид.

II баварскому корпусу, XXI корпусу и кав. корпусу (баварская и 7 кав. дивизии [1]) дается задача на широком фронте оказывать сопротивление противнику, не ввязываясь в упорные бои, и увлекать его за собой. Направление для II баварского корпуса — Саарлуи, для XXI корпуса — Саарбрюкен, для кав. корпуса — Сааргемюнд.

I баварский корпус выбывает из состава 6-й армии.

I баварский резервный корпус двигается вправо за Нид у Бузендорфа.

7-я армия. XIV корпус, XV корпус и XIV резервный корпус перевозятся по железной дороге по обоим берегам Рейна через Майнц и далее по дорогам на Наэ, Хохвальд и Мозель в район северо-восточнее Меца,— равно как и три второочередных дивизии — распоряжением начальника полевых железных дорог.

По прибытии штаба армии в Мец ему подчиняется крепость с 33-й резервной дивизией (главный резерв Меца).

Вогезская группа. Под начальством командира I баварского корпуса этот корпус оказывает сопротивление на высотах у Саарбурга, не вступая в упорные бои, а затем широким фронтом

[1] В немецком тексте ошибочно указан VII кав. корпус.— *Примеч. перев.*

отходит назад за Эйхель. 30-я резервная дивизия (главный резерв Страсбурга) запирает вогезские проходы между Донoном и Рейнско-Марнским каналом.

Три второочередные дивизии[1] продвигаются в окрестности Люцельштейна и восточнее Пфальцбурга. Они занимают сначала западный край Вогезов между Рейнско-Марнским каналом и Эйхелем, примыкая к I баварскому корпусу. В случае необходимости они отходят за Модер на Винген, Ингвейлер и Обермодерн.

Крепость Страсбург переходит в подчинение командира I баварского корпуса.

Находящиеся на марше из южногерманских гарнизонов в Страсбург второочередные и ландштурменные войска поступают в распоряжение страсбургского губернатора.

Сосредоточение войск между Мецом и Саарлуи должно быть окончено к вечеру 19-го.

Офицер высшего командования, доставивший эту директиву, посвящен в намерения этого командования и остается в качестве офицера связи в штабе 6-й армии, которая переносит свою главную квартиру 15-го из С.-Авольда в Мерциг. Граница между 6-й и 7-й армиями позади Нидской позиции и районы сосредоточения прибывающих по железной дороге корпусов и второочередных дивизий нанесены на карте, приложенной к директиве высшего командования. Из этой карты явствуют также и замыслы относительно дальнейшего наступления, в случае если оно разовьется так, как этого ожидает высшее командование. Дополнение письменных приказов картами или схемами с соответствующими отметками является для высшего командования важным вспомогательным средством, чтобы дать войсковым управлениям картину их задач и облегчить взаимное понимание.

При позднейшем наступлении с линии Мец—Саарлуи высшее командование мыслит продвижение следующим образом:

7-я армия — в направлении Мацерюлль — Эйнвилль,

6-я армия — в направлении Вик — Диез — Миттерсгейм.

7-й армии надлежит защищать правый фланг 6-й армии и обеспечивать со стороны Нанси; поэтому она должна наступать на узком фронте с глубоким расчленением. 6-я армия также должна сделать сильным свой правый фланг. Вогезская группа, несмотря на свою слабость, также переходит в наступление по всему фронту. О времени наступления, само собой разумеется, нельзя еще ничего сказать; решение относительно этого высшее командование оставляет за собой. Сначала следует выждать, какого образа действий будут держаться французы. Можно предположить, что французское наступление после первоначальной нерешительности распространится до Среднего Саара. Против Нидской позиции и Меца французы образуют фланг, сила которого будет зависеть главным образом от их общей силы, равно как и от количества войск, которое будет оставлено под защитой Нанси — Туль для наступления на Мец по обоим берегам Мозеля. Эта неясность

[1] См. примечание на стр. 27 и схему 3.

может быть с германской стороны компенсирована только тем, что под Мецом будет подготовлено «армейское карре» (bataillon carré), которое должно быть в состоянии противодействовать всяким случайностям и любой угрозе со стороны Нанси. Таким образом, и здесь для правого крыла германцев остается в силе тот же самый основной принцип, который Шлиффен выставил для всей совокупности операций германских армий: «Сделайте мне только сильным правое крыло».

Заключение

Иной читатель задумается над тем, что 7-я армия, которая, по плану сосредоточения генерала фон-Мольтке, должна была сражаться в Вогезах, в нашем варианте немедленно перебрасывается по железной дороге в район Меца. Быть может, он скажет, что в таком случае 7-ю армию с самого начала вовсе не нужно было посылать в Вогезы, но, напротив, дать ей возможность развернуться или под Мецом, или — еще лучше — на Нижнем Рейне, чтобы в качестве эшелона 1-й армии следовать за ней через Брюссель — Лилль. Совершенно верно. И Шлиффен действительно не стал бы давать решительного сражения в Лотарингии; напротив, атакой небольшими силами на Нанси он вызвал бы французов на удар впустую. После того как в 1914 г. французское высшее командование приняло решение наступать крупными силами в Эльзас-Лотарингию, лотарингский план Мольтке обратился в настоящий «номер сверх программы» (Extratour), который отомстил за себя на Марне. Оперативная идея — образовать мешок, в который должны были попасть французы, — на карте заключала в себе, правда, нечто соблазнительное благодаря положению Меца, Страсбурга и Вогезов. Но поскольку в этой операции, с одной стороны, трудности управления — как это с очевидностью и обнаружилось — были очень велики, а с другой стороны, требовалось допустить тяжелые ошибки французского командования, постольку надо было признать идею мешка неприемлемой, как сложную и неестественную операцию. Можно и так и этак прикидывать оперативные возможности в Лотарингии, но все же мы снова вернемся к простому совету Шлиффена — пожертвовать Эльзас-Лотарингией, вместо того чтобы расточать свои силы в бесплодной операции и отнимать их у главного решения. Кроме того, Шлиффен не считал оборону Эльзас-Лотарингии и Южной Германии оперативной задачей и видел таковую только в уничтожении неприятельских сил путем большого охвата.

III

ЛОНГВИ И НЕФШАТО

Схемы 6 и 7

Сравнение оперативного плана 1914 г. с шлиффеновским планом 1905 г.

Приложения 1 и 2, схемы 1 и 6

Когда мы сравниваем оперативный план 1914 г. с шлиффеновским планом 1905 г., то уже по внешности замечаем два существенных различия на флангах: на правом — в 1914 г. отсутствует мощная глубина «армейского карре» (bataillon carré), на левом — имеется избыток сил, который соблазняет на «номер сверх программы» (Extratour). В центре как будто бы ничего существенного не изменено, тем не менее значительное перемещение оперативных заданий между Намюром и Верденом оказывает немаловажное влияние на общую операцию. В 1914 г. операционное направление левого фланга 3-й армии проходит через Живе; в шлиффеновском плане центральной группе фронта захождения Schwenkungsfront) предназначался участок Мааса от Намюра до Мезьера, вследствие чего совместные действия с северной группой западнее Мааса должны были стать гораздо эффективнее. Ход событий в 1914 г. на Самбре и на Маасе ясно показывает, что перенесение оперативной границы между 3-й и 4-й армиями не послужило на пользу дела в целом. На южном крыле фронта захождения можно также заметить тонкое различие. Для отражения французского наступления между Маасом и Мозелем с линии Верден — Туль в шлиффеновском плане к левому крылу добавлена сильная группа резервных корпусов; тем самым должна была особенно надежно обеспечиваться ось всего захождения, и армия, оперирующая против участка Мааса Мезьер — Верден, освобождалась от заботы о своем фланге. Распределение сил и разграничение оперативных районов в 1914 г. затрудняло решение оперативных задач как 3-й, так 4-й и 5-й армий; в особенности 4-я армия была поставлена в двойственное положение, так как вправо она должна была оказывать помощь 3-й армии при переправе через Маас, а влево — быть готовой к захождению на юг в том случае, если бы была атакована 5-я армия. Оперативные

задания 4-й армии были поставлены эксцентрически и легко могли, вместо сосредоточения сил в решающем пункте, повести к их разъединению. Естественная граница между 3-й и 4-й армиями проходила севернее Шарлевилля, там, где Маас поворачивает на север. Тогда 4-й армии приходился участок по Маасу от Мезьера до Вердена исключительно, в то время как 5-я армия должна была преграждать пути со стороны Вердена и между Верденом и Мецом. Таким образом, создавалось ясное во всех отношениях положение. Само собой понятно, что распределение сил должно было соответствовать этим целям и местным условиям. Так как в общей сложности для операций между Намюром и Мецом по общему распределению сил имелось в распоряжении лишь 14 корпусов и гарнизон военного времени (крепости) Меца, то приходилось изворачиваться. Для оборонительной задачи (Abwehraufgabe) 5-й армии можно было в крайности обойтись тремя корпусами и гарнизоном Меца; 3-ю армию следовало усилить, по крайней мере, одним корпусом (с 4 до 5); таким образом, для трудной задачи 4-й армии оставалось лишь 6 корпусов. Преимуществом такого распределения сил было то, что большая часть южной группы находилась бы в одних руках — командующего 4-й армией. При этом 5-я армия вследствие своей слабости не могла бы считать себя уполномоченной на самостоятельные решения наступательного характера; уже самым распределением сил она была тесно привязана к 4-й армии, причем было целесообразно подчинить ее командующему 4-й армией.

Если граф Шлиффен в памятной записке в декабре 1905 г. намечает больше сил не только на правом крыле, но также и по фронту, чем их было в распоряжении в 1914 г., то это объясняется отчасти тем, что он в 1905 г. хотел все германские военные силы бросить на запад. Девять лет спустя возможно было бы посредством мероприятий мирного времени и соответствующей подготовки мобилизации собрать гораздо больше сил, чем это имело место в 1914 г., в особенности для чисто оборонительного фронта, какой был между Верденом и Мецом[1].

Оперативная техника маршей

При продвижении против Маасской линии Намюр — Верден Шлиффен уже считался с возможностью французского наступления через Маас. Между Верденом и Мецом он предполагал запереться (abriegeln): на остальном протяжении фронта армии должны были продвигаться укороченными маршами таким способом, чтобы

> «в любой момент можно было образовать фронт, достаточно крепкий для обороны против сильнейшего противника» (Рейхсархив, Мировая война, т. I, стр. 57).

Генерал фон-Мольтке рассчитывал достигнуть той же цели тем, что 4-я армия, правый фланг которой имел направление на

[1] См. главу «Вооруженные силы».

Фюме, эшелонируясь влево, должна была своим левым флангом достигнуть сперва Нефшато, в то время как 5-я армия, примыкая прочно влево к Диденгофену, продвигалась бы своим правым флангом через Арлон на Флоранвиль южнее Шини (Chiny). Такая постановка целей передвижения легко могла повести к тому, что 5-я армия, двигаясь уступами вперед, могла быть подставлена под неприятельский удар в то время, когда 4-я была бы расположена уступом назад. Равным образом 5-я армия могла бы из этой постановки целей извлечь более сильную наступательную тенденцию, чем это представлялось целесообразным в интересах дела в целом. В походных порядках, по Шлиффену, надлежало провести построение уступами влево, непрерывно в обеих армиях, чтобы при захождении против наступающего неприятеля можно было в любой момент образовать сомкнутый фронт. В случае разрыва линии фронта возникала опасность, что одна из армий как раз в месте разрыва будет атакована и охвачена превосходными силами противника, в то время как другая армия не могла бы поспешить ей на помощь, будучи сама атакована.

Таким образом, с решением оперативной задачи обеих армий было тесно связано преодоление технических трудностей марша, которое усугублялось еще двумя обстоятельствами. Во-первых, закрытый и обширный лесной массив Арденн затруднял соблюдение интервалов и дистанций между уступами; во-вторых, обе армии должны были из своего района стратегического развертывания в Люксембурге и между Мозелем и нижним течением Саара, простирающегося еще южнее вплоть до линии Мец — Саарбрюкен, увязывать захождение влево вокруг точки вращения у Диденгофена с тесным смыканием десяти корпусов к северу до тех пор, пока правый фланг 4-й армии минует Брастонь. При таких обстоятельствах соблюдать обычные правила захождения было не так просто, и нет ничего удивительного, что уже после нескольких дней движения 5-я армия 20 августа несколько «выбросилась» за линию захождения относительно 4-й армии, а правый фланг 4-й армии загнулся назад. Так как налицо не было «экзерцирмейстера», который заботился бы о соблюдении линии фронта во время захождения и, как, бывало, говорил Шлиффен, командовал бы: «Жолнеры, на линию!» (Points vor), то из этого упреждения, первоначально скорее технического, возникала тенденция 5-й армии к оперативной самостоятельности, которая не вязалась с духом общей операции, а со стороны высшего командования хотя и не санкционировалась, но и не была с должной строгостью ограничена. Высшее командование, правда, имело намерение путем ежедневных указаний достигнуть согласованности действий обеих армий. Но это ему не удалось. Как по оперативным, так и по техническим основаниям выполнения марша требовалось твердое управление обеими армиями, — тем более, что нельзя было рассчитывать преодолеть труднопроходимую область Арденн и достигнуть Мааса, не столкнувшись с неприятелем.

Дело было не в том, чтобы как можно скорее насесть на неприятеля, а гораздо более в том, чтобы, подобно тому, как это

делается на ученьях на плацу, держать равнение направо, иметь «чувство локтя» влево и двигаться в затылок. Можно было даже рекомендовать временно уклоняться от неприятельской атаки для выбора удобной для обороны местности или для того, чтобы выиграть необходимое время для сосредоточения крупных сил в одном месте — предположительно на правом фланге 4-й армии, или же, по условиям общей обстановки, чтобы дать выигрыш охватному движению внешнего правого крыла. Но во всяком случае для ритма движения обеих армий и для выполнения захождения направляющим крылом являлось правое крыло 4-й армии. На левом крыле 5-й армии, правда, совершенно необходимо было держаться точки вращения, т. е. Диденгофена, но это не должно было вести к судорожному цеплянию или к расположению западнее крепости, как бы для ее прикрытия. Поскольку сверх того в Лотарингии находились вообще крупные силы германцев, представлялась возможность подкрепить оттуда ось вращения (Angelpunkt). Эти или подобные им соображения должны были быть не слишком чуждыми командованию армий, если не было соответствующих определенных распоряжений высшего командования.

Распоряжения для развертывания

Конечно, высшее командование своими распоряжениями для развертывания уже создало штабам армий некоторые затруднения. О противоречивости заданий 4-й армии было уже упомянуто; указание 5-й армии заходить к юго-западу или даже к югу — в случае неприятельской атаки со стороны Вердена—легко могло повести к разрыву фронта захождения и поставить обе армии в критическое положение. Высшее командование поступило бы лучше, если бы не отдавало таких приказов заранее, уже в распоряжениях для развертывания. 5-й армии первоначально следовало получить лишь приказ отразить внезапную атаку неприятеля и при этом не вырываться из фронта захождения. Можно было даже пойти дальше и строго запретить 5-й армии атаковать самой впредь до приказа высшего командования. Хотя таким образом стеснялась самостоятельность младших начальников, но, разумеется, нельзя было со стороны высшего командования довольствоваться общим указанием обеим армиям «держать между собой тесную связь»; напротив, следовало на основе своего собственного твердого решения дать определенные оперативные указания и ответственность за это взять на себя, вместо того чтобы в ложном уповании на самостоятельность и способности младших начальников предоставлять им решение в обстановке, когда должна была иметь силу только воля высшего полководца.

Ход операций в 4-й и 5-й армиях с 20 по 25 августа

Схемы 1 и 6

В нашем дальнейшем изложении мы исходим из обстановки 20 августа. 4-я армия достигла XVIII корпусом Либрамона и Неф-

шато, VI — Лаво и Мелье, в то время как на правом крыле VIII корпус находился еще у Амберлу и Мореля в одном переходе позади. На расстоянии еще одного перехода следовал VIII резервный корпус до Эшвейлера и Гарлингена. XVIII резервный корпус двигался позади левого крыла армии к Вельфингену и Оберпаллену. В 5-й армии V корпус достиг Эталя, XIII—Шатильона, XVI корпус находился северо-западнее Диденгофена. В промежутке между ним и XIII корпусом был вдвинут западнее Эша VI резервный корпус; V резервный корпус был на марше, достигнув головной частью Капеллена северо-западнее Люксембурга. 3-я кавалерийская дивизия находилась на правом крыле севернее Эталя, 6-я — перед левым крылом армии.

21 августа 5-я армия движения вперед не продолжала. В 4-й армии VIII корпус в этот день достиг Групона и Смюд (Smuide), за ним еще дальше позади VIII резервный корпус — Бастоня. На фронте XVIII корпус передвинулся вправо до Либена и Либрамона и очистил место XVIII резервному корпусу, который одной дивизией дошел до Эбли, восточнее Нефшато, другой — до Антьера, позади левого фланга VI корпуса. И в этот день 4-я армия не была готова к бою. 5-я армия с полудня 21 августа уже не была свободна в своих решениях, так как атака против крепости Лонгви началась открытием огня тяжелой артиллерии.

Намерения французов были еще «завуалированы». Если и были налицо признаки, которые, несомненно, могли указывать на то, что предстоит наступление французов, то все же с германской стороны склонялись к предположению, что французы ограничатся обороной за участками рр. Шир и Крюн (Crusnes). Сосредоточение крупных сил у Монмеди могло служить как для наступательных, так и для оборонительных целей. Открытие огня по Лонгви могло толкнуть французов на наступление, но с ним надо было считаться уже по общей обстановке. Независимо от целей неприятеля штаб 5-й армии 21 августа до 11 ч. 30 м. утра придерживался мнения, что армия 22-го должна первоначально дождаться на линии Тентиньи — С.-Лежер — Лонгви — Диденгофен подхода 4-й армии,—решение тем более достойное внимания, что ночью из Лотарингии пришло известие о победе, которое должно было подстрекнуть честолюбивое стремление — самим в скором времени получить возможность донести о победе. Разумеется, ни в коем случае нельзя было потерпеть, чтобы Лонгви, после того как эта крепость была уже атакована, оказалась бы вновь освобожденной французами; быть может, было даже лучше при такой попытке самим перейти в наступление. Об отходе в случае неприятельской атаки, чтобы тем самым выиграть время для 4-й армии и для более выгодной группировки сил, в главной квартире в Эш никто и не думал: тогда пришлось бы перенести главную квартиру из этого слишком выдвинутого вперед пункта. Для отхода при господствовавшем в штабе армии настроении было тем менее поводов, что в армии чувствовали свою силу, а высшее командование не давало никаких намеков на подобную идею. Хотя штаб армии еще в 11 ч. 30 м. утра не имел намерения

отказаться от «сдержанного образа действия», но фактически это уже было совершено атакой на Лонгви, что само по себе вовсе не требовало спешности. Можно было просто обойти эту маленькую крепость, если нужно было продолжить движение вперед. В послеполуденные часы взгляд командования армии на обстановку внезапно изменился.

Основываясь на том, что французы, повидимому, стягивали крупные силы к северу, пришли к заключению, что неприятель имеет в виду «защищать угрожаемые пункты Лонгви и Монмеди и, опираясь на них, атаковать и прорвать фронт германцев». Поскольку занимаемая армией позиция благодаря лесному массиву перед правым флангом представлялась невыгодной для обороны, а предпринятая атака против Лонгви нуждалась в прикрытии, то в штабе армии слишком легко получила перевес мысль «выиграть пространство вперед», т. е. атаковать, даже если бы тем самым пришлось временно потерять смычку с Диденгофеном. Таким образом, 21 августа в короткий срок с 11 ч. 30 м. решение штаба армии—оставаться на месте—сменилось решением наступать, хотя, в сущности, не было новых обстоятельств, которые могли бы служить основанием для такой перемены. Командиры корпусов были срочно вызваны в Эш, и было послано донесение высшему командованию; однако, штаб соседней армии извещен не был. С 6 час. вечера наступление обсуждается с командирами корпусов; в 7 ч. 45 м. Мольтке отказывается дать свое согласие. Чтобы склонить его в пользу наступления, ведется разговор по прямому проводу между Эшом и Кобленцом, в результате которого у генерала фон-Мольтке создается впечатление, что дело идет исключительно о «местном улучшении» позиции, и он соглашается.

Штаб 4-й армии все еще остается в неведении относительно этих намерений; правда, он узнает от высшего командования, что 5-я армия ожидает неприятельского наступления и рассчитывает правым флангом сперва двинуться к Тентиньи. То обстоятельство, что 4-я армия в последнюю минуту все-таки была ориентирована, надо приписать необоснованным, по мнению штаба армии, опасениям начальника штаба правофлангового V корпуса за правый фланг армии. Через офицера генерального штаба ночью он обращается с просьбой сначала к 25-й резервной дивизии (XVIII резервный корпус), затем к VI корпусу — об обеспечении правого фланга V корпуса путем продвижения VI корпуса к югу. Командир VI корпуса склонен, в отступление от распоряжения командования армии, удовлетворить просьбу и в четвертом часу утра получает согласие командования армии. Отказать в этом при сложившихся обстоятельствах нельзя уже из соображений времени; командующему 4-й армией не остается выбора: он вынужден пойти на растаскивание своей армии по частям и подумать, как он сам справится с трудностями при атаке неприятеля на его собственную армию. 4-я армия находилась в мало приятном положении. Ее правый фланг должен был поддерживать соприкосновение (Anschluss) с 3-й армией, левый — действовать в согла-

сии с штабом 5-й армии, а в середине, в случае атаки противника, надо было иметь сомкнутый фронт. Штаб армии хотел поэтому 22-го сначала иметь корпуса наготове, чтобы «вступить в сражение, которое может развернуться». После того как VI корпус был отодвинут к югу, армия оказалась расколотой на три группы. На правом фланге VIII корпус с VIII резервным корпусом — позади на марше в направлении на Живе, чтобы быть наготове оказать поддержку 3-й армии; в середине, в 15 *км* от него, отделенный лесным массивом XVIII корпус впереди Либена и у Либрамона; на левом фланге XVIII резервный корпус, намеревающийся западнее Нефшато войти в соприкосновение с XVIII. Между XVIII резервным корпусом и ведущим бой в составе 5-й армии VI корпусом образовался, таким образом, значительный разрыв, который должен был возрастать по мере развития боя, при отсутствии каких-либо других наличных сил, кроме, быть может, 25-й резервной дивизии, которая на марше к Нефшато могла сделать захождение правым плечом.

Приказ по 5-й армии о наступлении 22-го не придерживался границ, доложенных высшему командованию. В намерение командования армией входило не «местное улучшение позиции», но наступление по обеим сторонам Лонгви с целью разбить противника перед фронтом армии. Командование армией не задумывалось над опасностью, которой подверглась при этом не только 5-я армия, но и общая операция. Крепость Лонгви являлась центром фронта атаки, который западнее доходил до Виртона; VI корпус, эшелонируясь вправо назад, продвигался на Россиньоль и Тентиньи; южнее фронт атаки проходил через Шеньер—Виль-о-Монтуа—Мерси-ле-Го до Трие юго-западнее Фенча. Общее направление наступления было на Лонгюйон.

Генерал Жоффр 20 августа принял решение наступать. В то время как вновь сформированная Лотарингская армия (Armée de Lorraine) приняла на себя оборону в сторону Меца на высотах восточнее Вердена, 3-я французская армия должна была наступать на Арлон, а 4-я — на Нефшато. Как по заказу, совершалось то, чего Шлиффен так желал для себя.

Преждевременное решение командования 5-й армии перейти в наступление привело 22 августа к своеобразным встречным боям, картина которых (см. описание Рейхсархива, т. I, карта 3) хотя и не была слишком хороша, но свидетельствовала об известной смелости действий. Несмотря на это, 5-й армии пришлось бы плохо, если бы начальник штаба V корпуса не распознал уже вечером 21-го угрожавшей правому флангу армии опасности и не побудил бы VI корпус к наступлению на юг. На долю 4-й армии при всей невыгоде обстановки выпало счастье, что французы у Нефшато не были достаточно сильны, чтобы быстрым натиском опрокинуть 21-ю резервную дивизию, прежде чем 25-я резервная дивизия прибыла на поле сражения.

Бои при Нефшато и Лонгви, на дальнейшем развитии которых мы не будем останавливаться, велись с германской стороны 236 батальонами, 120 эскадронами, 1 320 орудиями против 377 ба-

тальонов, 138 эскадронов, 1 540 орудий с французской стороны. Как конечный результат боев 22-го и последующих дней следует отметить, что французы потерпели «чувствительное поражение» как раз в том месте, где их высшее командование, в ложном предположении встретить лишь незначительные силы германцев, добивалось развязки кампании путем прорыва. 24 августа генерал Жоффр должен был признать:

«Наши армейские корпуса, несмотря на численное превосходство, которое было обеспечено командованием, не выказали в открытом поле той наступательной мощи, которой мы вправе были бы от них ожидать, судя по первоначальным успехам».

Намерение 5-й армии в дальнейшем ходе боев и при преследовании противника оттеснить его от Вердена оказалось точно так же невыполнимым, как и аналогичная попытка в Лотарингии у Эпиналя. Чувствительное поражение не помешало также французам вновь образовать фронт за Маасом и доставить 4-й и 5-й армиям еще довольно серьезные затруднения. Интересным поэтому является вопрос, не имелось ли средств и путей в случае французского наступления через Маас — как это произошло в 1914 г. — так повести германские операции 3-й и 5-й армий, чтобы образование французского фронта снова за Маасом между Верденом и Седаном оказалось невозможным.

Исследование в духе принципов Шлиффена

Схема 7

По окончании маршей 20 августа 4-я и 5-я армии, — которые мы в интересах нашего изучения будем рассматривать как одно целое, под общим командованием,—образовали почти сомкнутый оборонительный фронт от Либрамона до Диденгофена. В интервал северо-восточнее Лонгви мог вдвинуться коротким переходом V резервный корпус. Между Либрамоном и Лонгви на фронте примерно в 50 *км* находились четыре корпуса, готовые к отражению внезапной атаки неприятеля. На линии Эш — Диденгофен VI резервный корпус и XVI корпус прикрывали от атаки фланг главных сил. Из остальных корпусов VIII корпус и VIII резервный корпус были глубоко эшелонированы на правом крыле от Амберлу через Бастонь до Вильца; XVIII резервный корпус находился примерно позади центра фронта Либрамон — Лонгви. Из обеих кавалерийских дивизий 3-я стояла севернее Эталя, 6-я — западнее Фенча. Группировка сил была неблагоприятна для нашей немедленной атаки. По общей обстановке такую атаку тем менее приходилось иметь в виду, что внешнее крыло армий еще не продвинулось значительно за Брюссель. Так как и намерения неприятеля еще нельзя было распознать, то представлялось целесообразным наступления с линии Либрамон — Диденгофен пока не продолжать, но приготовиться к отражению неприятельской атаки. Для этого следовало тыловые корпуса подвести ближе; одновременно, путем более выгодной группировки сил, нужно

было подготовить свое собственное будущее наступление как на тот случай, если французы останутся обороняться за Маасом, так и на случай перехода их через реку широким фронтом для решительного наступления.

При благоприятных для обороны местных условиях частичный натиск французских сил через Лонгви или Монмеди был маловероятен. Поэтому, если бы в ближайшие дни обнаружились где-либо признаки наступления французов, можно было с вероятностью предположить, что дело идет о большом наступлении от Вердена до Седана или Мезьера. Отсюда для собственных мероприятий вытекало, что армейская группа[1] должна во всякое время быть готовой встретить такую широко предпринятую атаку также широким фронтом и в назначенное время самой перейти в контратаку. Для такой контратаки, по оперативным соображениям, которые нам нет надобности повторять, имело значение лишь правое крыло. Французская атака через Маас не только давала германцам возможность связать крупные силы французов, но могла дать шансы оттеснить их от тыловых сообщений через Маас. Эту выгоду положения преждевременное наступление германцев ставило под вопрос. Оперативной задачей центра было — отбросить продвинувшихся через Маас французов возможно более на юго-восток. С этой целью следовало правое крыло армейской группы сделать настолько мощным, насколько позволяли имевшиеся в наличии силы; временное уклонение (отходом) на левом крыле, разумеется, не должно было подвергать опасности связь с Мозельской позицией. На правом крыле рекомендовалось соблюдать осторожность, пока не была выяснена обстановка на Маасе между Живе и Мезьером. Правда, высшее командование уже сообщило:

«Перед центром наших войск между Фюме и Шарлевиллем, повидимому, вовсе нет противника или имеются лишь его слабые силы».

Но так как это положение каждое мгновение могло измениться, то правое крыло не должно было пока уклоняться от направления марша на Онне (Honnay)[2].

На основе этих рассуждений допустим в нашем опыте, что 21 августа выполняются следующие передвижения:

XVIII корпус идет вправо в район Либэн и Бра. За ним двигаются:

VI корпус до Либрамона и Нефшато;

V корпус до Леглиза, Мелье и Рюлль;

XIII корпус оставляет одну дивизию у Шатильона, другая идет к Эталю на место V корпуса. V резервный корпус посылает одну дивизию в резерв в Аттер, другая наступает на фронт Кюнциг — Кершен — Сассенгейм. VI резервный корпус остается западнее Эша, равно как XVI корпус у Эттингена и Арсвейлера, 3-я кавалерийская дивизия оттягивается с фронта и двигается позади правого крыла, чтобы впоследствии быть налицо для

[1] 4-я и 5-я армии. — *Примеч. перев.*

[2] Восточнее Живе и северо-восточнее Фюме. — *Примеч. перев.*

преследования по левому берегу Мааса. 6-я кавалерийская дивизия остается на левом крыле у Брие.

На правом крыле образуется ударная группа, в которую, кроме XVIII корпуса, должны входить: а) VIII корпус и VIII резервный корпус, которые продолжают марш через С.-Юбер — Грюпон сначала до Онне и к нему смыкаются; б) XVIII резервный корпус, который через Нив—Морель идет в направлении на Смюд (Smuide).

Относительно главного резерва Меца распоряжений не дается, так как предполагается, что он в это время придан 6-й армии. Нам не нужно вдаваться в подробности приказа; дело идет лишь об оперативно-важных моментах.

В послеполуденные часы 21-го все более и более создается впечатление, что предстоит французское наступление примерно с линии Лонгюйон — Монмеди — Седан. Как далеко простираются фланги, понятно, остается неясным, — в особенности, доходит ли правый фланг почти до Диденгофена или опирается на Лонгви. Можно предвидеть с вероятностью, что левый фланг протянется через Буильон еще далее к западу. Приходится считаться минимум с равными, если не с превосходными силами противника.

Марши 21-го совершаются беспрепятственно, но неприятельские передовые части подходят уже так близко перед центром фронта, что неприятельская атака представляется возможной даже 22-го. В этот день, однако, группировка германских сил отнюдь не закончена; самое раннее 23-го четыре корпуса правого крыла могут быть готовы к атаке на линии Жединн — Поршерес — Мессен — Анлуа (Gedinne — Porcheress — Maissin — Anloy) Итак, 22-го следует строго придерживаться оборонительного образа действий, причем все дело в том, чтобы сохранить фронт Либрамон — Нефшато — Рюлль — Арлон. На левом крыле можно временно отойти назад, в случае если неприятель и здесь атакует, однако, так, чтобы не подвергнуть риску связь с Диденгофеном. Самое неудобное место на фронте обороны находится между Нефшато и Рюллем по причине лесов, тянущихся в направлении наступления. Но если бы французы должны были вторгнуться даже и там, то это не было бы слишком опасно — только V корпус должен крупными силами отходить к северу на Эбли, чтобы левый фланг VI корпуса оставался защищенным. Против охвата правого крыла XIII корпуса через Рюлль можно в случае необходимости использовать располагаемую западнее Аттера дивизию V резервного корпуса.

На 22 августа следует приказать:

На правом крыле продолжают марш: VIII корпус на Жединн, 3-я кавалерийская дивизия позади VIII корпуса, VIII резервный корпус через Смюд на Мессен, XVIII, VI и V корпуса приготовляются на своих позициях к упорному сопротивлению. Последний из названных корпусов имеет позади своего правого фланга сильный резерв; точно так же VI позади своего левого. XIII корпус в случае надобности отходит на линию Абей ля-Нэв (Habay la Neuve) — Арлон. 9-я резервная дивизия располагается запад-

нее Аттера и поступает в подчинение XIII корпусу. Не ввязываясь в упорные бои, в случае неприятельской атаки отходят: 10-я резервная дивизия — на Штейнфурт, VI резервный корпус—Лейделинген и Бетембург, XVI корпус — на Суфтген и Грос Геттинген. 6-я кавалерийская дивизия остается у Брие. Слабое место плана действий находится в V и XIII корпусах. Туда направляется сам командующий армией, чтобы обеспечить единство руководства боем в этом месте.

Контратака по всему фронту предположена на 24-е или 25-е, смотря по продвижению французов.

Французское наступление в 1914 г. было предпринято двумя группами: 4-я армия в составе пяти корпусов с линии Монмеди — устье р. Шир правым флангом через Рюлль—Леглиз на Эбли, левым — через Буильон на Мессен; уступом слева одна дивизия следовала от Седана на Бьевр. Далее влево две кавалерийские дивизии находились у Жединн; части двух резервных дивизий охраняли движение на Нижнем Семуа и по Маасу между Ревеном и Шарлевиллем. 3-я армия, уступом справа за 4-й, наступала в составе 3 корпусов в направлении на Арлон: правым флангом — восточнее Лонгви, левым — через Виртон на Эталь. Для охранения правого фланга одна дивизия шла от Спенкура через Мерси-ле-Го на Филльер. На линии Френ-ан-Вевр — Этен — Спенкур Лотарингская армия в составе трех резервных дивизий и главного резерва Вердена обеспечивала движение со стороны Меца — Диденгофена. Таким образом, германцы могли вовсе не беспокоиться о своем левом фланге у Диденгофена; французы, очевидно, не решались подходить близко к «сфинксу» расширенного Меца, опасаясь удара через Мец находящихся в Лотарингии германских сил. Поэтому немалые силы французов пропадали для боя на линии Арлон — Люксембург. Можно себе представить положение французов, когда, стоя своим правым флангом перед Люксембургом, они вдруг узнали бы, что крупные силы германцев двинулись с линии Диденгофен — Брие — Конфлан, что в 1914 г. было вполне в пределах возможного. Правый фланг французов находился бы тогда на расстоянии 3—4 переходов от Мааса, в то время как правый фланг германцев приближался бы уже к Мезьеру и Седану. При французском наступлении через Маас сущность операции 4-й и 5-й германских армий заключалась именно в том, чтобы завлечь французов их правым флангом к северо-востоку дальше от Мааса, в то время как германский правый фланг возможно крупными силами стремился к Маасу ниже устья р. Шир. Лейтмотив графа Шлиффена — «только сделайте мне сильным правое крыло» — и здесь имел силу.

IV

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Схема 8

Германское высшее командование 25 и 26 августа

Начиная с 20 августа, донесения командующих армиями о победах возрастали со дня на день. После полудня 24-го, наконец, поступило с нетерпением ожидавшееся известие с правого крыла:

«2-я армия решительно разбила неприятеля. Захвачено множество орудий. 1-я армия западнее Мобежа в бою с английской армией. Охват производится. Высший кавалерийский начальник доносит об отступлении англичан, похожем на бегство».

Никто не мог избежать громадного впечатления от этих сообщений. «Через шесть недель вся история будет кончена», полагал начальник оперативного отделения 25 августа. Общий результат боев еще не был известен; в ставке высшего командования ожидали, что между Самброй и Маасом, под Седаном и под Баккара дело дойдет еще до окружения неприятеля; считалось, что предпосылки к этому уже созданы штабами армий. Существовало твердое убеждение, что кампания на западе как бы уже решена. Победными реляциями армий, начиная с 20 августа, в ставке высшего командования было создано и поддерживалось настроение, которое не оставляло места скептицизму. Это было своего рода расслабление умственной деятельности в результате быстрых и казавшихся поразительно большими успехов на всем фронте; будучи ошеломлены, люди не замечали прикрашивания победных донесений громкими словами и недостатка реального содержания. Критический взгляд Шлиффена не дал бы ввести себя этим в заблуждение; его саркастическое слово быстро устранило бы преувеличения. Если бы на основе войсковых донесений было предпринято расследование, где и каким образом появлялись прикрасы, то добились бы немногого, так как истинные причины надо было искать в психологических моментах, которые не явились только во время войны. В пользу войсковых частей следует сказать, что они не прикрашивали, но что окрашивание совершалось при так называемом «прохождении по команде», в чем были ответственны штабы армий. Высшее командование также нельзя

оправдать в пассивном содействии неверному изображению картины; составленные в весьма общих чертах донесения штабов армий требовали критической проверки. Когда же возникли сомнения в большой победе и поступило предложение о командировании высшим командованием старших офицеров в качестве докладчиков об обстановке в армиях, то Мольтке высказал мнение, что «ни командующие, ни начальники штабов не заслужили такого недоверия». Хотя это было благородное суждение, но оно должно было поставить вождя германских войск в опасную зависимость от подчиненных начальников, способности которых во время войны могли выявиться совершенно по-другому, чем предполагалось в мирное время. «Здоровое недоверие» было не в природе не допускавшего лжи и открытого по своему характеру Мольтке; он доверял штабам армий больше, чем самому себе. Постоянная организация связи через офицеров, без сомнения, принесла бы пользу высшему командованию. Эти «шпионы», как их называли в штабных учреждениях, могли независимо от штабов армий и не будучи связаны неотложными задачами момента смотреть открытыми глазами и видеть без предубеждения, как обстояло дело в действительности. При их выборе, разумеется, решающим должно было являться не «старшинство по службе», а исключительно способность быстро и верно оценивать тактическую и оперативную обстановку. Сделалась ли бы от этого деятельность самого высшего командования более целесообразной и энергичной—это другой вопрос. Кардинальная ошибка постоянно оказывалась в том, что штабы армии не были выдержаны в духе требований высшего командования и не могли быть выдержаны, так как именно последнее само не отдавало себе ясного отчета в собственных намерениях, а вследствие этого и не выражало их определенным образом. Если принять во внимание все эти обстоятельства, то вполне понятно, что 25 августа в ставке высшего командования упоение победой дурманило умы и рисовало великое решение кампании как свершившийся факт. Высшее командование рассчитывало путем преследования легко пожать окончательные плоды победы. «В шесть недель вся история будет кончена». Это состояние породило 25-го два решения, которые при трезвом холодном размышлении не были бы приняты: отсылка живой боевой силы на восток и прорыв между Тулем и Эпиналем; и то и другое — смертные грехи с точки зрения шлиффеновской операции. Впечатление от победы было столь велико, что генерал фон-Мольтке рассчитывал обойтись на западе без шести корпусов; хотя их число было вскоре ограничено тремя, потом двумя, — но эти два были сняты с правого крыла, которому в преследовании должна была принадлежать главная роль. Очевидно, высшее командование 25-го не находило нужным считаться с тем, что разбитый противник окажется еще в состоянии в скором времени снова образовать фронт. Второе решение — прорыв между Тулем и Эпиналем — представляется еще более непостижимым, если вспомнить о том, что вся операция сошла на-нет из-за безнадежности этого прорыва и что как

раз в этот день французы начали энергичную атаку против 6-й армии. Вероятно, Мольтке ожидал от прорыва в Лотарингии совершенно особенных выгод для преследования в предположении, что французы не будут больше в состоянии серьезно оборонять прорыв у Шарм (Charmes) между Тулем и Эпиналем; во всяком случае в сферах высшего командования считалось, что, принимая это решение, командование действовало «совершенно по-шлиффеновски». Или, быть может, в высшем командовании полагали, что уже пришло время, о котором Шлиффен в своей докладной записке от декабря 1905 г. писал:

«Тогда, с привлечением новых формирований, надо образовать новую армию, которая должна получить задачу выступать на Мозель между Нанси и Бельфором, в то время как пять резервных корпусов, которые в качестве левофлангового уступа следуют за большим крылом захождения, и несколько ландверных бригад блокируют Верден и атакуют Лотарингские возвышенности (Côtes Lorraines)».

Правому крылу и центру высшее командование не дало 25-го и 26-го числа никаких директив; также ни в чем не выявилось, как оно мыслило закончить операцию в тот момент, когда считало возможным отказаться на западе от шести корпусов. Само по себе было бы вполне естественно 25-го числа, в день максимально напряженного ожидания победы, коротко и точно объявить армиям правого крыла намечаемые цели и, по крайней мере, представить себе картину того, как следует действовать дальше, чтобы завершить победы и «*оттеснить французов к Мозельским крепостям, к Юре и к Швейцарии*». То обстоятельство, что ничего подобного не случилось, но, напротив, дни 25 и 26 августа прошли в выжидании, отчасти объясняется непоколебимым доверием генерала фон-Мольтке к командованию армий. Несмотря на это, представлялась, казалось бы, ясной необходимость зафиксировать оценку обстановки, как полагалось делать при полевых поездках, военных играх и прочих задачах в мирное время и как это могло быть полезным даже при самых благоприятных обстоятельствах. Но, очевидно, теперь, в военное время, высшее командование считало себя освобожденным от такого разумного побуждения.

Германское преследование в Лотарингии

В то время как в ставке высшего командования радость победы наполняла сердца, а на родине раздавалось шумное ликование, в Лотарингии дела уже приняли критический оборот. От большой победы 20 августа оставалось мало осязаемого. Трофеи оказывались скудными. Надежда уничтожить части отступавшего неприятеля не осуществилась. Да и продолжение преследования 25 августа не сулило дальнейших видов на успех. Несмотря на предостережение штаба 6-й армии, высшее командование не хотело еще отказаться от «преследования во что бы

то ни стало до полного изнеможения». Эту упрямую концепцию раскрыли французы, приняв 24 августа решение о контратаке от Нанси и южнее. 25-го французское наступление развернулось на фронте в 50 с лишком *км* от дороги Нанси—Шато-Сален через Бленвилль до Рамбервилле. Оно захватило всю 6-ю армию и правое крыло 7-й.

«Французы вернули инициативу, утраченную 20-го, и германцы вынуждены перейти к обороне».

На левом крыле 7-й армии окружение в Вогезах тоже не удалось. Как раз в этой обстановке, которая едва еще давала виды на дальнейшее ведение операций в Лотарингии, в штаб 6-й армии прибывает офицер и доставляет новое поразительное решение высшего командования, что «настоящую операцию следует рассматривать как подготовку к прорыву между Тулем и Эпиналем». Правда, штаб армии как будто бы восставал против этого «в данный момент ни в коем случае не выполнимого» решения. Ни до его сознания, ни до сознания высшего командования не доходило, что новая идея была мертва уже в зародыше, после того как французы были столь мало «уничтожены», что уже предприняли сильное контрнаступление на широком фронте, которое с германской стороны можно было встретить лишь обороной. 27-го натиск французов истощился, кризис был преодолен, равновесие было восстановлено. Если даже допустить, что французы своим контрнаступлением временно связали в Лотарингии свои собственные крупные силы, то все же они решительно остановили преследующие германские армии и могли — теперь уже по своей инициативе — частью снять войска для переброски на другое крыло французских армий, частью — организовать оборону между Тулем и Эпиналем. В конечном счете, преимущество оказывалось не на стороне германцев, а на стороне французов. Германские армии стояли в Лотарингии, как перед стеной.

4-я и 5-я германские армии на Маасе

В центре германских войск 24 августа дела обстояли также не столь благоприятно, как днем раньше. Штаб 4-й армии должен был существенным образом ограничить донесение о победе от 23-го. Несмотря на повторное требование, корпуса не доносили ничего относительно трофеев, или могли сообщить лишь незначительные цифры. «Уже из этого с очевидностью следовало, что нанести серьезный ущерб боевой мощи неприятеля не удалось». Все же более значительного сопротивления штаб армии снова ожидал лишь на Маасе. Однако, еще по эту сторону реки, у Кариньяна и Седана, дело дошло до немаловажных боев, по ходу которых с германской стороны следовало заключить, что французы, несмотря на их поражение у Нефшато, были вполне способны к упорной обороне Маасской позиции. Штаб 4-й армии в приказе от 24-го утром указал правофланговому VIII кор-

пусу направление за Шарлевилль. 25-го это направление было изменено и главные силы VIII корпуса направлены западнее Седана, — в то время как на Шарлевилль двигались лишь части, назначенные для взятия форта Лезэвель (Les Ayvelles). Каким образом штаб армии пришел к этому изменению, остается непонятным, ибо, по имеющимся сведениям, на Шарлевилль отступали только слабые силы противника, а потому был открыт путь для параллельного преследования. VIII корпусу было бы нетрудно овладеть у Шарлевилля левым берегом Мааса. Какие отсюда возникали бы преимущества, не приходится указывать. Здесь воздействовала опять «излюбленная привычка», которая оказалась сильнее, чем простое оперативное соображение. Силы 4-й армии были стиснуты перед фронтом неприятеля, в то время как естественная задача заключалась в том, чтобы, развертываясь возможно более сильным правым крылом через Шарлевилль, сломить всякое дальнейшее сопротивление противника за Маасом охватом со стороны внешнего крыла. 25 августа 4-я армия правым крылом достигла Мааса северо-западнее Седана, левым — Маргю-на-Тире, северо-западнее Монмеди. 4-я французская армия занимала еще сильные арьергардные позиции за Тиром у Кариньяна и у Бьевра (западнее Монмеди), намереваясь 26-го совсем отойти назад за Маас, там снова образовать фронт и устроить позиции. Что это должно было произойти, не могло быть неожиданностью для германского штаба армии. Ему следовало приготовиться к возобновлению упорного сопротивления неприятеля на Маасе и в соответствии с этим не форсировать фронтально переправу через реку, а выполнить ее путем обхода вниз по реке.

В результате донесений, которые производили впечатление, что неприятель будто бы уже оставляет Маас, штаб армии, однако, рассчитывал легко переправиться через реку. Поскольку высшее командование также выражало нетерпение, а положение 5-й армии, повидимому, не улучшалось, штаб армии принял решение 26 августа «для облегчения» 5-й армии «спешно» перейти реку там, где армия как раз находилась, и даже еще направить части левофлангового корпуса в южном направлении на Дэн (Dun) для непосредственной поддержки 5-й армии. Это решение не отвечало ни оперативной, ни тактической обстановке. Надо удивляться, что в те дни как высшее управление, так и штаб армии все время держали «глаза налево», вместо «глаза направо», и что создавшаяся в 5-й армии по собственной ошибке тяжелая, но отнюдь не критическая боевая обстановка вновь и вновь побуждала 4-ю армию обращаться не в ту сторону. 4-й армии не составило бы труда овладеть при помощи крупных сил левым берегом Мааса у Шарлевилля и таким образом быстрее доставить 5-й армии облегчение, чем наступлением по этой стороне Мааса.

5-я армия также не шла навстречу требованиям оперативной обстановки. Как блуждающим во мраке огнем, штаб армии был зачарован мыслью оттеснить французов «к северу» еще *по эту*

сторону реки, тогда как по смыслу общей операции следовало все более охватывать противника с северо-запада и запада по ту сторону реки и отбрасывать его к мозельским крепостям. Другими словами, не 5-я, а 4-я армия должна была давать ритм преследованию мощным размахом по левому берегу Мааса в глубокий тыл неприятеля. Задачей 5-й армии являлось — на широком фронте непрерывно наседать на неприятеля, обеспечивая при этом левое крыло от атаки со стороны Вердена и Туля. Вместо этого 5-я армия действовала так, как если бы решение надо было искать на ее левом крыле, — сосредоточилась влево и при этом еще подставила свое левое крыло под удар противника со стороны Вердена. 24-го по всему фронту армии начались новые тяжелые бои, которые описываются под названием сражения при Лонгюйон. Так как правое крыло и фланг 3-й французской армии перед Верденом были защищены Лотарингской армией, которая двигалась в контратаку против германского левого крыла, то намерение оттеснить французов от Вердена было расстроено. Для успеха такой операции отсутствовали предпосылки: большее удаление поля сражения от Вердена и сковывание Лотарингской армии сильными частями 6-й армии, наступающими из Меца.

Вечером 25-го германское преследование в центре и на левом крыле было прекращено. Началась новая оперативная фаза: между Верденом и Седаном — наступление через Маас, в Лотарингии — отражение французского контрнаступления с последующей попыткой прорыва. Относительно того, какова была в действительности обстановка в Лотарингии и на Маасе, у высшего командования 26-го числа едва ли могли быть сомнения, несмотря на сильно прикрашенное донесение начальника штаба 5-й армии о «разгроме» неприятеля.

Преследование на германском правом крыле

Иначе, конечно, обстояли дела на правом крыле. Дальность расстояния и недостаток проволочной связи и радиосвязи оставляли высшее командование в неизвестности о конечном результате «решительной» победы.

«Донесения, казалось, оправдывали благоприятную оценку положения на правом крыле войск».

В 3-й армии, правда, больше не удалось выиграть правый фланг у отходящего от Самбры противника. Направление преследования в этой армии шло через Филиппвилль — Мариенбург на Рокруа; левый фланг наткнулся на Маасе, мосты на котором были взорваны у Фюме и южнее, на сопротивление французской пехоты. Освободившийся у Намюра XI корпус следовал за центром.

«Командующий армией, который был хорошо информирован о событиях как в своей, так и во 2-й армии, едва ли мог быть удовлетворен имевшимися до сего времени результатами. Французам благодаря сильному со-

противлению их арьергардов, повидимому, удалось своевременно уклониться от угрожавшей им на правом фланге опасности».

Когда вечером 25-го поступило сообщение об атаке 4-й армии ее правым крылом в направлении на Седан, штаб армии рассчитывал быстрым продвижением на Ретель облегчить 4-й армии переправу через Маас. Невольно действиями 4-й армии 3-я армия была увлечена тоже влево, как это произошло с 4-й армией вследствие действий 5-й армии. Общей тенденцией было «принимать влево» вместо «обходить справа». В ночь на 26-е неожиданно пришел приказ высшего командования об отправке XI корпуса на восток. 26-го неприятель отступил по фронту без дальнейшего сопротивления. Армия дошла до Рокруа. Осязаемых признаков решительной победы не было.

В штабе 2-й армии приказ об отправке гвардейского резервного корпуса явился также неожиданностью. Не было никаких возражений,

«хотя ранним утром 26-го стали отдавать себе отчет относительно имевшихся до сего времени результатов преследования и использования победы в бою у Монс — Намюр»,

т. е. начали понимать, что решительной победы одержано не было. Приказ об отправке гвардейского резервного и XI корпусов прямо вызывал на то, чтобы незамедлительно покаяться перед высшим командованием: мы ошиблись относительно результата боев,

«отличный первоначальный успех, правда, достигнут, но ожидавшийся разгром левого крыла французской армии не удался».

Штаб 2-й армии, по данным Рейхсархива, в полдень 26-го не мог иметь никакого сомнения в том, что решение кампании было еще впереди. При таких обстоятельствах ослабление ударного (решающего) крыла на два корпуса было явной ошибкой высшего командования. Одного слова командующего 2-й армией, пользовавшегося глубоким уважением у Мольтке, было бы достаточно для немедленной отмены приказа высшего командования. Впредь до получения ответа на протест командующий 2-й армией обязан был взять ответственность за задержку корпусов на себя.

2-я армия 24-го частично потеряла соприкосновение с неприятелем, а 25-го достигла местности юго-западнее и южнее Бомона (восточнее Мобежа). В стремлении путем «параллельного преследования справа выиграть левый фланг противника», армия шла 26-го в строго юго-западном направлении и достигла вечером местности около Авен. Неприятель, который в этот день вновь был нащупан по всему фронту, отошел назад за Уазу, примерно на линию Гиз — Вервен. 27-го штаб армии продолжал преследование правым крылом через Ле-Като, левым — на Бюйронфосс (западнее Ля-Каппель на дороге в Гиз). Так как 3-я армия при преследовании уклонялась влево, вместо того чтобы

уклоняться вправо, то 27-го между ее правым крылом у Овиллер — Ле-Форж (юго-западнее Рокруа) и левым крылом 2-й армии у Бюйронфосс образовался промежуток более чем в 30 *км*. Рейхсархив пишет:

«Если бы теперь высшее командование не приняло решительных мер с целью выравнять положение, то могла бы возникнуть серьезная опасность, что связь в операциях правого крыла армий была бы нарушена, и промежуток между 2-й и 3-й армиями продолжал бы все возрастать, так как 2-я армия наступала в резко юго-западном, а 3-я армия почти в юго-восточном направлении».

Лишь 27-го вечером высшее командование дало 3-й армии приказ итти в юго-западном направлении. Только теперь была восстановлена связь в движении правого крыла армий.

1-й армии не удалось охватить англичан западнее Мобежа. 26-го у Ле-Като возобновились бои против воли английского командования. Но и на этот раз англичане ускользнули. По каким причинам намеченный охват не осуществился, мы не будем здесь разбирать.

«Англичане избежали грозившего уничтожения лишь с большим трудом и с значительными потерями; прикрытые сильной кавалерией, под покровом ночи и под проливным дождем, они в беспорядке отступали на юго-запад».

1-я армия проследовала правым крылом на Перонн.

Оценка и исследование в духе принципов Шлиффена

Если предположить, что высшее командование в момент апогея победы, 25 августа, в уверенности, что великое решение кампании уже достигнуто, несколько более интенсивно занялось проблемой преследования, то едва ли оно могло бы упустить из вида, что ни одного дня нельзя было медлить с кратким приказанием армиям, если хотели «кончить дело в шесть недель». Также ни в коем случае нельзя было предполагать, что отныне не может быть никакого сопротивления со стороны противника. Чтобы «кончить дело», нужно было, чтобы не только были разбиты наголову французские войска, но чтобы был взят Париж, а английский экспедиционный корпус был бы уничтожен или подразумевался на пути домой. От четкого ответа на вопрос, что еще в состоянии были предпринять французские армии даже после большого поражения, ни в коем случае нельзя было уклоняться. В особенности должно было бросаться в глаза, что французы прибегнут к переброске своих сил посредством железных дорог с правого крыла на левое, чтобы спасти свою столицу. Поскольку французы только что начали в Лотарингии контрнаступление на широком фронте, совсем не было пока похоже на то, чтобы они перевозили войска с правого крыла. Но этот момент, несомненно, должен был скоро наступить с приближением нашего правого крыла к Парижу. Было также ясно, что фран-

цузы наскребут войска, где только возможно, чтобы атакой от Амьена против германского правого крыла задержать наступление на Париж. То, что французы отовсюду стянут войска к Парижу, собственно говоря, подразумевалось само собой и должно было быть по справедливости учтено с германской стороны, если бы даже об этом не было определенных сведений. Своевременное поступление таких сведений было тем более сомнительно, что перевозка по железным дорогам при благоприятном начертании железнодорожной сети могла быть осуществлена с достаточной быстротой. Поэтому предусмотрительность требовала, чтобы германцы сказали себе: самое позднее, под Парижем нам придется еще разгрызть очень твердый орех. Поэтому можно было надеяться покончить дело в шесть недель, только следуя совету Шлиффена:

«Итак, мы хорошо сделаем, если заблаговременно приготовимся к переходу через Сену ниже устья Уазы и к обложению Парижа сначала на западном и юго-западном фронтах».

Но и тогда дело все еще не было бы окончено: нельзя было допустить остановки французских армий ни за Марной, ни за Сеной. Германские силы, перешедшие Сену ниже Парижа, должны были быть настолько сильны, чтобы после выделения частей для блокады Парижа все еще сохранить способность ударить на левом берегу Сены во фланг и тыл французским войскам. Не требовалось сложных расчетов, чтобы установить, что правое крыло — даже если предположить, что великое решение кампании уже достигнуто, — могло при возникающих во время преследования трудных задачах оказаться недостаточно сильным и что его ни в коем случае нельзя было ослаблять выделением войск на восток; напротив, его следовало усилить.

«Главное для общего хода операций — это образовать сильное правое крыло, с помощью его выигрывать сражения и безостановочным преследованием посредством именно этого сильного крыла все время принуждать противника к отходу».

Лишь после падения Парижа и лишь после того как левое крыло французских армий в состоянии разложения отступало бы от Парижа и Марны в юго-восточном направлении на Дижон и Лангр, германский главнокомандующий мог сложить руки и сказать: «теперь дело кончено». А до тех пор надлежало держать крепко в руках все силы и иметь постоянно перед глазами, в сердце и в уме конечную цель. Вот в чем был залог победоносного исхода войны.

25 августа за кажущимся апогеем победы наступил момент, когда должно было родиться решение, определяющее судьбу кампании. Дело было, быть может, не в том, чтобы дать исчерпывающие наставления армиям относительно их действий при преследовании, так как высшему командованию при его большом удалении от полей сражений недоставало своевременной ориентировки. Но одно было настоятельно необходимым — это

постоянно внушать штабам армий основную идею операции и посредством немногих, но издали заметных вех заботиться о непрерывной связности операций, предотвращая стремление армий к разрозненным действиям. Подобно руководителю занятий («экзерцирмейстеру») на учебном поле, полководец должен был сделать слышным свой голос:

«Вести преследование! Держаться строго справа! 1-й армии — на Амьен, 2-й — на Мондидье и Компьень, 3-й — на Суассон! 4-й армии двигаться через Шарлевилль и наступать на Реймс. 5-й армии еще по эту сторону Мааса податься вправо, чтобы уступами влево следовать за 4-й армией через Седан — Стэнэ. 6-й армии оторваться от противника, как скоро это позволит боевая обстановка, оставить небольшие силы юго-восточнее Меца и двигаться главными силами через Мец и Диденгофен на линию Маас — Стэнэ — Верден. 7-й армии снять сначала один корпус из Вогезов и отправить его по железной дороге в Мец».

После отсылки такой дважды зашифрованной радиотелеграммы главнокомандующий со своим оперативным штабом 26-го рано утром должен был бы отправиться экстренным поездом сначала в штаб 6-й армии. Там он встретился бы и с командующим 7-й армией. Потом поезд отвез бы его в Диденгофен, где уже были бы поданы автомобили для поездки в штабы 5-й и 4-й армий. 27-го поехали бы дальше в штабы 3-й и 2-й армий. Начальник оперативного отделения посетил бы еще на самолете штаб 1-й армии. Тем временем совершилось бы перемещение ставки (без обоза) в Гирсон.

Почему германцы еще раз не добились победы

Германское высшее командование в Кобленце радовалось быстро достигнутой победе и дожидалось, пока армии донесут, что неприятель окружен и взят в плен. В этом состоянии оно соблазнилось тремя решениями, которые по своим дальнейшим последствиям еще раз стоили нам победы: отправкой XI и гвардейского резервного корпусов на восток, попыткой прорыва между Тулем и Эпиналем и отказом от твердого вождения. Этого последнего высшее командование не осуществляло уже с самого начала. Хотя оно еще 25 августа продолжало придерживаться той же практики и лишь 27-го, после того как нельзя уже было больше скрывать сомнений в большой победе, — решило взять бразды управления в свои руки, то возможно, что это было еще не слишком поздно, если бы только быстрым решением были отменены, по крайней мере, отправка на восток и попытка прорыва. Следуя часто употребляемому выражению «ordre — contre-ordre — désordre», генерал фон-Мольтке остался при прежних неудачных распоряжениях. Бремя исторической ответственности ложится на его плечи. Был ли он сам духовным отцом решений, неизвестно, но в этом случае мы будем руководствоваться положением кодекса Наполеона:

«Розыски отцовства воспрещаются» (La recherche de la paternité est interdite).

V

ПОЛКОВОДЕЦ

Граф Шлиффен и его преемник

С графом Шлиффеном случилось то же, что с князем Бисмарком. Он был удален на покой раньше времени. Но Шлиффен перешел уже за пределы библейского возраста, — к тому же с ним произошло несчастье, лишившее его в течение нескольких недель возможности двигаться[1]. «Пасквили», как называли в армии его критические замечания на императорских маневрах, возбудили неудовольствие среди командиров корпусов; многие побаивались меткого сарказма Шлиффена, а некоторые считали своевременным назначение другого генерала на его место. Помимо физической надломленности казалось, что и в умственном отношении старец не был на высоте. Полагали именно этим обстоятельством объяснить, что Шлиффен во время полевой поездки 1905 г. изобразил картину мировой войны, в которой выставил врагами Германии французов, англичан, бельгийцев, русских, итальянцев, румын и сербов. Уже в течение целого года заместитель ожидал ухода Шлиффена. Поэтому ничего не было удивительного в том, что по установленному в армии порядку 1 января 1906 г. посланный кайзера сообщил Шлиффену об удалении его от должности.

Когда 1 января 1906 г. состоялось назначение начальником генерального штаба армии Мольтке младшего — племянника победителя при Кениггреце и Седане, при котором он состоял в течение многих лет адъютантом, — то меньше думали о том, чтобы в лице назначенного иметь полководца, а значительно больше заботились, чтобы поставить во главе генерального штаба лицо, в котором ожидали найти уменье обращаться с кайзером, хорошие военные способности и возвышенные взгляды. В некоторых кругах считали необходимым свести генеральный штаб с высоких стратегических сфер графа Шлиффена на землю. Создавать «многих» стратегов считали совершенно излишним, — достаточно было иметь одного в качестве советника при кайзере. О кай-

[1] Он был случайно ушиблен в Тиргартене лошадью проезжавшего мимо офицера. — *Freytag-Loringhoven, Generalfeldmarschall Graf von Schlieffen*, 1920, стр. 66.

зере говорили открыто, что в случае войны он склонен принять на себя роль полководца. Некоторые все-таки предполагали, что пока жив старый Шлиффен — голос его в случае войны будет иметь значение. Так или иначе, но возникшие было сомнения относительно соответствия нового лица умолкли. Он сам некоторое время противился принятию на себя тяжелой ответственности. Он не верил в хорошие предзнаменования имени «Мольтке», так как опасался, что вряд ли судьба пошлет вторично победу этому имени. В области подготовки к войне сперва все оставалось приблизительно по-старому. Только в подготовке молодых офицеров Мольтке сразу избрал другой путь. Первые задания, поставленные прикомандированным к генеральному штабу старшим лейтенантам, не выходили из пределов небольших и узких рамок. Это не был полководец миллионной армии, который считал бы себя призванным сеять семена своего гения среди молодежи, как к этому приучил в течение долгих лет старый Шлиффен. Но вскоре Мольтке отказался от взятого направления и, подобно Шлиффену, стал пытаться воздействовать на молодежь, не сумев, однако, достигнуть тех же высот. Его человеческие достоинства тем не менее покорили сердца его подчиненных, а императорские маневры увеличили его вес в военном отношении. С внешней стороны казалось, что он все больше и больше осваивался со своим положением, но он не находил в себе сил разрушить перегородки, отделявшие его от старого Шлиффена. Непосредственно окружавшая его среда и ближайшие приближенные, вышедшие из шлиффеновской школы, также не находили способов и путей сблизить его с его предшественником. Так настал решающий для будущности Мольтке 1909 г. В этом году он решился на ослабление шлиффеновской идеи охвата и на изменение планов сосредоточения на западе. Он исходил при этом из предположения, которое не было неверным, как это и подтвердилось ходом войны, что французы не застынут уже больше в обороне, но вторгнутся значительными силами в имперские (германские) пределы, чтобы вновь завоевать Эльзас и Лотарингию. В этом случае Мольтке ожидал главного решения в Лотарингии и считал «беспредметным» продолжать большое захождение через Бельгию, — скорее он намеревался все имевшиеся в Бельгии силы отвести на юг для достижения главного решения.

Как «фата-моргана» (призрак в пустыне), чудился ему новый Седан между Мецом и Вогезами. Изменяя оперативный план, Мольтке не учел, что хотя большой охват Шлиффена исходил первоначально из предположения об отступлении французов, но он как раз отвечал случаю французского наступления в германские пределы. Величие шлиффеновского плана было именно в том, что немецкое командование не оставалось в неопределенном положении, в зависимости от оперативных намерений французов, но могло держаться этого плана во всяком случае. И чем последовательнее, тем лучше. В своем плане Шлиффен мог справедливо видеть не просто какой-нибудь оперативный этюд, но

высшее достижение своей работы за целую жизнь. Поэтому эпигонам надлежало бы спросить советов мастера, прежде чем предпринимать замену основ, поддерживавших все здание. Но такое паломничество к предшественникам вообще не было в обычае, — оно легко приносило с собой вредные последствия и размолвки. К тому же у людей всегда так бывало, что совет «конченного» генерала считался излишним. В годы, последовавшие за 1909 г., Мольтке казался на высоте своей задачи; он заметно отклонялся от духовного наследия Шлиффена. Когда же война потребовала от Мольтке доказательств его полководческих способностей, старый Шлиффен был уже мертв. Его последнее предостережение, изложенное в записке за несколько дней перед смертью, осталось без внимания. Если бы он сохранил свою должность еще в течение нескольких лет, то, вероятно, дело не дошло бы до изменения его плана даже в том случае, если бы он не дожил до войны.

Но ослабление шлиффеновского плана генералом Мольтке все еще не смогло окончательно поколебать возможности победы. Насколько же полнее она могла бы быть, если бы план был проведен в своем наибольшем масштабе! Поэтому не может быть ничего менее справедливого, как критиковать произведение Шлиффена с точки зрения политических неудобств прохождения через Бельгию. А между тем критики не сомневались в стратегических талантах Шлиффена, но говорили, что его план основан на «политической отчужденности» и что Шлиффен является лишь односторонним военным гением, но не государственным деятелем. При этом не считались с тем, что политика и стратегия проникают одна в другую и представляют собой одно и то же в высшем применении. Поэтому вопрос может быть поставлен лишь так: отвечал ли план Шлиффена политической обстановке 1914 г.? Некоторые критики доходят до утверждения, что идеи Шлиффена вообще являются фантастическими и не были осуществимы при действительном соотношении сил. На это можно лишь сказать, что талант не нашел себе признания. Все критики согласны в одном, что единственно правильной была оборона на западе. Таким способом, по их мнению, Бельгия и Англия были бы удержаны от участия в войне. Но было ли это надолго достижимо при тогдашних политических и военных условиях, представляется большим вопросом. Верно лишь то, что большая победа в духе Шлиффена была возможна в августе 1914 г. и была расстроена единственно и исключительно недостатками германского командования. Если бы германской армии было суждено одержать успех, то никто не стал бы тратить ни одного слова по поводу нарушения бельгийского нейтралитета, и критики задним числом прославляли бы великолепный план. Быть может, поставили бы даже высокий памятник старому Шлиффену. После же того как плохие музыканты плохо сыграли первое и единственное исполнение симфонии войны, многие стали склонными приписать неуспех композитору.

Ответственность

Прежде чем обратиться к проблеме обороны на западе, мы не должны пройти мимо вопроса об ответственности. Так как Мольтке не был полководцем, то командующие армиями должны разделить с ним моральную ответственность в том, что было упущено никогда более не повторимое благоприятное сочетание обстановки в августе 1914 г. Они в особенности ответственны за то, что своими преувеличенными победными реляциями создали у высшего командования ошибочное представление об обстановке. Не годится перекладывать «вину» с одного на другого; неважно также, кто именно участвовал в решениях. Для командования армий, как для коллектива командования, приложим естественный закон: «никто не ответственен за невозможное» (ultra posse nemo obligator). Сейчас дело идет не о личностях, но о необходимости учиться на собственных ошибках.

Об отношениях подчиненных командиров к высшему командованию Шлиффен часто говорил:

«Неоспоримым принципом должно быть, чтобы подчиненный начальник был самостоятелен, и этот принцип был соблюден также и в военной игре. Оба высших представителя командования никоим образом не вмешивались в права командующих армиями. Все это прекрасно, но подчиненные командиры должны также иметь ясное представление о том, какая ответственность на них при этом перекладывается. Случается, что подчиненные командиры действуют не в духе требований высшего командования, ибо совсем не легко проникнуть в образ мыслей высшего командования и вполне освоиться с зависящими от этого замыслами. А если это не достигается, то, как показывает опыт, кампания принимает неблагоприятное течение. Каждый командующий армией и каждый командир корпуса должны принять на себя обязанность освоиться с образом мыслей высшего начальника. Эта обязанность, однако, достаточно велика, в особенности, если принять в расчет, что от этого существенно зависит исход сражений».

«Наполеон потерпел неудачу отчасти потому, что маршалы действовали не по его замыслу. Если проследить события 1870 г., то на каждом шагу натолкнёшься на ошибки подчиненного командования. Искусство высшего командования выражается в том, чтобы сделать понятными подчиненным командирам свои идеи и взгляды, а искусство подчиненных командиров заключается в том, чтобы схватывать общую военную обстановку, понимать взгляды высшего командования и приводить их в исполнение целесообразным образом».

Оба эти изречения Шлиффена относятся к военным играм 1905 г. А в 1896 г. Шлиффен писал:

«Счастливый исход кампании 1870/71 г. надо частично отнести к самостоятельности и инициативе подчиненных начальников. Но не следует забывать о том, что бывают разные виды инициативы; инициативу одного вида проявили кронпринц Саксонский и генерал фон-Альвенслебен; представителем инициативы другого вида может считаться генерал фон-Штейнмец.

С одной из этих инициатив побеждают, с другой — получают все шансы оказаться разбитыми».

Укомплектованием высших военных органов в 1914 г. не распоряжалась счастливая рука. Но отсюда было бы ошибочно выводить отрицательное суждение о генеральном штабе. Не «школа Шлиффена» была виновата, если не выискивались лучшие головы. Не существовало намерения производить отбор исключительно по оперативным способностям, не придерживаясь традиционных взглядов и не обращая внимания на старшинство, не говоря уже о трудности найти достойнейших, к которым более всего относилась шлиффеновская заповедь офицеру генерального штаба:

«Больше быть, чем казаться, много делать, мало выдаваться».

Во время войны выяснилось, что многие из отличившихся в мирное время мало чему научились от Шлиффена. Если бы война не разразилась столь преждевременно, то, вероятно, тот или другой офицер из молодого поколения шлиффеновской школы выдвинулся бы на высокий пост и оказался бы способным вести германскую армию к победе под знаком шлиффеновского плана. Чтобы с искренним усердием и пламенным увлечением погрузиться в могучие идеи Шлиффена, нужны были свежая впечатлительность и целомудрие юношеского ума. Не без основания Шлиффен в своих оперативных задачах часто обращался к юношеству и на замечания о том, что вождение армий не дело старших лейтенантов, отвечал словами:

«Я не вижу оснований, почему молодые офицеры не должны заранее заниматься вождением армий; может случиться, что тот или другой из молодых офицеров на войне будет призван командовать армией или вести германские войска».

Во всяком случае старшие лейтенанты, командируемые в Большой генеральный штаб, были бы больше «в руках хозяина», чем наши командующие армиями в 1914 г. При выполнении операции в шлиффеновском духе дело шло не столько о том, чтобы проявить самостоятельную решимость, сколько о том, чтобы во всех положениях сохранить главный стержень операции и не отступать от него. Шлиффен знал слабости людей, доходил даже до требования «учебно-строевого» (exerziermässige) исполнения. Мольтке не имел способностей «стратегического учебно-строевого мастера» (strategischer Exerziermeister), он не был Фаустом, который испытывает наслаждение, отдавая приказы; Мольтке оставлял широчайшее поле для деятельности армейского командования, — а там, где он вмешивался в вождение, он не был счастлив. Таким образом, историческая ответственность, в конце концов, осталась лежать на личности, которой природа отказала, однако, в полете гения. Младший Мольтке не годился для роли полководца.

VI

ОБОРОНА НА ЗАПАДЕ

Схемы 9—11

Стратегическая проблема войны на два фронта

В работах Рейхсархива излагается, по каким причинам Шлиффен отказался от обороны на западе [1]. Было бы излишне тратить на это слова, если бы постоянно тот или другой критик не возвращался к преимуществам обороны по сравнению с шлиффеновским наступлением. При этом обычно не приводят стратегических оснований, но, исходя из того, что война проиграна, рассуждают так: если бы Германия не нарушила бельгийского нейтралитета, то Бельгия и Англия не только не приняли бы участия в войне, но Англия не допустила бы нарушения бельгийского нейтралитета Францией, а потому последняя была бы вынуждена наступать всей массой своих войск между Вогезами и Мецом чисто фронтально. Даже против значительного превосходства французов слабые германские силы на западе могли бы продержаться до тех пор, пока русские войска не были бы решительно разбиты путем общей концентрической операции германских войск из Восточной Пруссии и австро-венгерских — из Галиции.

Это понятно само собой, но должно быть подчеркнуто со всей настойчивостью, что граф Шлиффен такого решения войны на два фронта отнюдь не упускал из виду; он отдавал себе в этом отчет в многочисленных предположениях (этюдах) по ведению операций и сосредоточению. Равным образом в течение многих лет он разрабатывал параллельно с большим и малое сосредоточение на западе для обороны. Так как во всех этих вариантах ведение обороны представлялось исключительно трудным, а успех весьма сомнительным, то Шлиффен постоянно приходил к убеждению, что проблема войны на несколько фронтов в той политической и военной обстановке, в которой была Германия, должна была разрешаться наступлением через Бельгию. Шлиффен, как он сам выражался, «стоптал себе сапоги на обороне». И Мольтке многие годы параллельно с большим сосредоточением

[1] См. также главу «Наступление на востоке».

на западе занимался разработкой второго сосредоточения, которое предусматривало на западе оборону, а на востоке — наступление. Но и он пришел к тому же выводу, что и граф Шлиффен. При этом как у Шлиффена, так и у Мольтке играли роль не традиционные консервативные воззрения, но исключительно стратегические соображения. Кто полагает, что старик Шлиффен в своих соображениях допускал воздействие каких-либо предвзятых положений, тот его не знает.

Сторонники обороны на западе основывают свое мнение на авторитете старого коронного свидетеля[1] генерал-фельдмаршала графа Гельмута фон-Мольтке. Ввиду того значения, которое имеет этот авторитет, нам следует подробнее остановиться на том, как он мыслил ведение войны на два фронта. Мы исходим из предпосылки, что во время его жизни еще не существовало союза между Францией и Россией и что Англия еще не склонялась на сторону Франции, в отношении же России занимала резко непримиримую позицию. При этом германской политикой руководил князь Бисмарк. Когда Шлиффен на рубеже столетий пришел к своему плану, на горизонте наметилось уже политическое и военное окружение Германии и Австрии, а когда младший Мольтке был призван в качестве стратега, окружение было почти завершено. Вместо князя Бисмарка его слабые последователи (эпигоны) вели нерешительную политику. Старший Мольтке вплоть до 1877 г. на случай войны на два фронта предусматривал наступление на западе, оборону — на востоке. После заключения союза с Австро-Венгрией (1880 г.) он изменил свой план: теперь он рассчитывал с одной половиной германских войск обороняться на западе, с другой — совместно с австро-венгерскими войсками атаковать русских, сосредоточенных в Польше по обеим сторонам Вислы уже в мирное время. Для нашего обзора не имеет значения, какие политические причины вызвали это решение. Должно быть очевидным, что молодой германо-австрийский союз для войны на два фронта в 80-х годах прошлого столетия следовало оценивать иначе, чем в позднейшее время. Мы оставим также без рассмотрения военное состояние Австро-Венгрии и России в те времена, так как для нас вопрос заключается лишь в том, чтобы установить оперативные основания мольтковской обороны на западе.

Позиция Больхен—Саарунион

Главные силы Западного (германского) фронта должны были сосредоточиваться в Лотарингии, вспомогательная армия — в Эльзасе. Было намерение выждать наступление французов на сильной, заранее подготовленной позиции между отрогами Гунсрюка и Вогезами. Исходное положение (Bereitstellung) главных сил в последние годы Мольтке мыслилось перед Сааром на ли-

---

[1] В английском уголовном судопроизводстве так называется свидетель, выставляемый обвинителем как представителем короля.

нии Больхен—Саарунион с сильными резервами, эшелонированными справа назад, и с крупными же силами слева вперед у Саарбурга. Расстояние между Больхеном и Саарунионом в круглых цифрах составляет 50 *км*. Такой фронт соответствовал силам и тактическим воззрениям того времени. Этим и объясняется, что Мольтке относительно этой позиции писал:

«Если бы он (противник) решил наступать против всего фронта позиции, то он должен был бы сперва развернуться столь широко, что нам представился бы случай напасть на него. Если бы он обратился соединенными силами против отдельных наших корпусов, то неатакованные корпуса, путем захождения вперед во фланг противника, оказали бы самую действительную помощь».

Он считался, таким образом, с возможностью, что значительно превосходящие силы французов атакуют и без того неширокую германскую позицию на еще более узком фронте. Разумеется, Мольтке считал более вероятным, что французы попытаются,

«овладев одним крылом позиции, охватить ее с этого фланга».

Обойти через Больхен было мало соблазнительным для французов, хотя крепость Мец по ее тогдашнему состоянию могла оказать лишь ограниченное оперативное воздействие. Резервы на правом германском крыле могли встретить атакой попытку французов произвести охват. Чтобы охватить левое крыло у Сааруниона, нужно было сперва разбить германские силы у Саарбурга и отбросить вспомогательную армию германцев в Эльзасе к Страсбургу или за Верхний Рейн. Тогда, конечно, условия для французской операции охвата здесь были благоприятнее, чем на другом крыле.

В нашем разборе нам не следует забывать, что в те времена как на одной, так и на другой стороне артиллерия была мало развита, орудия обладали малой дальнобойностью, а пехота сражалась густыми стрелковыми цепями с сомкнутыми частями позади. «Смотровая тактика» (Revuetaktik) не была еще изжита. Если бы французы атаковали фронтально на узком фронте и, следовательно, не использовали бы своего превосходства, то позиция Больхен — Саарунион выполнила бы свое назначение. Конечно, не следовало ожидать, что французы пройдут мимо Саарбурга. Если бы находившиеся там германские войска были атакованы превосходными силами с охватом, то едва ли, как метко выразился в одной из докладных записок от 1894 г. Шлиффен, осталось бы что-либо иное, как самим перейти в наступление по всей линии.

«Итак, быть может, мы будем вынуждены как раз к тому, чего хотели бы избежать, т. е. к наступлению против превосходных сил противника».

Очищение левого берега Рейна

Старший Мольтке оценивал перспективы обороны впереди Саара также не особенно благосклонно, так как он с самого начала считался с тем, что превосходство французов могло вы-

нудить нас к обороне за Рейном, и в своей докладной записке писал:

«Если мы будем, наконец, вынуждены совершенно очистить левый берег Рейна, то надо стремиться к соединению всех армий на позиций за Майнцем и Франкфуртом».

В позднейшие годы он изменил соотношение сил в пользу запада, назначив сюда $^{2}/_{3}$ и на восток — $^{1}/_{3}$ всех боевых сил. С прохождением французов через Бельгию Мольтке по политическим и военным основаниям мог тогда легче справиться:

«Французы были бы тогда вынуждены сражаться с наступающими через Мозель к северу германцами фронтом на юг, имея все тыловые сообщения на своем фланге и Голландию с тыла».

Наступление через Бельгию останавливалось на Рейне, и, в заключение, Мольтке ожидал вмешательства Англии в пользу Германии. Резюмируя вкратце план старшего Мольтке, мы можем сказать, что он давал весьма обоснованное по силам и тактическим условиям того времени исходное положение на ограниченном оперативном пространстве как для обороны, так и для наступления.

Позволительно ли было переносить план Мольтке старшего на 1914 г.?

Переносить оперативный план 80-х годов прошлого столетия на 1914 г. не годилось. Уж одна мысль, которую старший Мольтке высказал с полным душевным спокойствием, — что мы можем оказаться вынужденными отойти за Рейн, — в 1914 г. действовала как призрак поражения: не только вследствие потери важных и крайне необходимых производящих районов военной промышленности, но и потому, что миллионная французская армия, снабженная современным оружием, а в особенности сильной и дальнобойной артиллерией, стоящая у барьера Рейна, означала нечто совершенно иное, чем много меньшая армия 1880 г. со слабой артиллерией малой дальнобойности. Если бы французская армия достигла Рейна, то в 1880 г. она не смогла бы защитить реку на всем ее протяжении. Но армия 1914 г. вполне могла это сделать. Никто также не станет сомневаться, что обратное наступление германцев через реку с того времени стало много труднее. Рейнские предмостные укрепления в 1914 г., за исключением Страсбурга, устарели, и эта крепость по своему положению едва ли могла иметь особенное значение для германского наступления через Рейн. Предложение Мольтке — на худой конец принять решительное сражение восточнее Рейна, на известной майнской позиции, — в условиях 1914 г. было вообще немыслимо.

После всего этого можно сказать: для обороны на западе в 1914 г. решающим являлся ответ на вопрос, удастся ли в течение продолжительного времени удерживать за собой левый берег Рейна против превосходных сил французов. Распределение сил между западом и востоком играло, таким образом, существенную

роль, — тем более, что быстрая переброска войск с востока на запад была невозможна, если бы войска находились глубоко на русской территории. И если по этим причинам Западную армию делали настолько сильной, что она во всяком случае могла отстоять левый берег Рейна, то Восточная армия оказывалась слишком слабой. В Восточной Пруссии нельзя было бы выступить менее чем, приблизительно, с половиной германских боевых сил, ибо только при охвате крупными силами на левом германском крыле представлялась возможность решительно разбить русских. С другой стороны, при малой пропускной способности германских железных дорог восточнее Вислы перевезти своевременно значительно больше половины боевых сил было невозможно. Потому деление примерно пополам, как считал в 1880 г. старший Мольтке, сохранялось при изучении и в расчетах сосредоточения также во времена графа Шлиффена и позднее.

Анализ развертывания

Мы в нашем исследовании примем, что на западе, кроме гарнизонов крепостей военного времени, действуют следующие боевые силы:

13 армейских корпусов,
6 резервных корпусов,
5 кавалерийских дивизий,
18½ ландверных бригад.
Этому французы могут противопоставить:
22—23 армейских корпуса,
23—26 резервных дивизий (включая главные резервы, которые освобождаются в крепостях),
10 кавалерийских дивизий,
4 или больше территориальных дивизий.

Таким образом, они почти вдвое будут превосходить германцев. Так как операции на востоке — в случае если русские избегнут охвата — потребуют продолжительного времени, а перевозка войск по русским железным дорогам не так скоро станет возможной, то германские войска на западе должны будут по меньшей мере четверть года сражаться против двойного превосходства, не имея вначале других перспектив на поддержку, кроме 6 второочередных дивизий, которые по истечении нескольких недель могут быть сформированы в Германии. Базируясь на оперативных намерениях старшего Мольтке, мы положим в основу наших рассуждений следующее стратегическое развертывание.

Кавалерийские дивизии: 1 кавалерийская дивизия — западнее Диденгофена, 4 кавалерийских дивизии, сведенных в 2 корпуса,— на лотарингской границе, между Мецом и Саарбургом, для прикрытия сосредоточения. При наступлении французов эти кавалерийские дивизии отходят фронтально и позднее сосредоточиваются за Сааром для переброски на правое крыло.

1-я армия: 5 армейских корпусов, 1 резервный корпус, 5 ландверных бригад — на Нижнем Сааре по линии Трир — Саарлуи и восточнее по 3 корпуса в первой и во второй линиях, ландверные бригады — по Мозелю ниже Кенигсмархена до Вассербиллига; начиная оттуда, по люксембургской и бельгийской границам — ландштурм.

2-я армия: 3 армейских корпуса, 2 резервных корпуса и 5 ландверных бригад — на линии Больхен—Саарунион, где подготавливается сильная позиция; ландверные бригады — сзади по Среднему Саару, где равным образом возводятся полевые укрепления.

3-я армия: 3 армейских корпуса и 2 резервных корпуса, из них 2 корпуса — на линии Финстинген—Дагсбург, которая оборудуется для упорной обороны; 3 корпуса — во второй линии западнее Сааруниона у Лютцельштейна и Цаберна. Главный резерв Страсбурга защищает Донон.

4-я армия: 2 армейских корпуса, 1 резервный и 8½ ландверных бригад сначала обороняют Верхний Эльзас, но отходят, не допуская себя разбить, к Страсбургу. Ландверные бригады, подкрепленные южногерманским ландштурмом, защищают Верхний Рейн.

С французской стороны мы предполагаем, что осуществляется развертывание 1914 г., ибо рассчитывают на наступление германцев через Южную Бельгию. Ранее 10-го дня мобилизации едва ли можно будет установить, что германцы будут держаться оборонительных действий. К этому времени французское высшее командование станет перед необходимостью решить, как оно должно будет вести наступление.

Три возможных случая

Для наших целей мы рассмотрим три случая: во-первых, наступление всей французской армии южнее Меца, во-вторых, наступление по обеим сторонам Меца при условии неприкосновенности бельгийской территории, но с прохождением через Люксембург, и, в-третьих, наступательные действия, совершенно не считающиеся с нейтральными территориями. Политическое воздействие Англии или других нейтральных государств пусть остается невыясненным.

Первый случай. *Французское наступление южнее Меца* (схема 9). Так как пространство между Верхним Рейном и Мецом очень узко для наступательных действий миллионной армии, то французы могли бы попытаться перейти Рейн уже у Гюнингена, чтобы захватить Верхнерейнские укрепления, сбить оборону реки, действуя с юга, и затем обложить Страсбург с востока. В нашем исследовании мы, однако, предположим, что первоначально французы отказываются от перехода на правый берег Рейна, чтобы сохранить по возможности сосредоточенными свои силы для главного решения. Французское наступление может быть ведено лишь фронтально и на большой глубине. Это будет операция «грубой силы» („der brutalen Gewalt“). Поскольку французское

сосредоточение не принимало в расчет этого случая, придется сперва произвести не представляющие затруднений железнодорожные перевозки, в рассмотрение которых нам нет надобности вдаваться. С оперативной стороны надо лишь взвесить, следует ли загонять «массовый клин» (Massenkeil) у Меца или вдоль Вогезов. Оба эти направления нельзя назвать выгодными: первое — ввиду угрозы флангу с Нижнего Саара, второе — по причине неблагоприятной местности. В обоих случаях на фланге наступления оказывается большая крепость, причем, разумеется, Мец представляется более опасным, чем Страсбург. Удар на правом крыле имеет то преимущество, что Верхний Рейн, как только германцы изгнаны из Верхнего Эльзаса, дает защиту флангу и тылу. Прорыв германцев через Мозель ниже Меца останавливается перед маасской линией. Против германского наступления из Эльзаса обеспечивает глубина клина. Очевидно, что главная масса французских войск должна быть на правом крыле. Вся операция представляется «методическим» захождением налево в боевом порядке с неприятельской крепостью Мецом в качестве точки вращения и с лозунгом «медленно, но верно». Если, со своей стороны, германцы перешли бы в наступление, то боевой порядок останавливается и встречает неприятеля должным образом. Когда атака отражена, движение столь же методически возобновляется. Особенно трудно «протиснуться» у Страсбурга, который приходится заблаговременно атаковать. Когда правое крыло пройдет за линию Страсбурга, тогда лишь, собственно, начнется операция, относительно которой пока ничего нельзя сказать, так как она будет зависеть от образа действий германцев. Правое крыло французов может достигнуть района Цаберна самое раннее через три недели после начала вторжения в Верхний Эльзас; левое крыло по мере продвижения должно создать сильную укрепленную позицию перед Мецом для отражения германского наступления. Чтобы довершить эту картину наступления французов, мы изложим предполагаемый ход событий в следующей программе действий.

Пролог. Концентрическое вторжение 1-й армии в Верхний Эльзас. Изгнание из него германских боевых сил, бомбардировка Верхнерейнских укреплений. Одновременно продвижение 2-й армии на линию Сирэй—Диез, 3-й армии — на линию Шато-Сален—Понт-а-Муссон. Перевозка по железной дороге 5-й армии за 2-ю линию С. Дие — Люневиль, продвижение 4-й армии походным порядком к Нанси, в качестве резерва главного командования. Формирование Эльзасской армии из резервных и территориальных дивизий для осады Страсбурга и для обороны Верхнего Рейна; формирование Лотарингской армии из резервных дивизий у Вердена для блокады Меца и Диденгофена по левому берегу Мозеля.

1-й акт. Блокада Меца с запада, а Страсбурга и Мольсгейма с юга и с запада, «протискивание» (Herumdrücken) 1-й армии через Вогезы между Мольсгеймом и Сирэйем. (Эта чрезвычайно трудная и требующая много времени операция часто изучалась

на германских поездках генерального штаба.) 2-я армия продвигается к германским позициям у Саарбурга—Финстингена; приготовление к атаке. 3-я армия выдвигается до Бенсдорфа — Ганна-Ниде. Для обложения Меца с юга формируется армейский отряд (Armee-Abteilung) из резервных дивизий. 5-я армия подтягивается ко 2-й, 4-я армия остается у Нанси. Снабжение армий не представляет затруднений, так как железные дороги функционируют до самого расположения войск также и на германской территории. Чтобы обеспечить снабжение водой, принимаются общие меры организационного характера.

2-й акт. Эльзасская армия подготавливает осаду Страсбурга; бомбардировка Мольсгейма. Атака 1-й и 2-й армий в Вогезах и у Страсбурга—Финстингена. 3-я армия занимает исходное положение атаки в направлении Сааральбен—С.-Авольд. 5-я армия продвигается в направлении Саарбург — Бенсдорф, 4-я — в направлении Шато-Сален.

3-й акт. 1-я и 2-я армии стараются оттеснить германские боевые силы к востоку, 5-я армия наступает между Вогезами и Саарским угольным каналом на север, 3-я армия атакует неприятеля с фронта, 4-я армия следует в качестве резерва на С.-Авольд. Для поддержки войск перед Южным и Западным фронтом Меца подводятся территориальные войска.

Что будут делать немцы? Этот интересный вопрос встанет, как только у них раскроются глаза на такую достопримечательную операцию французов. Постараются ли они упредить французов с наступлением и подвести для этого армию с Нижнего Саара? Будут ли они выжидать атаку французов на своих позициях, подготовив 1-ю армию для контрудара? Или же они отправят части этой армии по железной дороге в район севернее Страсбурга, чтобы там произвести контратаку? Или, может быть, лучше отвести 2-ю армию за Саар, чтобы очистить место для контрудара 1-й армии и армии, вновь сформированной из частей 3-й и 4-й армий, которая внезапно перебрасывается по железной дороге в район Саарлуи и Саарбрюкена? Уже из этих вопросов можно усмотреть, что генералиссимус германских войск на западе должен быть искусным полководцем, чтобы найти правильное решение. По интеллектуальному складу германских генералов (смотри докладную записку Шлиффена от 1894 г.), в такой обстановке, вероятно, дело кончилось бы тем, что в один прекрасный день генералиссимус отдал бы приказ об общем наступлении, которое едва ли имело бы шансы на успех, так как оно повсюду наткнулось бы фронтально на большое превосходство сил на стороне противника. Французскому же генералиссимусу нельзя было бы оказать со стороны немцев большей дружеской услуги, чем наступление, так как и у него было бы неспокойно на душе не потому только, что он был бы озабочен, как бы не потерпеть поражения, но и потому, что он считал бы за смертный грех с военной точки зрения всадить всю миллионную армию французов в тесное пространство между Мецом и Страсбургом. Он и не решился бы на это добровольно, но лишь по предписанию политических деятелей.

На чьей стороне имелись бы лучшие шансы? При чисто фронтальной операции французов немцам при целесообразном вождении не приходилось бы опасаться поражения, но, конечно, они должны были бы считаться с тем, что по причине превосходства сил на стороне французов, которое давало им возможность продолжительное время поддерживать бои из глубины, они (немцы) по истечении нескольких недель окажутся вынужденными отступить, чтобы избежать поражения. И сопротивление за Сааром едва ли могло бы быть особенно длительным. Германские оборонительные действия для выигрыша времени мало-помалу, вследствие охвата флангов превосходными силами противника, привели бы к отходу на линию Рейна.

Второй случай. *Французское наступление по обеим сторонам Меца* (схема 10). Мы оставляем первый случай и обращаемся ко второму: к наступлению по обеим сторонам Меца, при условии неприкосновенности бельгийской территории. Этому случаю французское развертывание 1914 г. соответствовало уже в большей степени. Сосредоточенная у бельгийской границы 5-я армия могла в несколько дней походным порядком достигнуть Люксембургской границы. Остальные армии располагались бы неплохо в своих районах сосредоточения, хотя 3-я армия должна была бы сначала придвинуться ко 2-й, так как и она должна была бы наступать южнее Меца. Французы должны были бы считаться с невыгодой разделения их армий на две группы мозельской позицией немцев. Южная — более сильная — группа 1-й и 3-й армий должна была бы регулировать свое движение, сообразуясь с наступлением северной группы; и только пролог, т. е. изгнание германских боевых сил из Верхнего Эльзаса и обложение крепости Страсбург с юга и с запада, должен был бы в этом случае предшествовать большой операции. Пока это совершалось бы, а 2-я и 3-я армии занимали бы исходное положение между Вогезами и Мецом, чтобы иметь возможность в любой момент встретить атаку германцев, северная группа, имея впереди конную армию из 8 кавалерийских дивизий и за ней 4-ю армию, за которой следовала бы 5-я,— продвигалась бы тесно сжатая через «бутылочное горло» между Диденгофеном и бельгийской границей в северо-восточном направлении на Люксембург. По мере расширения пространства, армии постоянно перестраивались бы в очень глубокое «армейское карре» (bataillon carré), фронт и правый фланг которого должны были бы быть готовы во всякое время принять атаку немцев. Не ускоряя марша и не давая себя отвлечь ударами немцев со стороны Мец — Диденгофен, обе армии продолжали бы свой путь. Для отражения этих ударов сформировалась бы Лотарингская армия, которая заградила бы мозельскую позицию на западе. Позади 5-й армии двигались бы многочисленные территориальные войска, имеющие задачей прикрыть на Мозеле ниже Диденгофена правый фланг и тыловые сообщения этой группы армий. Когда «армейское карре» своим хвостом достигло бы места, откуда правое крыло должно было бы быть двинуто в атаку через Мозель, то был бы сделан пово-

рот направо, и находящиеся сзади корпуса подошли бы к боевой линии. Если немцы перед этим повели бы сами атаку через Мозель, то главной задачей было бы быстрое образование широкого фронта, чтобы по возможности произвести охват с обоих флангов. Снабжение огромных масс на узком пространстве производилось бы при помощи люксембургских железных дорог, которые могли бы быть захвачены еще до начала наступления при помощи особых отрядов, перевезенных в поездах. Наступление в Лотарингии и через Мозель должно было бы быть произведено одновременно.

Станет ли главнокомандующий германскими войсками на западе пассивно дожидаться, пока французы будут готовы к общему наступлению? Соберет ли он все свои боевые силы в Лотарингии и будет ли атаковать южную группу французских армий, прежде чем северная группа выполнит свой требующий продолжительного времени маневр? Или он пойдет через Мозель и атакует северную группу? Или не отойти ли ему из Лотарингии за Средний Саар и Блис, чтобы там принять решительное сражение, а правый фланг защищать оборонительно на Мозеле? Не выгоднее ли, как только обнаружится движение противника через Люксембург, оставить на Среднем Сааре слабые части, а все силы, которые можно собрать, бросить по железной дороге через Кобленц и Кельн в район Эйфеля, чтобы этими силами и армией, находящейся в углу между Сааром и Мозелем, атаковать противника, охватывая северную группу французов? Граф Шлиффен при обсуждении германской обороны в аналогичных условиях говорил:

«Проработка дала новое доказательство тому факту, что обороняющийся очень редко пользуется против охвата предоставленным в его распоряжение простым средством. Если он хочет вести оборону не чисто пассивно, но активно, то он обычно переходит с фронта в контрнаступление, подверженное охвату, вместо того чтобы с своей стороны противопоставить охват неприятельскому охвату и вырвать у него без труда из рук успех и превратить его в решительную победу, которую противник надеялся достигнуть далеким продолжительным движением».

При решении сходной задачи генерал фон-Мольтке, в противоположность Шлиффену, отказался от атаки против наступающих через Люксембург боевых французских сил, мотивируя этот отказ следующим образом:

«Оставленная в Лотарингии армия очень скоро будет оттеснена, а если она окажет сопротивление, то будет разбита. В непродолжительном времени мы будем вынуждены уступить противнику в Люксембурге, так как главная французская армия появится в нашем тылу; против нее придется образовывать фронт и отходить назад через Мозель. Победа немцев над вспомогательной армией не заставит главную армию остановиться или повернуть; это всегда останется лишь частичным успехом. Другое дело, если удастся разбить главную армию в Лотарингии».

Спрашивается теперь: которому из этих двух образцов последовал бы германский главнокомандующий в 1914 г.?

Взгляды Шлиффена на ведение обороны находят особенно четкое выражение в стратегическом развертывании, которое по его приказу разрабатывалось в течение нескольких лет параллельно с большим сосредоточением на западе. В Эльзас-Лотарингии сосредоточивалась лишь более слабая армия, в то время как большее число корпусов первоначально оставалось в корпусных округах. Быстрая их отправка подготавливалась таким образом, что могла начаться через несколько часов после отдачи приказа; намеченные линии перевозки проходили через Рейн между Майнцем и Кёльном. Фиксировать заранее станции выгрузки не было надобности; они могли быть определены, смотря по обстановке и цели, уже при выполнении перевозки. Таким образом, можно было бы ждать французского наступления, перед которым Эльзас-Лотарингская армия должна была отступать через Средний Саар и через Северные Вогезы и дальше; оставленные же в Германии корпуса бросить на левый фланг французов, как только их крыло подставится под охват, пройдя Мец, южнее Гунсрюка, или дальше к северу на Мозеле или Эйфеле. В связи с этим было также подвергнуто обсуждению перенесение сосредоточения назад до Рейнгессена и на Рейн, чтобы атаковать с охватом французское левое крыло с линии Рейна, между Кобленцем и Кёльном.

Но все эти оперативные идеи не гарантировали стопроцентного успеха, как бы их ни прикидывать и ни переворачивать; французское превосходство тем самым не сводилось бы на-нет, если бы даже и должно было ослабиться в результате расходования сил на Верхнем Рейне, перед Страсбургом и Мецом. Кроме того, всегда оставался открытым вопрос, оказался ли бы германский главнокомандующий на высоте своей задачи. Если уже в разобранном сначала первом случае от германского вождения требовалась высокая степень искусства, то во втором случае проблема руководства становилась еще сложнее. Теперь дело заключалось бы не только в том, чтобы при двойном превосходстве противника искусным и своевременным уклонением избежать поражения, но нанести этому превосходству сил путем гениального ведения операции в уязвимом месте уничтожающий удар и, несмотря на свою относительную слабость, захватить инициативу в свои руки. При этом вызывает большое сомнение, удалось ли бы создать превосходство в решительном пункте. Трудность задачи характеризуется диаметральной противоположностью взглядов Шлиффена и Мольтке. Во времена последнего и в штабах армий, как они себя показали в 1914 г., едва ли дело дошло бы до операции в духе Шлиффена.

Третий случай. *Французское наступление через Люксембург и Бельгию* (схема 11). Мы переходим к третьему случаю, который нам остается рассмотреть: к французскому наступлению, не считающемуся с нейтральными территориями, т. е. к наступлению главных сил французов на Рейн через Люксембург и Бельгию. Только в этом случае миллионная французская армия могла маневрировать на соответствующем оперативном театре,

имея свободу действий. Не в захвате Эльзас-Лотарингии следовало с французской стороны видеть главную цель наступления, но в том, чтобы нанести уничтожающий удар слабой немецкой Западной армии. Тогда не только Эльзас-Лотарингия, но вся германская территория западнее Рейна сама собой попадала под удар. Таким образом, возникал вопрос: какая операция открывала французскому высшему командованию лучшие перспективы для такого большого успеха? Отнюдь не наступление южнее Меца, также и не «протискивание» через Люксембург, но, конечно, наступление на естественном для миллионной армии пространстве, с применением всех стратегических возможностей, которые вытекали из обстановки и местности. Шлиффен однажды писал:

«Атака во фланг является главным содержанием всей военной истории. Строевой устав только в редких случаях упоминает об атаке против обоих флангов. Но я полагал бы, что это — нормальная атака, и что если я не могу ее предпринять, то, по крайней мере, должен защитить обороной неатакующее крыло. Кто хочет атаковать один или оба фланга, должен быть сильнейшим, исключая сражение при Лейтене и т. п.».

В нашем случае французы были бы гораздо сильнее. Почему бы им не попытаться охватить слабых германцев с обоих флангов? Быть может, и германцы оказали бы французам «дружескую услугу», перейдя в наступление и бросившись в раскрытые объятия?

Французское развертывание 1914 г. было выгодно: армии могли двинуться прямо перед собой без значительных передвижений. Но и в этом случае все начинается с пролога в Верхнем Эльзасе. 1-я и 2-я армии атакуют между Вогезами и Мецом; позади правого крыла двигаются сильные резервы, которые должны отразить германское контрнаступление из Вогезов и потом двинуться для охвата левого крыла германцев. Обложение Страсбурга и Меца осуществляется, как и в других случаях, посредством Эльзасской и Лотарингской армий. Главные силы, 3-я, 4-я и 5-я армии, двигаются правым крылом через Люксембург, левым — в направлении Мальмеди. Чтобы во всякое время быть во всеоружии против германского наступления через Мозель или со стороны Рейна, пока не выяснится, что предпримут германцы, должно соблюдаться следующее распределение сил: три армии располагаются уступами, 5-я армия—впереди на левом крыле, 4-я и 3-я армии — примерно в одном переходе уступом в сторону и назад; позади 5-й следует группа резервных дивизий, позади 3-й — все силы, какие еще можно собрать, резервные и территориальные дивизии. Главное, чтобы операции в Лотарингии и в рейнских провинциях были хорошо согласованы. 1-я и 2-я армии не должны преждевременно подвергнуться риску неудачи. Если германцы атакуют в Лотарингии, прежде чем охватывающее крыло выполнит захождение против линии Мозеля (Трир — Кобленц), то придется поразмыслить, не лучше ли 1-й и 2-й армиям временно уклониться от атаки и потянуть германцев за собой к фронту французских крепостей. Если германцы атакуют через

Мозель к северу, то 1-я и 2-я армии должны немедленно наступать правым сильным крылом через Саарунион в направлении Цвейбрюкена. Если германцы, вопреки ожиданиям, избегнут охвата и если они отойдут назад на Рейн, то 1-я и 2-я армии следуют в направлении Ландау — Крейцнах, в то время как 3-я, 4-я и 5-я армии берут направление на Кобленц — Кёльн; конница — далеко впереди.

Но германцы не отойдут, — они не могут даже допустить такой мысли, — они должны удержать за собой левый берег Рейна. Ожидать, обороняясь, на чем порешат относительно них французы, — не годится; нужно наступать, несмотря на относительную слабость сил. Вопрос только в том, как это сделать. Предположим германское развертывание на западе, с 19 корпусами между Триром и Страсбургом, примерно в том виде, в каком в прежние времена было разработано большое развертывание на западе с наступательными целями, — на обоих крыльях сильные резервы. Идея действий по внутренним линиям против далеко нацеленной операции французов представляется соблазнительной. Из этого сосредоточения легче было захватить французов, вторгающихся в Лотарингию, — если бы они вообще могли устоять, — чем оперирующие через Бельгию и Люксембург главные французские силы. К тому же в Лотарингии можно создать превосходство на стороне германцев, тогда как при наступлении через Мозель прикрытие тыла требует слишком много сил. Итак, германский главнокомандующий решается на наступление в Лотарингии на возможно широком фронте, в то время как на Мозеле оставляется только самое необходимое. Предположим, что французов в Лотарингии удается разбить. Если не достигаются Канны, то все же одерживается такая победа, как 6-й и 7-й армии в 1914 г. Что потом? Очевидное решение — повернуть с главными силами назад, оставив лишь слабые силы следовать за французами в Лотарингии настолько далеко, насколько это представится возможным. Отход на Мозель и атака через реку главных французских сил! Можно ли было рассчитывать оказаться сильнее их? Расчет простой: если мы оставим от 4 до 5 корпусов в Лотарингии, то мы можем использовать на Мозеле от 14 до 15 корпусов. Немцы будут, таким образом, примерно столь же сильны, как французские 3-я и 5-я армии. Кавалерию мы не будем принимать во внимание, так как в 1914 г. французская кавалерия была так же не сведена в конную армию, как и немецкая. Трудность для германцев заключалась бы не столько в численности, сколько в том обстоятельстве, что и на Мозеле, как в Лотарингии, им пришлось бы ограничиться фронтальной операцией. Не было ли бы поэтому лучше после победы в Лотарингии все корпуса, которые можно было снять, посадить в поезда и кружным путем перевезти через Среднюю Германию и Вестфалию не только на Нижний Рейн, но даже дальше за него — примерно на линию Аахен — Кёльн, чтобы ударить на французов с тыла? Представлялась возможность одновременно перевезти от 8 до 9 корпусов, так что, может быть, в Лотарингии имелось бы в

распоряжении еще 5 и на Мозеле от 5 до 6 корпусов. Для успеха германских замыслов необходимо было бы, чтобы главные силы французов заходили к югу против мозельской линии. Чтобы достигнуть этого, германским войскам на Мозеле, несмотря на их незначительную силу, нельзя было стоять неподвижно за рекой, — им следовало наступать самим. Это наступление, поскольку оно своим левым крылом было бы подставлено под охват французам, надо было бы эшелонировать не только в ширину, но и влево в глубину. Если французы с самого начала считались бы с угрозой их левому крылу с Нижнего Рейна и потому дали бы 5-й армии направление на Бонн и Дюрен, то они ослабили бы себя для операции на Мозеле.

Прежде чем мы закончим оперативный разбор третьего случая, нам придется еще несколько заняться французским высшим командованием. Предположим, что немцы, имея превосходство в силах, атакуют 1-ю и 2-ю французские армии в Лотарингии примерно в тот момент, когда французское левое крыло переходит бельгийско-германскую границу. Какое решение принимает французское высшее командование? Будет ли оно оглядываться на события в Лотарингии и выжидать, устоят ли его 1-я и 2-я армии перед немецкой атакой на как раз достигнутой линии? Не будут ли немцы своей атакой оказывать французскому высшему командованию «большую любезную услугу»? И как ее оперативно использовать? 1-я и 2-я армии не должны принимать решительного сражения, *пока не могут участвовать главные силы французов;* таким образом, ясно, что им нужно отходить перед немецкой атакой к линии своих крепостей и увлекать за собой немцев, как это рекомендовал немцам граф Шлиффен в своем плане для операций в Лотарингии. Пока немцы будут итти за ними и в один прекрасный день окажутся перед укрепленной стеной, французские главные силы будут продолжать захождения вправо, левым крылом на Кобленц, и в то же время 4 или 5 корпусов будут выделены из 1-й и 2-й армий и переброшены по железной дороге, под прикрытием крепостей, в Люксембург и Южную Бельгию, чтобы присоединиться к главным силам в качестве последующего эшелона. Пройдут дни, пока германский главнокомандующий получит об этом сообщение. Все же мы предположим, что он повернул уже раньше, как только заметил, что французы в Лотарингии уклоняются от наступления. Но что же теперь? В конце концов, не остается ничего другого, кроме отхода на Рейн, поскольку больше не представится случая быстрым перемещением посредством железных дорог значительных сил против крыла и тыла противника создать возможность решительного сражения.

* * *

Во всех трех случаях трудности вождения с немецкой стороны огромны, и если же французское вождение не поможет грубыми ошибками, то германская армия на западе спустя четверть года окажется за Рейном, как этого опасался уже Мольтке старший.

Поэтому-то позднее он и употреблял для оборонительных действий на западе — вместо половины — три четверти германских боевых сил. Если уже Мольтке не считал себя способным удержать за собой против двойного превосходства левый берег Рейна, то ни в коем случае нельзя было ожидать этого от среднего генерала.

Исследование французского наступления Шлиффеном в 1911 г.

Тяжесть положения слабой германской армии на западе должным образом освещается лишь предположительным планом французского наступления, который Шлиффен набросал в 1911 г.[1]. Он исходит из того, что нейтралитет Бельгии с той и другой стороны должен быть нарушен. Под угрозой применения оружия французам удается «мирное прохождение» через Бельгию; в их распоряжении оказывается бельгийская армия, бельгийские крепости и железные дороги. Германскому обходу или охвату через Бельгию Шлиффен противопоставляет еще более расширенный обход со стороны французов. Фронт французской пограничной позиции столь силен, что он может быть обеспечен немногочисленными войсками. Граф Шлиффен предлагает посредством двойного охвата устроить немцам Канны. Для этой цели французское развертывание с самого начала должно было простираться от швейцарской до голландской границы, от Бельфора до Льежа, со слабым центром и скоплением больших сил на обоих крыльях. В состав этого фронта должны были войти, кроме того, резервные корпуса и за ними для прикрытия флангов на Верхнем Рейне и на Нижнем Рейне — территориальные войска. При благоприятных условиях Нидерландская армия первоначально берет на себя защиту фланга на Маасе, а затем будет следовать уступом за левым крылом армии. В центре достаточно резервных корпусов и крепостных гарнизонов. Операции, по возможности, должны начаться еще до объявления войны вторжением в Верхний Эльзас, чтобы захватить выгодную исходную позицию для охватывающего движения правого крыла.

«По окончании развертывания, а астично еще во время таковового, левое крыло, заходя направо (левым пле ом), будет продвигаться на линию Сирк — Кобленц; правое, обложив Ст расбург, примкнет вправо к Рейну, а влево возьмет направление на Саар рюкен. Центр, сообразуясь с движением обоих крыльев, наступает против ападного и южного фронтов Меца, а позднее делает захождение против восточно нта. Кавалерийские массы, поддержанные пехотой, переходят на правый б Рейна, стараются отнять у противника переправы через реку и захвати ть их для французской армии, угрожают или атакуют во фланг и в т ыл противника, в то

[1] Эта работа Шлиффена находится в распоряже ии генерала фон-Ганке (Hahnke). См. Ферстер, «Граф Шлиффен и м ировая война», 2-е изд., стр. 77—79. (Foerster. «Graf Schlieffen und d er Weltkrieg». 2. Auflage, S. 77—79, Mittler und Sohn, Berlin).

время как оба крыла продолжают свое концентрическое движение. Чем дальше этот марш развивается вперед, тем более сильные войска могут быть переброшены за Рейн для всестороннего наступления».

Остается разобрать шансы, которые могла бы иметь против этого шлиффеновского плана оборона германцев с половиной или тремя четвертями боевых сил. Главное уже сказано при рассмотрении третьего случая. Можно предполагать, что западная германская армия скоро оказалась бы вынужденной отойти за Рейн, чтобы избежать угрозы окружения, и начать новую операцию на восточном берегу Рейна. Мы согласны с Ферстером, что мы можем себя поздравить с тем, что в 1914 г. вместо генерала Жоффра во главе французских войск не стоял Шлиффен. От среднего французского генерала такой далеко простирающейся операции ожидать не приходилось.

Выводы

Наши соображения оставят, быть может, у некоторых читателей впечатление слишком богатой фантазии, но без нее в стратегии так же трудно обойтись, как и в политике. В конечном счете, все мысли возвращаются к некоторым основным пунктам. В качестве таковых, для проблемы германской обороны на западе с половиной примерно всех германских сил мы можем установить нижеследующее:

1. Против значительного превосходства французов путем чистой обороны нельзя было добиться успеха.
2. Германское наступление в Лотарингии наталкивалось на большое превосходство сил; если же нет, то скоро останавливалось, так как его можно было бы вести только фронтально, и французы имели свою оборонительную линию крепостей непосредственно за собой.
3. Наступление за Мозель против французского охвата через Люксембург и Бельгию не давало в условиях 1914 г. тех шансов, как во времена генерал-фельдмаршала фон-Мольтке.
4. Напротив, при помощи железных дорог имелась, может быть, возможность создать обстановку, которая сулила даже перспективу большого боевого успеха.

Представляется невероятным, чтобы германское руководство в 1914 г. оказалось на высоте этой задачи: в железнодорожных операциях оно не имело еще опыта, а развертываться в ширину с более слабыми силами — противоречило «излюбленной привычке». Оборона на западе со слабыми силами оставалась поэтому по оперативным основаниям всегда в высшей степени проблематичной (совершенно независимо от катастрофических последствий для изготовления оружия и боеприпасов), если производящие районы Лотарингии и Саарской области становились бы полем сражения и, быть может, потерян был бы весь левый берег Рейна.

VII

НАСТУПЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ

Схема 12

Оперативные планы за время от Мольтке старшего до Мольтке младшего

В восьмидесятых годах прошлого столетия генерал-фельдмаршал граф Мольтке в случае войны на два фронта предполагал наступление против России. Его преемник, граф Вальдерзее, придерживался того же плана. Графу Шлиффену ставилось в упрек, что он под влиянием императора опрокинул план своих испытанных предшественников и решился на наступательные действия против Франции. Утверждают даже, что «план императора» в 1914 г. облегчил французам сражение на Марне[1]. Это совершенно непонятно. Относительно эволюции оперативной мысли от старшего до младшего Мольтке, труд Рейхсархива (т. I, стр. 49—65) дает не оставляющие сомнений объяснения[2].

---

[1] Э. Людвиг, «Вильгельм II» (Emil Ludwig, «Wilhelm der Zweite», S. 167).

[2] Старший архивариус, подполк. в отставке Ферстер, недавно дал к этому ценное дополнение в своей статье «Политическая цель и оперативный план» в «Deutsche Offizierbund» («Германский офицерский союз», 5-й год издания, № 6 и 7. Мы заимствуем оттуда следующее:

Преемник Вальдерзее, граф Шлиффен, который в качестве 1-го оберквартирмейстера Большого генерального штаба в значительной мере участвовал в разработке вальдерзеевского плана наступления, очень скоро по вступлении в должность начальника генерального штаба решил отказаться от этого плана. В докладной записке от декабря 1892 г. он изложил основания, которые его к этому побудили. В ней говорилось: «Выполнение этого плана уже представлялось сомнительным, когда русские начали укреплять переправы через Нарев, а именно — сооружать укрепления у Ломжи. Если эти укрепления и не обладают значительной способностью сопротивления, то преодоление их все же обусловлено привлечением тяжелой артиллерии, бомбардировкой, штурмом, и, следовательно, потерей времени, которая благоприятствует сосредоточению неприятельских боевых сил к угрожаемым пунктам. Предположение, что из этих боевых сил ко времени нашего наступления против Ломжи немногие еще смогли бы быть на месте — ныне больше не оправдывается. Россия в течение многих лет работы так целесообразно организовала свою мобилизацию, приспособила дислокацию своей армии в мирное время к потребностям войны и до такой степени усовершенствовала и умножила свои железные дороги, что, несмотря на свое огромное протяжение и редкое население, мало или даже вовсе более не

Согласно этим объяснениям, операции 1914 г. не основывались ни на так называемом «плане императора», ни на плане Шлиффена. За оперативный план 1914 г. и его выполнение остается ответственным Мольтке младший. Если французам был «облегчен» бой на Марне, то к этому граф Шлиффен так же мало причастен, как и мнимый «план императора» начала 1890-х годов. В действительности было как раз наоборот: по той причине, что план Шлиффена не был проведен, бой на Марне не только был «облегчен» французам, но стал вообще «возможным».

Удалось ли бы в свое время фельдмаршалу графу Мольтке и графу Вальдерзее наступление против России в случае войны

уступает в готовности к войне своим, находящимся в более благоприятных условиях западным соседям. Поскольку, кроме того, она достаточно осторожна, чтобы производить свое стратегическое развертывание (Aufmarsch) за укрепленной речной линией, то ей приходится меньше, чем какой-либо другой державе, опасаться неожиданностей или внезапных нападений. Прибавьте к этому, что России довольно точно известны наши намерения и что, в соответствии с этим, она недавно разместила свои силы. Прежде русские намеревались большей частью своей боевой мощи напасть на Австрию и отражать наше вмешательство в эту борьбу лишь незначительными силами. Так как это должно было происходить за неманской линией протяжением около 50 миль, то отсюда следует, что расположение, если оно и прикрывалось на большом пространстве совершенно непроходимой местностью, могло быть все же только весьма растянутым. Теперь большая часть русских войск должна быть наготове против нас, причем главные силы и резервы будут находиться как раз за Ломжей,— следовательно, позади пункта, против которого мы хотели направить наше наступление. Это делает предположенный прорыв наревской линии почти невозможным. Но если бы он и удался, то неприятель, по всей вероятности, уклонился бы не на юг, чтобы попасть в руки австрийцам, но на восток, где он найдет конечные пункты железных дорог, по которым он был подвезен. Мы добились бы не решительного сражения и разгрома русских войск, но фронтальных боев с противником, которому было бы открыто отступление внутрь могущественной империи, в то время как наши собственные тыловые сообщения сделались бы настолько неблагоприятными и опасными, как только можно вообразить. Своевременная поддержка со стороны австрийской армии, которая в начале операций отделена от нашей армии пространством в 50—60 миль, издавна должна была представляться сомнительной. Ныне она должна быть вовсе исключена. При таких обстоятельствах нельзя больше придерживаться плана, который уже с самого начала, при относительно благоприятных условиях был довольно трудным и чреватым серьезными опасностями. Но этот отказ не следует ограничивать только операцией против Ломжи, он должен распространиться вообще на наступательные действия через Нарев. Ибо, если мы хотим на свой страх и риск атаковать предназначенные против нас 22—24 дивизии русских войск, то ведь мы должны назначить для этого соответствующее этим силам количество войск, а это было бы больше того, что мы могли бы быстро подвезти по недостаточно развитым путям правого берега Вислы и гораздо больше того, без чего мы были бы в состоянии обойтись на западе».

Совершенно аналогичное говорится и в другой докладной записке графа Шлиффена от ноября 1893 г.: «Пока в России мобилизация и стратегическое развертывание протекали медленно и тяжеловесно, обоим союзникам рекомендовалось напасть на слабые и еще только сосредоточивающиеся русские войска и не допустить развертывания всей армии. Но с того момента, как русских нельзя больше поразить внезапностью и захватить врасплох, уже не рекомендуется атаковать сильного противника без всякой связи и без возможности взаимной поддержки с двух совершенно различных сторон и с такого расстояния».

на два фронта, — это еще вопрос. Если бы оборона на западе окончилась отходом за Рейн, то даже крупный успех на востоке мог легко стать Пирровой победой. Между тем перспективы наступления против России были тогда более благоприятны, чем позднее. Русская армия в турецкую войну показала себя тяжеловесным орудием войны; она была отсталой по снаряжению и обучению; мобилизация ее и сосредоточение у границы требовали при мало развитой сети дорог много времени. Вождения этой армии едва ли приходилось опасаться, поскольку оно ограничивало себя только сражением в Польше, как тогда принималось. Для установления образа действий германской армии при изменившихся обстоятельствах основным вопросом являлось: приведет ли общее наступление германских и австро-венгерских войск против России к более быстрой и решительной победе, чем наступление через Бельгию против Франции?

Восточный театр военных действий

Кто хочет познать стратегический характер Восточного театра военных действий, тот не должен пройти мимо исторических воспоминаний. У врат огромной равнины между Вислой и Уралом, вмещающей *одно* государство и один народ, стоит предостерегающая фигура Наполеона I, чья судьба должна внушать всякому нападающему на Россию жуткое чувство перед наступлением в эту страну.

Русская армия даже в худшем случае будет постоянно находить убежище в глубине страны и черпать новые силы из огромных пространств и своих человеческих масс. Со времен московского пожара, разумеется, многое изменилось. В течение ста лет не только были построены новые дороги, но возникла, — правда, еще редкая, однако, довольно провозоспособная, — сеть железных дорог и сделала возможной относительно быструю переброску войск к западной границе как из центра, так и из далекой Сибири и Туркестана. Более широкая колея должна была затруднить нападающему пользование русскими железными дорогами, а попрежнему широкие реки с их крепостями давали обороняющемуся хорошую защиту. При своевременном и основательном разрушении железнодорожных мостов неприятельское наступление могло быть значительно задержано. Быстрое восстановление таких больших сооружений представляло еще не разрешенную проблему. Правда, нападающему едва ли приходилось теперь опасаться голода, но зимняя кампания, несмотря на своевременные вспомогательные средства, могла еще принести многие затруднения, а в районах болот в дождливое время года движение войск было невозможно. Для самого современного средства сообщения, т. е грузовых автомашин, русские дороги были еще мало приспособлены, а без доброй, довольствующейся малым, лошади — русская территория была вообще непреодолима. Посредством полевых железных дорог можно было лишь медленно

продвигаться вперед; кроме того, они обладают малой провозоспособностью, а потому при наступлении миллионной армии ни в коем случае нельзя было обойтись без ширококолейной железной дороги. Русские так благоразумно устроили свою пограничную железнодорожную систему, что только из немногих мест соединения ее с германскою железнодорожною сетью нападающий мог продолжать свои тыловые сообщения. И все-таки, несмотря на все эти затруднения и несмотря на большие по сравнению с 1812 г. массы войск, нападающему в 1914 г. было гораздо легче маневрировать своими армиями и их снабжать. Можно было удовлетвориться достаточным использованием железных дорог до перешивки колеи и до восстановления искусственных сооружений, если бы только при наступлении были в достаточном количестве захвачены паровозы и вагоны. Поэтому наступательный образ действий не должен был останавливаться перед вопросами подвоза, хотя в этом отношении могли быть временные заминки.

Неизменным в течение ста лет со времен Наполеона осталось важнейшее свойство театра военных действий — глубина пространства. В этом была причина неудачи Наполеона и в этом все еще заключался оперативный секрет. Извлечение выгод из глубины своей территории было не чуждо русским с 1812 г.; в восточно-азиатской войне она спаслась таким способом от поражения. Когда японцы после многих «ординарных» побед стояли под Мукденом, им пришлось удовольствоваться миром. Но такой ход событий никоим образом не мог удовлетворить германцев при войне на два фронта. Ввиду опасности на западе германское высшее командование не должно было пускаться в затяжную операцию.

В то время как на Западном театре военных действий неприятельская столица при выборе пути через Бельгию находилась в наиболее достижимом расстоянии, политические центры России были отодвинуты далеко в глубину, и русская армия имела между Вислой и Днепром весьма обширный район для первых операций. Русские могли избежать преждевременного решения и выждать, пока оперативная обстановка не сложится для них возможно выгоднее и пока не прибудут войска из Сибири и Туркестана.

Концентрическое наступление из Восточной Пруссии и Галиции

При первом взгляде на карту, идея концентрического наступления из Восточной Пруссии и Галиции, конечно, имеет много соблазнительного. Самая конфигурация границы, казалось, толкала на то, чтобы атаковать русские боевые силы в Польше с обоих флангов и отрезать от глубокого пространства в тылу. Чудесная мысль — при условии, что русские будут удовлетворены достаточно долгим пребыванием в естественном мешке, образованном границей. Аналогично и генерал фон-Мольтке пред-

ставлял себе свою Лотарингскую операцию с искусственным мешком, в который должны были попасть французы. Но последние были достаточно осторожны, и германское командование отказалось от образования мешка: оно не надеялось на то, что французы станут наступать дальше. На востоке, быть может, дело было проще. Мешок был дан природой, и можно было ожидать, что из этого мешка русские своевременно не ускользнут. Таким образом, дело заключалось в том, готовы ли были русские принять решительное сражение между Ковно и Варшавой, а также между Ивангородом и Ровно, и биться до конца.

Конечно, австро-венгерское высшее командование пошло бы с радостью на общее большое наступление, но, несмотря на это, генерал Конрад фон-Хетцендорф на нем не настаивал, так как он должен был понимать, что выгоднее, чтобы германцы сначала добивались решения против Франции. «Судьба Австро-Венгрии решится не на Буге, но на Сене», таково было мнение графа Шлиффена.

Генерал Данилов о целях германских и русских операций

Генерал Данилов — в мирное время генерал-квартирмейстер и влиятельное лицо русского генерального штаба, а во время войны — советник и, можно сказать, фактический руководитель операций при великом князе Николае до осени 1915 г. — в марте 1914 г. распорядился переработать заново старую докладную записку о «Силах и предполагаемых планах нашего западного противника».

Свои воспоминания о войне он, будучи эмигрантом, напечатал в 1924 г. в Париже[1]. Оба источника дают нам ясную картину русских концепций и целей. Русский генеральный штаб в своей оценке положения пришел к выводу,

«что Германии, во-первых, легче достигнуть быстрых решительных успехов против Франции, чем против России, и, во-вторых, что оставление относительно слабых сил против Франции менее целесообразно и более опасно, чем противоположное решение[2]». — «Хотя все соображения говорят о том, что Германия, по всей вероятности, прилагает усилия к подготовке первого сильного удара против Франции,— следует при рассмотрении возможной политической конъюнктуры включить в круг рассмотрения и такие предположения, которые могут побудить Германию к решению сконцентрировать превосходные силы на нашей границе».

Данилов подробно разобрал оба случая, причем речь шла и о том, что, быть может, Румыния и Швеция примут участие в войне на стороне центральных держав. Как представлял себе рус-

---

[1] Докладная записка приведена в книге: «Russlands Eintritt in den Weltkrieg» von Gunther Frantz, Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin, W. 8.

[2] «Russland im Weltkriege 1914—1915», Frommansche Buchhandlung. Jena.

ский генеральный штаб германское сосредоточение и оперативный план в случае обращения главных сил германцев против России? В докладной записке излагается, что германские войска силою в 67 пехотных и 8 кавалерийских дивизий развертываются на фронте Мемель — Тильзит — Лык—Сольдау и разделяются на 5 армий. Полная боевая готовность всех войск исчисляется к 24—25-му дню мобилизации. Так как германские войска, вероятно, будут подвозиться последовательными волнами, то наступление может начаться на несколько дней раньше. Германское наступление ожидается 3 группами: массою в 44 пехотных и 6 кавалерийских дивизий—против фронта Вильна—Белосток; влево от нее — армия в 8 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию севернее Немана и вправо — такая же в 11 пехотных и 2 кавалерийских дивизии через Остроленку. Австро-венгерские боевые силы, ввиду большого района полесских болот, разделяются таким образом, что 17½ пехотных и 6 кавалерийских дивизий подвигаются по обоим берегам Буга к северу, чтобы достигнуть через Брест-Литовск соединения с германскими войсками, равно как и операционного направления на Москву севернее болот, в то время как от 25½ до 29 пехотных и 5 кавалерийских дивизий избирают направление на Киев (южнее болот). Большое превосходство в силах и более быстрая готовность признается за германо-австрийскими войсками. Предполагается, что германцы будут стараться отрезать главную массу русских от центра и оттеснить ее к северному краю Полесья, в то время как австро-венгерская северная группа наступает против левого фланга и даже против тыла русских главных сил через Брест-Литовск и к востоку от него, а австро-венгерская южная группа запирает Полесье.

«Эту операцию русская армия могла бы парировать, только подав назад свое левое крыло и выждав подкрепления из отдаленных областей — очень сложный и трудный маневр».

В заключение говорится:

«Фактором, который должен действовать неблагоприятно для нашего противника, является разделенность исходного положения германской и австрийской армий, откуда возникает опасность столкнуться с нами порознь. Эта опасность, несомненно, возрастает тем сильнее, чем быстрее мы проведем мобилизацию и чем меньше времени мы употребим на готовность наших войск в районах развертывания.

Другим неблагоприятным моментом для нашего противника является глубина театра военных действий и то обстоятельство, что наша западная пограничная область разделяется Полесьем на два отдельных театра военных действий: Северный — главный и Южный — вспомогательный, что требует соответствующего разделения сил, причем сохранение связи чрезвычайно затруднено».

По поводу этих рассуждений Данилова сперва следует лишь заметить, что силы союзных (германо-австрийских) войск принимаются чересчур для них благоприятными, что с точки зрения русских, разумеется, не может быть отмечено как ошибка. Во

всяком положении лучше не недооценивать врага. Данилов правильно распознал большую опасность для русской армии быть отброшенной охватом с севера в район болот и очень хорошо знает, как тяжело должно сложиться снятие сражающихся на Буге частей, если оно не произойдет своевременно.

Русское развертывание

Схема 12

Относительно русского развертывания в том случае, если Германия направит главный удар против России, Данилов высказывается следующим образом:

«Сразу бросается в глаза, что мы не смели рассчитывать на то, чтобы не допустить вторжения нашего противника в наши собственные пределы, а потому за основу нашего стратегического развертывания должны были принять прежде всего его ненарушимое проведение. Обстановка в этом случае категорически требовала отодвинуть зону развертывания глубже внутрь страны. Оборона наших выдвинутых вперед пограничных районов представлялась невыполнимой, так как таковые немедленно были бы охвачены противником со всех сторон. *Все наши военные мероприятия в течение первого периода войны должны были бы носить только чисто оборонительный характер, пока не прибыли бы все войска из Сибири, Туркестана и Закавказья, или не изменилась бы коренным образом военная обстановка под влиянием событий на фронте наших союзников.* В этих обстоятельствах перед нашим взором вставало с полной ясностью значение нашего Полесья, которое делало совершенно невозможным осуществление какой-либо военной операции более крупного масштаба.

Так как важнейшие и кратчайшие для наших противников дороги к обеим столицам, Петербургу и Москве, которые, кроме того, являлись главнейшими жизненными центрами всей страны, проходили в северной части Полесья, то было совершенно естественным произвести сосредоточение главной массы наших войск в северном районе общего фронта».

На основании этой оценки было предусмотрено первоначально разместить 20 армейских корпусов с принадлежащими к ним резервными частями севернее района болот, в то время как южнее такового — только 8 армейских корпусов с приданными к ним резервными частями, которые должны были прикрывать ведущие к Днепру дороги.

Начиная со второго месяца постепенно могли появляться корпуса из Сибири, Туркестана и Закавказья там, где это требовалось по складывающейся стратегической обстановке.

Первоначальное сосредоточение было задумано таким образом, что 3 армии (1-я, 2-я и 5-я) могли на широком фронте Ковно—Гродно—Брест-Литовск оказывать сопротивление продвижению войск противника. Чтобы противодействовать охвату правого фланга, 4-я армия должна была сосредоточиться примерно в 80 *км* севернее Вильно, у Свенцян; левый фланг представлялся достаточно обеспеченным Брест-Литовском и болотами. Южнее болот на широком фронте 3-я и 8-я армии при-

крывали галицийскую границу до Днестра. Между двумя армейскими группами оставался промежуток, который считали возможным допустить, так как здесь пути наступления противника вели в район болот. 6-я армия первоначально задерживалась для защиты Петербурга, но могла быть перевезена через Ригу и Двинск к правому флангу, если бы не угрожала германская десантная операция. Этим давалась возможность охватить германское крыло, наступающее в охват, примерно, севернее Немана. Вопрос заключался только в том, прибудет ли 6-я армия своевременно на поле сражения. Беспокойство русских за их столицу было неосновательным. Сосредоточение могло бы сложиться еще более благоприятно, если бы 6-я армия, подкрепленная другими частями, с самого начала была выдвинута к Риге и Двинску, чтобы совместно с 4-й армией предпринять концентрическое наступление на Шавли, как только начало бы развиваться германское наступление севернее Немана. Начиная с 5-й недели, азиатские корпуса постепенно могли бы усилить правое русское крыло, чтобы помешать оттеснению русских на юг, к болотам. Поэтому критическим вопросом для русского командования было — удастся ли германцам уже в первые четыре недели осуществить решительное сражение в районе Ковно — Вильно — Свенцяны, — по крайней мере прежде, чем могла принять участие 6-я русская армия. На южном фланге северной русской группы условия для русских были менее выгодны. Левый фланг находился примерно в 20 *км* северо-восточнее крепости Брест-Литовск, у Кобрина. Наступления австро-венгерской северной группы следовало ожидать по обоим берегам Буга. Несмотря на крепость и болота, русских можно было здесь охватить, в особенности, если бы австро-венгерской группе удалось стремительным натиском опрокинуть 3-ю и 8-ю русские армии. Это слабое место русского развертывания в данном случае нужно было уравновесить своевременным отнесением назад левого фланга главных сил на Барановичи — Пинск. Благодаря этому русский фронт стал бы несколько у́же и приобрел бы еще лучшую опору в болотах. Не было ли во всяком случае более разумным для русских не принимать решительного сражения на линии первоначального развертывания, но после временного сопротивления отойти на Неман, Нарев и Буг? Дальше в тылу можно было организовать упорную оборону на более узком фронте и при помощи железных дорог образовать на севере насколько возможно сильную ударную группу, чтобы атаковать левый фланг и тыл германцев. Задача заключалась в том, чтобы решительно разбить германцев, как скоро русские были бы для этого достаточно сильны. По мнению лица, пользовавшегося влиянием в составе русского высшего командования, можно было предпринять операцию, преследующую решительные цели, не раньше как после прибытия всех войск из Сибири, Туркестана и Закавказья, или же в том случае, если бы германцы ввиду событий на западе были вынуждены ослабить себя на востоке. Поскольку, согласно фактическим мероприятиям русских в 1914 г.,

азиатские корпуса могли прибыть на театр военных действий лишь в течение сентября и октября, постольку, в соответствии со взглядами генерала Данилова, надо было оттянуть решительное сражение до октября. Является вопросом, стали ли бы русские до этого времени придерживаться оборонительного образа действий на линии Вильно—Пинск? Таким образом, можно вывести заключение, что генерал Данилов, — если бы он действовал так, как он задним числом написал в своем труде, — своевременно отвел бы русские войска назад, на Двину и Днепр.

Когда утверждают, что русские по моральным и политическим причинам не могли бы решиться на такую стратегическую оборону с полным использованием глубины пространства, то это не доказательство. Это — предвзятая идея, которой полководец должен остерегаться. Русские войска по своей внутренней сущности в 1914 г. были точно так же способны к отступательной операции, как и прежде: что и доказали в 1915 г. Дело во всяком случае шло о том, чтобы уберечь русские войска от поражения, т. е. от всякой опасности охвата, до тех пор, пока не было бы достигнуто желательное численное превосходство и не произведена оперативно благоприятная для контрнаступления группировка.

Большое развертывание германцев на востоке

Схема 12

Еще во времена графа Шлиффена, как и позднее при Мольтке, в генеральном штабе параллельно с большим развертыванием на западе время от времени разрабатывалось и большое развертывание на востоке, называемое также и «вторым развертыванием». Одно из них за последние годы перед войной мы противопоставим даниловскому плану и исследуем, на чьей стороне предположительно были бы лучшие шансы на успех.

Силы германских войск на востоке при этом сосредоточении состоят из 43 пехотных, 6 кавалерийских дивизий и некоторого числа ландверных бригад. Образуются 4 армии: 1-я — на правом крыле, в составе 2 кавалерийских дивизий, 5 армейских корпусов и $2\frac{1}{2}$ резервных корпусов, на линии Млава — Вилленберг; 2-я — в составе 4 армейских корпусов и 1 резервного корпуса — между Ортельсбургом и Рейном; 3-я — в составе 2 кавалерийских дивизий, 3 армейских корпусов и 2 резервных корпусов — впереди линии Летцен — Ангербург — Даркемен; 4-я — в составе 2 кавалерийских дивизий, 2 армейских корпусов и 2 резервных корпусов — на линии Инстербург — Тильзит. Наступление должно начаться: 1-й армии — на Пултуск — Остроленку, 2-й армии — на Ломжу — Оссовец, 3-й армии — на Августов — Выштынец, 4-я армия следует южнее Немана за 3-й армией, уступом влево назад; 3-я и 4-я армии первоначально несколько задерживаются. Австро-венгерские войска наступают на север между Вислой и Бугом, при одновременной обороне в восточном направлении. Если нанести это германское развертывание на ту же карту, что и дани-

ловское, то оказывается, что обе армии стоят фронтально друг перед другом, что обход русского правого крыла германским левым не имеет места и что все-таки сосредоточенная у Свенцян, севернее Вильно, 4-я русская армия стоит благоприятно для охватывающего движения севернее Немана против германской 4-й армии. Распределение сил нигде не обеспечивает германцам превосходства; напротив, следует полагать, что русские имеют превосходство сил как на фронте, так и на северном крыле,— в особенности если они своевременно подтянули бы через Ригу и Двинск оставленную у Петербурга 6-ю армию.

Перспективы германского наступления из Восточной Пруссии

Какие факторы могли бы способствовать решительному успеху германского наступления, в котором заключается вся суть дела? Материальные предпосылки победы неблагоприятны для германцев, моральные — сомнительны. Данилов либо своевременно отходит назад, либо с упорством сражается на линии развертывания, — но тогда едва ли он упустит сделать сильным свое правое крыло, так как ведь он уже в мирное время правильно распознал опасность подвергнуться охвату и в соответствии с этим произвел группировку еще во время развертывания. Но что если из донесений во время развертывания он увидит, что в своих соображениях в мирное время он *значительно* переоценил силы германских войск на востоке. Не вытекает ли отсюда мысль — самому перейти в наступление против германцев? План прост. Не только 6-я армия доставляется на правое крыло, но ослабляется и фронт на Нареве, несмотря на опасность, что германцы обрушатся туда; равным образом — фронт против австро-венгерских войск, и освобождающиеся таким путем силы перевозятся по весьма провозоспособным железным дорогам через Белосток и Барановичи в местность около Вильно для решительного большого контрнаступления севернее Немана. Чтобы извлечь как можно больше из этого контрнаступления после первого боевого успеха против германских 3-й и 4-й армий, представлялось бы только желательным (для русских) продвижение германских 1-й и 2-й армий через Нарев и Бобр, ибо это давало бы возможность охватить Восточную германскую армию с севера и отрезать ее от тыловых сообщений через Нижнюю Вислу. Пусть между тем на юге между Вислой и Бугом и произошли бы неудачные для русских бои; пусть их разбили бы южнее Полесья,—все это было бы не важно; оперативный ключ всей кампании находится на северном крыле, у Вильно и Ковно. «Только сделайте мне сильным правое крыло» имело значение в этом случае и для русских. Собрать все силы, какими только можно было распорядиться для большого сражения, примерно в районе Вильно — Свенцяны — Ковно, — вот в чем была задача русского командования.

Лишь только германцы были бы решительно разбиты, тогда и австро-венгерские войска не замедлили бы вновь отойти за Сан и Днестр.

Но если можно согласиться с такой трактовкой, то возникает назойливый вопрос: почему германское высшее командование, имея намерение вести решительное наступление, не усилило бы в значительной мере свою Восточную армию, в особенности ее левое крыло?

Почему не была прибавлена пятая армия — севернее Немана? И почему за 3-й армией не следовала еще резервная армия, которую при наступлении можно было вдвинуть между 2-й и 3-й армиями, чтобы центр тяжести сил перенести возможно более влево? Ответ ясен. Потому что тогда оказалась бы слишком слабой Западная армия. Но не только это, а также и некоторые особенности русского пограничного района на севере не были благоприятны для ведения германского наступления большими силами. Без железных дорог нельзя оперировать миллионными армиями. Из района германского стратегического развертывания внутрь России вели 3 линии: через Млаву на Варшаву, через Летцен на Белосток и через Гумбинен—Ковно на Вильно; все они были заперты крепостями и эксцентрически расходились в разные стороны.

Тем не менее операцию следовало вести таким образом, чтобы эти три железнодорожные линии составляли ее скелет. При этом между Ковно и Мемелем отсутствовало всякое железнодорожное сообщение внутри России, а потому германское наступление от Тильзита севернее Немана, — примерно на Свенцяны, где мог сосредоточиться фланговый уступ русских, — оставалось сомнительным.

Если бы даже решились выставить на востоке еще более крупные силы, то все же главную массу их пришлось бы иметь в районе южнее Немана и вести наступление к северу от реки лишь более слабыми частями, для которых тогда возрастала опасность подвергнуться нападению превосходных сил. В противоположность этому русские имели преимущество в наличии железных дорог: Двинск—Вильно, Двинск—Шавли и Рига—Муравьево — Шавли, т. е. трех линий подвоза в оперативный район севернее линии Вильно—Ковно.

Осенью 1914 г., во время операций в Южной Польше, русские показали, что оперативное использование железных дорог им не чуждо. А в 1915 г. они сумели своевременно выбраться из мешка, который для них задумал генерал фон-Фалькенгайн между Вислой и Бугом.

После всего этого больше не возникает сомнения, что генерал Данилов был прав, когда он придерживался того мнения, что решительного успеха Германия могла легче достигнуть против Франции, чем против России. Итак, следовало отдать предпочтение шлиффеновскому плану на западе перед германским наступлением на востоке.

В худшем случае потерю Восточной Пруссии можно было легче перенести и восстановить, чем потерю левого берега Рейна.

VIII
ОБОРОНА НА ВОСТОКЕ

Схемы 12 и 13

Операционные районы на востоке

Схема 12

Под обороной на востоке, разумеется, не следует понимать оборону на растянутом фронте в чистом виде. Протяжение границы от Мемеля через Торн — Краков до Черновиц, в круглых цифрах 1 600 *км*, само собой исключало такую мысль. Не оставалось другого выбора, как вести стратегическую оборону насколько возможно активно. Географическая конфигурация пограничных районов значительно облегчала задачу. Около 400 *км* между Краковом и Торном совершенно выпадали с самого начала, так как здесь нельзя было ожидать наступления русских, пока неприятельские боевые силы в Галиции и Восточной Пруссии не были разбиты. Каждый из этих двух отдельных операционных районов был еще достаточно велик, — в особенности Восточнопрусский, так как в нем количество войск не отвечало величине пространства и задаче. В Галиции независимо от силы австро-венгерских войск природа предоставляла выгодные линии сопротивления по Днестру и Сану, а также и позади них в Карпатах. Генерал Конрад фон-Хетцендорф, активная энергичная личность с большой инициативой и упорством, был исполнен решимости немедленно итти навстречу русским и атаковать их между Бугом и Вислой. Его план потерпел неудачу, — быть может, не столько по своей внутренней слабости, сколько вследствие способа выполнения. В оперативном, как и тактическом отношении, разумеется, было бы вернее использовать речные и горные позиции чисто оборонительно и подготовить мощную глубоко эшелонированную массу в Западной Галиции, чтобы в благоприятный момент, когда русский фронт стоял перед Карпатами, обрушиться превосходными силами на его правое крыло. Такое контрнаступление не только давало преимущество опоры обоих флангов на Карпаты и Вислу, но и могло оттеснить русские войска к востоку от их тыловых сообщений между Вислой и Бугом. Опасность нашествия в Венгрию была ничтожна; конечно, приходилось принести в жертву как поле боя богатую Галицию и предоставить своей участи Лемберг (Львов). Этого не пришлось избежать и при конрадовском плане, поскольку таковой не удался.

Обмен письмами между Конрадом и Мольтке

Общего оперативного плана союзных высших командований не существовало. Скудный обмен письмами между Конрадом и Мольтке отнюдь не исчерпал оперативных возможностей; повидимому, оба обходили суть дела; Конрад — потому, что он, быть может, беспокоился о своем наступлении, а Мольтке — потому, что опасался, как бы не был нарушен его план на западе. Германцы опасались также, что план не будет должным образом сохранен в тайне. Конрад желал более раннего наступления германцев на Нарев для поддержки своего собственного, и Мольтке дал свое согласие, хотя его выполнимость при данном соотношении сил была довольно сомнительной.

Для Мольтке оперативной задачей являлась защита Восточной Пруссии, причем, однако, нельзя было рисковать существованием армии. Несмотря на это, он рекомендовал искать решения в наступлении. Как оно должно было осуществиться — это было предоставлено командующему 8-й армией, генерал-полковнику фон-Приттвицу. В прежние годы, когда граф Шлиффен был начальником генерального штаба и еще был жив граф Вальдерзее, Притвиц был предназначен к командованию на востоке, потому что по своему образованию и своим личным взглядам казался для этого особенно подходящим. Генерал фон-Притвиц в мирное время ничем не выказал стратегических способностей; его деятельность протекла в областях, которые не имели ничего общего с вождением армий.

Предложенная Шлиффеном стратегическая оборона по внутренним операционным линиям

Но в этом еще не было беды, потому что граф Шлиффен путем многолетней работы нашел способ, как успешно вести наступление в Восточной Пруссии даже против превосходных сил противника; его воззрения могли почитаться за общее достояние генерального штаба. Едва ли нашелся хотя бы один офицер генерального штаба, который в мирное время не занимался бы подробно проблемой активной обороны Восточной Пруссии. Исходным пунктом всех занятий в этой области являлась выпускная задача, предложенная графом Шлиффеном в 1898 г. прикомандированным к генеральному штабу старшим лейтенантам. Не вдаваясь в подробности, мы выявим ее основные оперативные моменты (схема 13а).

У графа Шлиффена русские боевые силы, выставленные против Восточной Пруссии, наступают четырьмя группами: на правом крыле через Тильзит — 2 корпуса и 1 кавалерийская дивизия; через Вильковишки — Сувалки — 4 корпуса и 2 кавалерийских дивизии; из района севернее Белостока — 2 корпуса и 2 кавалерийских дивизии; от Варшавы через Нарев — 4 корпуса. Во второй линии, у Двинска и Вильно, сосредоточиваются резервные дивизии. Таким образом, получается картина охвата Восточной Пруссии с севера, востока и юга; свободным остается только тыл к

стороне Балтийского моря и Нижней Вислы. Германские боевые силы — сначала 8 пехотных и 3 кавалерийских дивизии, вскоре усиленные еще 9 пехотными и 1 кавалерийской дивизиями, находятся в точке пересечения направлений неприятельского наступления; кажется, как будто они не могут избежать окружения, если примут бой вблизи границы. Численное превосходство русских довольно значительно, — хотя и не столь велико, как в 1914 г. Как следовало оценивать это положение? Послушаем графа Шлиффена:

«Германской армии, угрожаемой с трех сторон, не остается ничего лучшего, как атаковать ближайшего противника, разбить его и потом обратиться против двух других. Но победа, которой следует добиваться, должна быть решительной. Если германцы окажутся скованными в нерешительных боях одной из русских армий, то остальные выиграют время, чтобы выйти своему противнику во фланг и в тыл и раздавить его своим превосходством. Поэтому если германский главнокомандующий не рассчитывает на возможность одержать полную победу, то он хорошо сделает, если отступит, по возможности, за Вислу и откажется от выполнения своей задачи. Для решительной победы над ближайшим противником, т. е. над продвинувшимися через Мемель, а также от Вильковишек и Сувалок армейскими корпусами, следовало бы собрать в выгодном для атаки направлении столь крупные силы, как только возможно и настолько быстро, чтобы исключить вмешательство Белостокской и Варшавской армий. Можно было бы стянуть все находящиеся на правом берегу Вислы боевые силы, включая главный резерв Кенигсберга, кроме резервных дивизий в Остероде, Дейч-Эйлау и Сольдау, которые были бы слишком удалены от предполагаемого поля сражения, и кавалерийской дивизии, которая должна была бы остаться для охранения тыла по южной границе. Так как Белостокская армия, — смотря по тому, какой путь она избрала бы, — могла бы прибыть в 4—6 переходов, то нельзя было бы терять времени».

Быть может, могли быть сомнения относительно того, кого считать «ближайшим противником». Но в том, что выбор оставался только между быстрой операцией по внутренней линии и отходом за Вислу, едва ли можно было сомневаться как при решении задачи мирного времени (1898 г.), так и при решении задачи военного времени в 1914 г. Военная история знает мало счастливых операций по внутренним линиям. Наполеон I был мастером этого дела, и все же такая операция стоила ему трона и свободы. Поэтому очень трудно, находясь под угрозой с трех сторон, с меньшими силами решительно разбить противника. «Ординарной», т. е. фронтальной победы мало для того, чтобы спастись от окружения. С другой стороны, неприятель постарается обеспечить свои фланги. Генерал средних способностей, в котором нет веры в свою звезду, в таком положении, после фронтальных попыток разбить или, по крайней мере, задержать неприятеля, начнет отступать. Поэтому едва ли можно осуждать генерала фон-Приттвица за то, что он помышлял об отходе за Вислу. Упрек падает на тех, которые, несмотря на протесты начальника генерального штаба, избрали его для одной из са-

мых трудных задач военного руководства. Да и первоначальное развертывание войск непосредственно вдоль границы отнюдь не облегчало руководства командующему армией; к тому же во главе I армейского корпуса стояло лицо, своенравно стремившееся к самостоятельности, которая должна была повести к своеволию, если бы это лицо не чувствовало над собой твердой руководящей воли. Такой воли именно требовала операция по внутренним линиям, которая не допускает нескольких хозяев, но должна исходить из одной головы. Такова была голова графа Шлиффена, который, правда, ко времени выполнения операции уже давно был в могиле. Как мыслил он выполнение в задаче 1898 г.?

Фланговый удар от Кёнигсберга через Дейме мог дать большой эффект. Но если неприятельское правое крыло делало захождение к стороне немногих переправ на Дейме, то операция становилась невозможной. Если русская армия, после того как она миновала северную оконечность Мазурских озер, продолжала движение вперед на запад, то от наступления из района около Растенбурга против неприятельского левого фланга можно было еще ожидать решительного успеха. Однако,

«отнюдь не лишено вероятности, что неприятель мог двинуться приблизительно на Алленштейн как для того, чтобы приблизиться к своим вспомогательным армиям (Nebenarmeen), так и для того, чтобы в центре области отыскать предполагаемые силы противника. Тогда корпуса, предназначенные для флангового удара через Растенбург, оказались бы против неприятельского фронта, и даже направление одной из колонн между Растенбургом и озерами не гарантировало бы охвата левого русского фланга, так как этот фланг мог также искать непосредственного соприкосновения с озерами».

Как только русские вышли бы на простор по ту сторону линии Домнау — Растенбург, их можно было бы

«с полной уверенностью в успехе атаковать от Кёнигсберга или с юга превосходными силами германцев. Так долго ждать, однако, нельзя, если не хотят допустить, чтобы подошли другие русские армии».

Надо атаковать «на счастье» (auf gut Glück).

«В каком положении и на какой позиции будет тогда находиться русская армия — предусмотреть нельзя; верно только одно, что если она прикрывает свой левый фланг, опираясь на Мазурские озера, то тем скорее она должна бросить на произвол свой правый фланг. Чем осторожнее она будет на своем левом фланге, тем больше она будет подвергаться с противоположной стороны атаке неприятельских сил, которые можно предположить в районе Кёнигсберга; а если она хочет себя обеспечить с этой стороны, то тем серьезнее становится опасность с юга. Поэтому при сосредоточении германской армии нужно будет иметь в виду охват как правого, так и левого фланга (противника)».

В соответствии с этим граф Шлиффен предполагал образовать две наступательных группы: одну — у Растенбурга, другую —

между Бартенштейном и Домнау. Как он разыгрывал задачу дальше, здесь не имеет значения; следует указать только одно, что после победы над Неманской армией граф Шлиффен не заставляет победителя повернуть, чтобы обратиться против Наревской армии; напротив, он до тех пор продолжает преследование в северном направлении, охватывая справа (параллельным преследованием), пока русские, стиснутые у одной переправы через реку под Тильзитом, не подвергнутся уничтожению. Лишь тогда он поворачивает.

«Условия для нового боя в результате широко развернувшегося преследования не ухудшились, а улучшились. То обстоятельство, что неприятель подошел ближе с юга и что начал действовать Кёнигсберг, несомненно, было не в ущерб германцам. Теперь можно было ввести в дело все силы».

Граф Шлиффен отказывается от возможности отступления за Вислу и всеми силами опирается на крепость Кёнигсберг.

Сравнение с 1914 г.

Генерал-полковник фон-Приттвиц не мог взять на себя такого риска, так как получил от генерала фон-Мольтке предписание не рисковать существованием армии. Но по географическому положению Восточной Пруссии и по соотношению сил с той и другой стороны без такого риска нельзя было достигнуть большого успеха. Поэтому Мольтке поступил бы лучше, приняв ответственность за это на себя и подкрепив решимость командования, готового на величайший риск. Конечно, нельзя всецело сравнивать обстановку в задаче с фактической обстановкой в 1914 г.; соотношение сил во время войны было для германцев менее благоприятно, чем это предполагал в своей задаче Шлиффен. В 1914 г. не было возможности собрать превосходные силы даже против одной армии, — тем необходимее было путем искусной фланговой операции создать хотя бы местное превосходство на том боевом участке, где было решено победить.

Операции русских

Схема 12

С другой стороны, русские в 1914 г. отказались от важного преимущества, которое им давало географическое положение, оставив немалые силы для обороны своей столицы, вместо того чтобы направить их также через Ригу и Двинск на Тильзит против Восточной Пруссии. Быть может, для русских с оперативной точки зрения вообще было бы правильнее сначала с еще большим превосходством уничтожающе разбить германцев в Восточной Пруссии, по крайней мере, отбросить их за Вислу, и лишь тогда обратиться против австро-венгерской армии. Последняя между тем продвинулась бы между Вислой и Бугом к северу и тем самым подставила бы длинный фланг русскому наступлению от Ровно и Проскурова. Если бы таким путем русским удалось очень боль-

шими силами быстро проникнуть вдоль Карпат через Львов и Станиславов к Верхней Висле, то австро-венгерской армии между Бугом и Вислой едва ли оставалось что-либо другое, как отходить в высшей степени неблагоприятных условиях по левому берегу Вислы в Западную Польшу. Чего могли бы достигнуть русские при такой операции? Объединенного наступления всех сил прямо на Берлин. Они могли бы тогда гнать перед собой обоих своих противников, причем им нужно было бы стремиться только к тому, чтобы в Силезии перейти на левый берег Одера возможно крупными силами.

Охват из глубины

Если мы после этого вновь обратим наши мысли к Восточной Пруссии, то должны будем остановить наше внимание еще на одной существенной оперативной точке зрения в шлиффеновской задаче. Первое столкновение с русскими происходит на Алле и между Алле и Ангераппом, т. е. примерно на линии Кёнигсберг—северная оконечность Мазурских озер. Что же произошло в 1914 г.? Нетерпеливость и своеволие командира I армейского корпуса были причиной сражения под Сталюпененом у самой границы, а командующий армией как этим сражением, так и ложными донесениями дал себя склонить к повторению атаки под Гумбиненом. В чем основное различие между тем и другим образом действия? Граф Шлиффен заставляет стоящие близ границы силы отходить и предпринимает охват *из глубины*. Генерал фон-Приттвиц остается близ границы, выдвигает находящиеся позади части на передовую линию и не замечает того, что он стоит перед длинным неприятельским фронтом и не может больше маневрировать, а только атаковать фронтально.

Выпускная задача 1901 г.

Схема 13б

В выпускной задаче графа Шлиффена 1901 г. мы находим снова впереди у границы лишь небольшие силы: кавалерийские дивизии у Нейденбурга, Вилленберга, Гольдапа и Сталюпенена. I армейский корпус находится под защитой Мазурских озер у Растенберга. Остальные силы — 5 армейских корпусов и 3 резервных корпуса — сосредоточены вдоль Алле, между Алленштейном и Велау.

С русской стороны предполагаются две армии: Неманская — в составе 5 армейских корпусов, за которыми следуют 4 резервных корпуса, и Наревская — в составе 7 армейских корпусов и 1 резервного корпуса; при обеих армиях несколько кавалерийских дивизий. Русские, таким образом, почти вдвое сильнее. «Вновь возведенная линия укреплений» между Ангербургом и Ортельсбургом вооружена и занята войсками. Обстановка, если не считать соотношения сил, в основном сходна с обстановкой 1914 г., однако, с той разницей, что в задаче сосредоточение германских

главных сил первоначально отнесено больше назад. Граф Шлиффен предпосылает своему разбору следующие общие соображения.

Шлиффен о фронтальном бое и об охвате

«Современное течение мыслей удивительным образом направлено на фронтальный бой. Прошлое столетие началось кампанией против неприятельской коммуникационной линии и боем с полностью перевернутым фронтом. Наградой за победу была императорская корона.

В начале этого столетия получили признание совершенно другие взгляды. Длинный ряд учебных работ, отчеты о корпусных поездках генерального штаба и появившиеся в печати труды совершенно сходятся между собою, не оставляя никакого сомнения относительно господствующей идеи.

Важнейшие принципы вождения армий ищут в сосредоточении сил, в тщательном базировании и в розыске неприятельского фронта. Своего рода успокоение наступает не раньше, чем когда головы колонн повернуты и подвинуты таким образом, что правое крыло приходится как раз против неприятельского левого, а левое крыло как раз против неприятельского правого. Острые передовые умы изощряются над вопросом, каким образом следует вести атаку против опустошительного действия современного оружия. Движущая идея описанного образа действий вытекает из понятного желания не оказаться разбитым. Это желание получит осуществление, если противник придерживается такой же системы. Результатом будут нерешительные бои и долго продолжающиеся войны. Но с миллионными армиями их нельзя выдержать. Культурное состояние народов и напряжение необходимых для содержания таких масс неисчислимых средств требуют быстрого решения, скорого конца.

Поэтому возникает вопрос, сможет ли современная школа сохранить теорию чисто фронтального боя, или же, подобно англичанам[1], окажется вынужденной от нее отказаться. Другой стимул должен занять место господствующего: решение должно определяться не одним лишь желанием не быть разбитым, но и горячим побуждением разбить противника.

30 лет тому назад мы еще могли наступать фронтально против неприятеля: численное превосходство позволяло после встречи с противником совершить захождение охватывающим крылом против его фланга. Ныне мы никак не можем рассчитывать на превосходство в силах; лишь в исключительно благоприятном случае мы можем рассчитывать на равенство, обычно же должны довольствоваться значительно меньшей численностью войск. Не мы, а противник может применять нашу тактику 1870 г. Поэтому необходимость заставляет изыскивать способ побеждать с меньшими силами. Универсального способа для этого не существует—схема не применима. Но одна идея все же представляется оправдывающей себя. Если ты слаб для того, чтобы атаковать целое, то атакуй часть. Здесь может быть много вариаций. Частью неприятельского войска является также его крыло (Flügel), следовательно надо атаковать крыло. Это очень трудно сделать, действуя против роты, батальона, отряда, но тем легче, чем сильнее противник, чем длиннее вытянулась его линия, чем больше ему требуется времени для поддержания атакованного крыла при помощи противоположного. Как следует

[1] В войне с бурами.

атаковать неприятельское крыло? Не одним корпусом или двумя корпусами, но одной или несколькими армиями, причем *марш* этой армии или этих армий не должен быть направлен на крыло, но на линию отступления,— в подражание тому, что нам было показано при Ульме, в зимнюю кампанию 1807 г. и при Седане. Это ведет непосредственно к опрокидыванию неприятельской линии отступления, а в результате — к беспорядку и замешательству, и дает возможность сражения с перевернутым фронтом, сражения на уничтожение, сражения с преградой в тылу противника».

То, что Шлиффен в 1901 г. хотел высказать и осветить в тесном кругу офицеров генерального штаба, он повторил восемь лет спустя публично в своей классической статье «Современная война» и дополнительно подкрепил в «Каннах» ссылками на историю войн. Для практического осуществления своих идей он дал в задаче 1901 г. следующее решение: 4 корпуса подготовляются у самой цепи Мазурских озер, между Арисом и Растенбургом, для наступления восточнее озер, в то время как остальные 5 корпусов, примыкая к северной оконечности озерной цепи, образуют слегка изогнутый дугой фронт от Ангербурга через Гердауен до Велау. Русская Неманская армия наступает широким фронтом: правым флангом через Краупишкен на Инстербург, левым — через Граево на Арис, — в том числе 5 корпусов севернее озер, а 3 корпуса через Филиппово, Маргграбова и Граево на самую озерную цепь. Эти подробности, разумеется, неизвестны германскому командованию. Правда, оно может предполагать, что масса русских боевых сил наступает не против укрепленной линии озер, но продвигается севернее ее. Но русское командование будет достаточно осторожно, чтобы прикрыть себя не только со стороны Кёнигсберга, но также и сохранить примыкание к линии озер до тех пор, пока таковую можно будет прорвать путем одновременных атак с фронта и тыла. Напротив, германское командование должно добиваться решения восточнее озер, с тем чтобы после первого боевого успеха путем захождения к северу ударить во фланг и в тыл той части Неманской армии, которая будет сражаться севернее озер. Ибо и на этом участке (севернее озер) германцам надо атаковать, — однако, с условием не атаковать слишком рано неприятельский фронт и не подставлять свои силы у Ангербурга под охватывающий удар русских.

«Задача высшего командования, — пишет граф Шлиффен в «Каннах», — состоит в том, чтобы соответствующими распоряжениями сократить неизбежную разницу во времени между выходом одних частей на фронт, а других — на фланг или в тыл противника».

Прежде чем начнется германская фронтальная атака на севере, 4 германских корпуса, поддержанные 2 кавалерийскими дивизиями, которые уже находятся восточнее цепи озер, выступают из этой цепи и устремляются на противника на линии Видминнен — Посессерн. 2 русских корпуса, которые подошли от Маргграбова и Филиппова, частью уничтожаются, частью отбрасываются назад. Третий корпус, идущий через Граево на Арис, стал-

кивается значительно южнее, вдали от поля сражения, с войсками, занимающими озерную цепь. С первым успехом восточнее озер решение, собственно, уже достигнуто, потому что 4 германских корпуса одним переходом окажутся севернее озер на фланге противника, теперь уже атакованного также и с фронта, а вторым переходом—в тылу его. Чем упорнее сражаются русские севернее озер, тем крупнее будет общий успех, если только *одна* мысль владеет командованием: правому крылу — направляться глубоко в тыл противника, а всем войскам — принимать вправо с целью оттеснить его на север к Неману. Будет ли эта цель достигнута, зависит, разумеется, от противника. Если он заметит своевременно опасность, то, быть может, сумеет еще ее избежать. Чем дальше он продвинется севернее озер на запад, тем легче будет германцам оттеснить его к северу. Выбор правильного момента для начала германской атаки с озерной цепи должен быть подсказан внутренним голосом истинного полководца. Нетерпение и излишняя предприимчивость так же поведут к крушению плана, как и боязливое выжидание и мешкание. Чтобы «претворить его в действительность, для этого необходимы дерзновение и сила воли, которых нельзя безусловно ожидать от каждого полководца», справедливо замечает Рейхсархив.

Выпускная задача 1907 г.

Схема 13в

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению действительного хода операций 8-й армии под начальством генерала фон-Приттвица в 1914 г., небезынтересно предоставить еще слово генерал-полковнику фон-Мольтке. И он испытал себя на том, как могла бы сложиться операция по внутренним линиям в Восточной Пруссии. Он взял в выпускной задаче 1907 г. случай, в котором русские, численностью от 3 до 4 корпусов, продвигались от Немана севернее озерной цепи, в то время как 6—7 корпусов шли от Нарева и своим правым крылом брали направление на Иоганнисбург, а левым — на Нейденбург. На линию озер Мауер — Шпирдинг русские не наступали, рассчитывая на соединения обеих армий примерно в направлении на среднее течение Алле. Противодействуя этому, генерал фон-Мольтке выставляет более значительные силы германцев, чем те, которыми располагали в 1914 г.: 7½ корпусов и 2 кавалерийских дивизии (не считая гарнизонов военного времени и ландверных бригад). Группировка этих боевых сил предположена таким образом, что 2½ корпуса и 1 кавалерийская дивизия между озером Мауер и Прегелем, а 1 корпус и 1 кавалерийская дивизия между Сольдау и озером Шпирдинг образуют как бы фланги озерной цепи. Сзади сосредоточиваются 3 корпуса на линии Остероде—Алленштейн—Бишофсбург, между тем как четвертый еще находится в пути к Прейсиш-Эйлау. Генерал фон-Мольтке хочет атаковать в охват левое крыло Наревской армии, которое он предполагает в местности восточнее Нейденбурга, и подтягивает для этого, кроме главных резервов Торна и Грауденца, еще 1 корпус по железной

дороге от Прейсиш-Эйлау к Дейч-Эйлау и I корпус от Ангербурга через Растенбург к Зенсбургу. Против 6—7 корпусов русской Наревской армии Мольтке, таким образом, собирает около 6 корпусов; против Неманской армии, силою от 3 до 4 корпусов, он оставляет, кроме кавалерии и ландвера, 1½ корпуса. Решение имеет, независимо от соотношения сил, некоторое сходство с обстановкой, которая в 1914 г. привела к бою при Танненберге. В выпускной задаче 1898 г. Шлиффен слышать не хотел о решении, в котором сначала атаковалась не Неманская, но Наревская армия. Да и действительно является большим вопросом, не было ли бы выгоднее в мольтковской задаче 1907 г. сначала покончить с более слабой Неманской армией и лишь после этого обратиться всеми силами против Наревской армии. Против Неманской армии можно было собрать значительно превосходящие силы—частью походным порядком, частью при помощи железной дороги. Генерал фон-Мольтке отказался от этого:

«Чтобы достигнуть большего успеха, нужно ее (Неманскую армию) отбросить к озерам, следовательно, поразить ее северное крыло с большим превосходством в силах. Между тем представляется уже невозможным выполнить необходимые для этого и требующие много времени переброски войск».

На идее атаковать Неманскую армию с охватом ее обоих флангов, как в шлиффеновской задаче 1898 г., Мольтке совсем не хочет останавливаться из опасения, что русская Наревская армия опрокинет слабые силы германцев на юге и еще во время боев с Неманской армией продвинется к северу. Кроме того, он считает возможным, что Неманская армия не примет атаки германцев, но уклонится на восток.

«Но даже если она примет бой, нельзя надеяться на быстрый успех. Современное сражение, будучи прежде всего фронтальным сражением, будет иметь характер длительной, тяжелой и кровопролитной борьбы. Мощность фронта с усовершенствованием огнестрельного оружия сильно возросла, и опыт современных войн свидетельствует о том, что победа почти всегда одерживается только путем охвата. Но таковой в данном случае весьма затруднен на севере Прегелем, а на юге — линией озер».

Если даже совершенно согласиться со взглядами Мольтке относительно мощности фронта, то все же надо сказать, что согласно принятой обстановке ничто не препятствовало наступать 1 корпусом и главным резервом Кёнигсберга севернее Прегеля, а 2 корпусами — между озерами через Летцен на Гольдап, между тем как с фронтальной атакой следовало повременить; тогда было бы выиграно необходимое для охвата время. Обстановка сама по себе была как будто создана для двойного охвата Неманской армии, если только исключить опасения за тыл. Условия для вторичного сражения против Наревской армии в результате широкого преследования также не ухудшились бы, но стали бы лучше.

«То обстоятельство, что неприятель (с юга) подошел ближе и что вступил в действие Кёнигсберг, конечно, не было для германцев невыгодным. Теперь можно было ввести в дело *все* силы».

Двойной охват Неманской армии при данной обстановке едва ли был рискованным делом. Но генерал фон-Мольтке полагал, что

«наступление против Наревской армии было более надежным».

Выпускная задача 1899 г.

Схема 13г

Выпускная задача графа Шлиффена 1899 г. имеет своим предметом тоже атаку на Наревскую армию, но при существенно других предпосылках. В то время как усиленный I армейский корпус, отходя перед Неманской армией, достиг Прейсиш-Голлянда и Морунгена, германская армия, состоящая из 4 корпусов и 2 кавалерийских дивизий, уклонилась от вдвое превосходящей русской Наревской армии на укрепленную и занятую шестью резервными дивизиями линию по Висле между Торном и Мариенбургом. Германский командующий армией стоит перед решением, не следует ли ему оставить на произвол судьбы I армейский корпус и уйти за Вислу. Граф Шлиффен пользуется представляющимся случаем для атаки против продвинувшейся примерно до линии Дейч-Эйлау — Страсбург — Липно русской Наревской армии, прежде чем может приблизиться наступающая примерно с линии Цинтен — Зеебург, Неманская армия, находящаяся в 3—4 переходах.

«Атаку на Наревскую армию проще всего представляется осуществить таким образом, чтобы германцы прямо устремились на противника стоящими у Вислы силами. Чтобы насколько возможно обеспечить успех, необходимо сосредоточить имеющиеся в распоряжении силы против *одного* неприятельского фланга. Во многих отношениях было бы выгодно, если бы такое сосредоточение могло иметь место против левого фланга противника, но это невыполнимо при данной группировке частей германской армии. Напротив, все готово для атаки правого неприятельского фланга».

Правый фланг Наревской армии, если он достаточно продвинется к Висле через Дейч-Эйлау, может быть атакован с большим превосходством в силах.

«Но осуществится ли это условие, весьма сомнительно. Бесспорно, не лишено вероятности, что русские перед атакой на укрепленную линию Вислы сперва постараются соединить свои силы и выжидать подхода другой армии и подтягивания тяжелой артиллерии. Если их правый фланг останется на месте, т. е. они этим флангом не продвинутся значительно вперед через Дейч-Эйлау, то задуманная с германской стороны операция рушится. Охватывающая атака превращается в атаку фронтальную. Исход боя для германцев будет тем сомнительнее, что их тесно сосредоточенные на левом фланге корпуса не придется полностью использовать, а русский левый фланг может получить тем большее значение. Но если даже (предположив наилучший случай) германцы одержат победу, то все же русские будут только отброшены назад в прямом направлении и на те же пути, которыми они воспользовались для наступления. В своем отступлении они скоро получат выручку. На левом фланге преследующих германцев появится рус-

ская Неманская армия. Поэтому и для такого не лишенного вероятности случая, когда противник не продвинется правым флангом через Дейч-Эйлау, должна быть создана возможность охвата. Этот охват надо предпринимать большими силами. Необходимо учитывать разобщение сил, создаваемое Гезерихским озером, надо притянуть для развязки на юге также и отошедшие перед Неманской армией к Прейсиш-Голлянду и Морунгену войсковые части (4 дивизии)».

Мы видим, таким образом, как граф Шлиффен решается на крайние меры, чтобы *во всяком случае* обеспечить победу. Он поручает оборону тыла против Неманской армии 2 кавалерийским дивизиям. В этом заключается смелость оперативного мышления и дерзновения. Во всех задачах, которые ставил граф Шлиффен,— а число их можно было бы еще увеличить заданием на полевых поездках генерального штаба и военных играх, — мы восхищаемся последовательностью, с которой он всесторонне рассматривает задуманные операции и стремится создать возможно сильное превосходство в решительном пункте, в противоположность генералу фон-Мольтке, который — если даже он и имеет ту же самую оперативную цель — боится сделать конечные выводы и собрать откуда только возможно все силы. Поэтому стратегия Мольтке оказывается неуверенной, колеблющейся и двойственной.

Указания для развертывания 8-й армии в 1914 г.

Указания для развертывания, данные в 1914 г. командованию 8-й армии, не являются шедевром. Высшее командование уклоняется от ответственности, предоставляя «собственному усмотрению» командующего армией решение «трудной задачи». Оно делает эту задачу еще более трудной тем, что дает армии «широкое развертывание», при котором командующий ничего не может предпринять.

Высшее командование допускает, что «для использования армии ее следует сосредоточить теснее». Почему же оно само не предписало более тесного сосредоточения, как это требовалось для решения задачи. То, что далее говорится высшим командованием об обстановке, дает немного и не идет дальше общих мест. Слова — «в какой мере можно будет осуществить наступление, должна показать общая обстановка»—означают меньше, чем игральная кость, данная командующему армией. И в заключение следует роковой совет: «В крайнем случае Пруссия восточнее Вислы должна быть оставлена».

В шлиффеновском духе приказание о развертывании примерно гласило бы так:

«Операция по внутренним линиям требует разума, отваги и дерзновения. Русские при их наступлении будут разобщены Мазурскими озерами. Это обстоятельство мы используем, чтобы разбить одну русскую армию, прежде чем сможет подойти другая. При ограниченном числе войск, которыми должно обойтись командование армией, будет легче создать превосходство против внутреннего фланга противника, чем против внешнего. Ма-

зурские озера дают хорошее прикрытие для сосредоточения армии. Там может она занять выжидательное положение, чтобы атаковать тот фланг противника, который раньше подставится».

Мольтке также взывает к командующему 8-й армией:

«Наступление! Наступление! Наступление!»

Но перед этим в качестве напутствия было дано предостережение: «нельзя рисковать существованием армии».

Что сказал бы командующему на прощанье граф Шлиффен?

«Вы имеете перед собой чудесную задачу. Думайте при этом не о вашем тыле, но только о победе. Если вы будете таким способом действовать, и, несмотря на это, военное счастье не будет к вам благосклонно, я приму ответственность на себя».

IX
СТАЛЮПЕНЕН И ГУМБИНЕН

Схемы 14 и 15

Своеволие командира I армейского корпуса

Схема 14

Генерал фон-Франсуа, с 1913 г. командир I армейского корпуса, полагал, что ему следует задать новый тон всей обороне Восточной Пруссии.

Считая себя призванным защитником Восточной Пруссии от русских вторжений, он

«при этом задался высокой целью отразить русских уже у границы, несмотря на большое протяжение ее. Для этого он хотел напасть на противника там, где он появится, по возможности отыскать его на его собственной территории» (Рейхсархив).

Для такой концепции он нашел также поддержку в указаниях для стратегического развертывания, которые, в соответствии с его приподнятым настроением, прямо рекомендовали «короткие наступательные удары» через границу. Таких советов мы нигде не найдем в сочинениях графа Шлиффена. Его занимали не временные успехи и не защита границы. Он стремился посредством *операции* уничтожить вторгнувшегося в Восточную Пруссию противника. Этой цели должно было подчиниться все остальное. Командир корпуса, напротив, горел желанием показать как можно скорее и как можно дальше впереди свою предприимчивость и храбрость своих войск. Он не ожидал от штаба 8-й армии большой отваги и рассчитывал, что сможет своим решением увлечь за собой осторожный штаб армии. Конечно, законным правом командира корпуса было проводить в жизнь воззрения, отвечающие его характеру и его убеждениям. Но, с другой стороны, в обязанности штаба армии входило позаботиться о том, чтобы своеволие подчиненного не поставило крест на оперативном плане. Правда, командующий армией 10 августа «безусловно» запретил впредь до дальнейших распоряжений наступать за линию Гумбинен — Гольдап, но он упустил посвятить подчиненных в свои намерения. Вследствие этого запрещение не произвело на генерала Франсуа особенного впечатления. Он

«начал выдвигать *весь свой корпус для защиты границы на линию Гольдап — Сталюпенен.* Только один пехотный полк и артиллерию он задержал в качестве главных сил. Об этом выдвижении корпуса не было сделано донесения в штаб армии, так что в полном своем объеме оно стало ему известно лишь 17 августа» (Рейхсархив).

Не говоря уже о проявленной, таким образом, командиром корпуса недисциплинированности, это мероприятие не оказалось удачным. В одиночку корпус не мог равняться с Неманской армией. Даже после боевого успеха его немедленно надо было бы опять подать назад, или же командующий армией должен был бы ввести в дело все остальные свои силы для спасения одного корпуса. Это легко могло совершенно сорвать план командующего армией. Совершенно иначе обстояло бы дело, если бы командующий армией и командир корпуса имели единый замысел — заблаговременно разбить Неманскую армию сейчас же при переходе ею границы. Но и тогда I корпусу нельзя было действовать самовольно, а напротив — предпринять атаку сообща и насколько возможно крупными силами. Выполнение необходимых железнодорожных перевозок не представляло затруднений; происходившие перевозки по сосредоточению можно было направить иначе. Такие случаи были уже в мирное время проработаны Управлением военных перевозок. В то время как 1-я кавалерийская дивизия и I армейский корпус образовывали завесу близ границы между Роминтенской пущей и Неманом, позади нее до 12 августа могли быть сосредоточены:

XVII армейский корпус с главным резервом Кёнигсберга — у Гумбинена,

XX армейский корпус — у Вальтеркемена,

I резервный корпус — севернее Гольдапа,

3-я резервная дивизия — у Гольдапа, для прикрытия правого фланга.

Если бы 16-го было начато движение между Роминтенской пущей и дорогой Гумбинен — Сталюпенен, то 17-го или 18-го дело дошло бы до столкновения с русскими на линии Виштынец—Сталюпенен, т. е. бой I армейского корпуса у Сталюпенена развернулся бы в сражение всей армии, причем предполагалось, что русские были бы разбиты южнее Сталюпенена, в то время как дальше к северу левый фланг германцев был достаточно силен, чтобы парировать охват, угрожающий с правого фланга русских. Возможно, что это повело бы к перевертыванию фронта вокруг Сталюпенена, как точки вращения; германцы все более и более повертывали бы фронт к северу и путем энергичного преследования победоносным правым флангом имели бы шансы отбросить русских к Неману. Угроза правому германскому флангу с юга уже по одной причине большого расстояния не могла бы так скоро сказаться, чтобы сделать сомнительным успех на севере. Но предпосылкой для удачи было своевременно принятое решение и твердое руководство со стороны штаба армии. Атаку следовало предпринимать наудачу (auf gut Glück), ожидание из-

вестий относительно образа действий русских повлекло бы за собой запоздание. Кое-кто может проявить склонность охарактеризовать такое вторжение в осиное гнездо наступления противника, как явное легкомыслие. Но, разумеется, оно было бы таковым не более, чем самовольное наступление I корпуса, которое должно было повести к отступлению. Если бы вместо одного корпуса была введена в дело *вся* армия, тогда можно было бы рискованное предприятие развить в крупный успех.

План командующего 8-й армией

Схема 14

Командиру I армейского корпуса повезло в его своеволии, так как у штаба армии вначале не существовало еще твердого плана, а 14 августа был отдан приказ о перевозке XVII армейского корпуса с Южного фронта Восточной Пруссии, где он первоначально был сосредоточен у Дейч-Эйлау, в район у Инстербурга, чем было указано общее направление операции против Неманской армии. Тем самым I армейский корпус приобрел на всякий случай необходимую поддержку. 17 августа, когда русские начали наступление по всему фронту от Сувалок до Шилленена и дело дошло до боя у Сталюпенена с I армейским корпусом, прочие войска находились: I резервный корпус — у Ангербурга, XVII армейский корпус — на железной дороге, 3-я резервная дивизия — у Летцена, главный резерв Кёнигсберга — у Инстербурга, XX армейский корпус — у Ортельсбурга (не считая ландверных и второочередных частей из крепостей между Торном и Нейденбургом, на линии озер и у Тильзита).

Наступление русских со стороны Нарева еще не давало себя чувствовать. С 14 августа штаб армии принял решение покончить сначала с Неманской армией. Для этого 3-я резервная дивизия совместно с одной ландверной бригадой должна была держаться на линии озер против ожидаемой там фронтальной атаки русских, в то время как главные силы сосредоточиваются к северу от этой линии для охватывающего наступления против русского правого фланга: I резервный корпус — у Ангербурга, XVII армейский корпус — у Даркемена, куда частично передаются железнодорожные эшелоны через Инстербург, I армейский корпус у Гумбинена и Инстербурга, уступом влево, главный резерв крепости Кёнигсберга — у Инстербурга. 18 августа подготовка к наступлению могла быть закончена.

«Хотя еще была возможность передвинуться из этого исходного расположения в соответствии с потребностью, но все же оно было скроено в первую очередь в расчете на ожидаемое наступление русских войск южнее Роминтенской пущи. Менее целесообразным оно представлялось в том случае, если бы русский северный фланг все же распространился далее на север или если бы он удлинился благодаря вновь прибывшим подкреплениям» (Рейхсархив).

17 августа штаб 8-й армии узнает, что северный фланг русских, силы которых оценивались в 4—5 корпусов, доходит до Вирбаллена (Вержболова), 18-го — что он простирается за Ширвинд. Поскольку, кроме того, русские перешли границу лишь 17-го, — вместо 14-го, как это предполагалось с германской стороны,— постольку обстановка изменилась во времени и в пространстве.

«Стало сомнительным, может ли еще удаться охват северного крыла русских и хватит ли времени осуществить решение против Неманской армии, прежде чем наступление Наревской армии сделает это невозможным. В какой мере это изменение обстановки проникло тогда в сознание штаба армии, нельзя установить с точностью. Насколько до сих пор известно, оно сперва не оказало влияния на его решения» (Рейхсархив).

Исследование: охват русского северного фланга

Схема 14

Что еще могло быть предпринято со стороны командующего армией после боя у Сталюпенена 17-го вечером, несмотря на изменившуюся обстановку? Идея была ясна — сосредоточить главную массу армии на *одном* фланге. Но могли ли при этом еще в дальнейшем оказаться полезными для армии своевольные действия I армейского корпуса после того как было выиграно время для передвижения сил и замаскировано самое передвижение? Куда именно следовало стягивать войска? На север или на юг, на левый или на правый фланг? Штаб армии до сих пор при всех своих соображениях имел установку на охват северного фланга русских; от него нельзя было ожидать внезапного перехода к охвату русского южного фланга; к тому же расстояние было слишком велико, чтобы имелась возможность осуществить своевременно сосредоточение сил восточнее Летцена и у Ангербурга. Поэтому лучше всего было бы, если бы штаб армии оставался при своем первоначальном намерении произвести охват русского северного крыла и заботился лишь о том, чтобы для этого не было недостатка в силах. Группировка армии 17 августа вечером не отвечала охвату на севере; если даже подтянуть XVII корпус и I резервный корпус ближе к I корпусу, на линию Даркемен — Гумбинен, то и в этом случае нельзя было рассчитывать иметь превосходство над русскими в каком-либо пункте. Но, правда, представлялся выход: можно было *всеми* имевшимися в распоряжении войсковыми соединениями повернуть налево и двинуть на север, чтобы сосредоточить *крупные силы* для атаки *севернее* дороги Инстербург — Гумбинен.

Правый фланг германцев, разумеется, должен был отказаться от атаки и окопаться позади Ангераппа. Там можно было выждать русское наступление. Походные движения следовало выполнять ночью и организовать таким образом, чтобы уже 18-го — на случай, если неприятель атакует раньше, чем ожидалось,— и 19-го быть наготове повернуть на восток. Последние боевые части XVII корпуса, несшие до этого охрану границы, прибывали

18-го вечером. С германской стороны следовало повести атаку севернее Гумбинена по возможности не ранее 20-го, быть может лишь 21-го, смотря по продвижению русских. I корпус должен был временно оказать сопротивление и отойти на Гумбинен.

19-го вечером могли быть наготове: 3-я резервная дивизия — у Даркемена, I резервный корпус одной дивизией — у Неммерсдорфа, другой — северо-западнее Гумбинена, главный резерв Кёнигсберга—между Неммерсдорфом и Гумбиненом, XVII армейский корпус — у Мальвишкена и Краупишкена. Выгрузка этого корпуса могла быть произведена восточнее и севернее Инстербурга ближе к району сосредоточения. Для атаки севернее Гумбинена, таким образом, были бы в распоряжении: весь XVII корпус, одна дивизия I резервного корпуса и части I корпуса, которые своевременно надо было снять с фронта в районе севернее Гумбинена; кроме того — 1-я кавалерийская дивизия. Фронт Даркемен — Гумбинен держали бы две дивизии (одна дивизия I резервного корпуса и 3-я резервная дивизия); сверх того — главный резерв Кёнигсберга и части I корпуса. Слабым местом был правый фланг у Даркемена, который мог быть охвачен русскими, как скоро они заметили бы, что Ангерапп между Даркеменом и Мауерским озером не занят. Следовало изобразить это занятие. Кроме того, можно было если не весь XX корпус, то все же одну дивизию такового подтянуть с южного фронта Восточной Пруссии к Ангераппу, куда первые эшелоны прибыли 19-го. Таким образом, штаб армии сделал бы все, чтобы насколько возможно обеспечить выполнение своей цели. Если бы русские, от которых следовало ожидать, что они продолжат наступление на линию Мальвишкен— Гумбинен — Ангерапп, замешкались со своей атакой, то армейскому командованию не оставалось бы ничего другого, как самое позднее 21-го атаковать самому, и именно по *всему фронту*. Только правому флангу нужно было несколько задержаться и быть осторожным в том отношении, чтобы не попасть под неприятельский охват. Не говоря уже о том, что русские могли помешать задуманной переброске, весь этот план с внешней стороны был не совсем хорош, так как предполагал разделение сил на наступательную и оборонительную половины и допускал раздробление корпусных соединений. Ясные командные отношения являются также фактором успеха. Поэтому было бы лучше, если бы можно было ввести в дело три действующих корпуса севернее, а резервные войска — южнее Гумбинена. Но для этого недоставало ни времени, ни железных дорог; такое развертывание сил следовало произвести раньше. Опасность, что фронт разорвется в центре, можно было предотвратить посредством резервов в угрожаемом месте. Теперь мы знаем, что план мог удаться.

Решение в духе принципов Шлиффена

Рейхсархив разъяснил, каким путем штаб армии пришел к выводу, что русская Неманская армия своими главными силами будет наступать южнее Роминтенской пущи против линии озер.

Остается удивляться, почему уже на основании начертания русских железных дорог не было сделано верное заключение, что во всяком случае крупные силы русских будут наступать от Вержболова, а также почему предполагалось, что русские намеревались фронтально форсировать линию озер. По всем военным соображениям это было мало вероятно. Допущение, что у русских была идея таким способом приблизиться к Наревской армии и действовать непосредственно совместно с ней, едва ли могло иметь вес, так как в этом случае русская операция с самого начала имела бы другой вид. Тогда, вероятно, наступление более сильной Наревской армии предшествовало бы наступлению Неманской армии, и последняя, двигаясь уступами справа позади для обеспечения фланга и тыла Наревской армии, имела бы все основания удерживать свой правый фланг у Лыка или Маргграбова, по крайней мере, до тех пор, пока Наревская армия не перешла бы германской границы. В действительности русское наступление произошло как раз так, как это отвечало решению в духе графа Шлиффена. В соответствии с этим решением следовало бы XVII корпус 14 августа перевести в район не Инстербурга, а Растенбурга и XX корпус подтянуть к Рейну походным порядком. Тогда 3½ корпуса занимали бы выгодное исходное положение для атаки левого фланга Неманской армии восточнее озер; между тем I армейскому корпусу во всяком случае надо было разъяснить, что ему надлежит не вытанцовывать особого тура, но принять участие в общей операции, уклоняясь на широком фронте перед русским наступлением за Ангерапп. Поскольку русский фланг южнее Роминтенской пущи был слаб, германскую атаку с линии Летцен—Ангербург можно было бы вести с более чем двойным превосходством, и операция с большой вероятностью привела бы к оттеснению всей русской армии на север к Неману. Военное счастье улыбалось германцам, но штаб армии не сумел этим воспользоваться.

Ход операций, начиная с 17 августа 1914 г.

Схема 14

Теперь мы посмотрим, как развертывались события, начиная с 17 августа.

Мы застаем штаб армии в сомнении, когда следует атаковать. Ввиду того что русские после сражения у Сталюпенена не наседали, I корпусу удалось вновь образовать фронт восточнее Гумбинена и расположить 2-ю пехотную дивизию в качестве резерва позади угрожаемого левого фланга. 18-го штаб армии рассчитывал дать русским продвинуться к Ангераппу, но они не подошли, продолжая лишь нерешительно развивать движение, особенно под Сталюпененом. И 19-го со стороны русских атаки не последовало. Между тем русская Наревская армия закончила развертывание и начала продвигаться к германской границе. Поэтому для германцев настало время перейти в наступление у Гумбинена. Штаб 8-й армии определял под Гумбиненом сильную

неприятельскую группу, которая, казалось, была отделена от наступавших далее к югу неприятельских колонн. Оставаться в прежнем растянутом расположении было невозможно, так как выдвинутому вперед I корпусу угрожал двойной охват. Надо было либо подать назад I корпус, либо армия должна была атаковать. В такое вынужденное положение штаб армии попал потому, что он своевременно не составил твердого плана действий.

19-го днем генерал фон-Приттвиц принял решение атаковать 20-го. Наступление XVII корпуса через Вальтеркемен представлялось особенно действительным против охвата, угрожавшего I корпусу с юга. На долю I резервного корпуса и 3-й резервной дивизии сама собой выпала защита правого фланга посредством продвижения уступами в северо-восточном направлении 3-й резервной дивизии на Гольдап, I резервному корпусу на Гавайтен, северо-западнее Гольдапа. Решить дело должен был XVII корпус. Атака этого корпуса потерпела неудачу, так как войска еще до атаки были крайне утомлены предшествующими маршами. Также и занятие корпусом исходного положения для наступления было выполнено явно без необходимого спокойствия и уверенности. К тому же самая крайняя левая колонна по требованию I корпуса вскоре была двинута к северу, в то время как остальные колонны столкнулись с неприятельскими войсками равной силы. Повидимому, царила наступательная горячка: наступать, чтобы насколько возможно скорее облегчить положение I корпусу. Оглядываясь назад, можно теперь сказать, что штаб армии затянул сосредоточение армии на один лишний день; далее — что решительную атаку через Вальтеркемен следовало предпринять крупными силами, своевременно придвинув одну дивизию I резервного корпуса ближе к XVII; и, в-третьих,— что самую атаку необходимо было лучше подготовить. Со стороны Гольдапа, по общей группировке русских сил, нельзя было ожидать многого.

При движении к северу находившихся там русских войск с целью принять участие в сражении южнее Гумбинена, можно было ударить им в тыл, если бы только другие дивизии I резервного корпуса и 3-я резервная дивизия были не слишком далеко. Главнейшая опасность для германцев заключалась в слишком большой растянутости сил. Эта опасность не сделалась чрезвычайной только потому, что русские энергичным преследованием не довели отходивший XVII корпус до полного разгрома. Таким образом, он мог снова устроиться за р. Роминтой. Северо-западнее Гольдапа I резервному корпусу, который был внезапно атакован со стороны Гольдапа на марше к северо-востоку, к полю сражения XVII корпуса, — удалось отбросить русских. 3-я резервная дивизия находилась еще слишком далеко, чтобы иметь возможность участвовать в этом бою. В I корпусе 2-я пехотная дивизия посредством глубокого охвата ударила в правый фланг русских севернее Мальвишкена в самом уязвимом направлении и отбросила его назад. Левый фланг 1-й пехотной дивизии, которая первоначально была обращена фронтом к северу, путем захождения левым плечом присоединился к атаке 2-й дивизии, но

потерпел неудачу. На фронте восточнее Гумбинена другие части 1-й пехотной дивизии и главный резерв Кёнигсберга держались стойко, — однако, попытка их атаковать также и на дороге Гумбинен — Сталюпенен не удалась. В общем, в I корпусе до полудня бой сложился благоприятно, но постепенно сила атаки ослабела и у 2-й пехотной дивизии. Поэтому командир корпуса отказался от дальнейшего продолжения атаки и в 4 часа пополудни назначил своему корпусу привал на поле боя (Gefechtsrast) 1-я кавалерийская дивизия продвинулась глубоко в тыл противника до Пилькаллена. Превосходившая ее в силах русская конница после своей неудачи 19-го против 1-й кавалерийской дивизии 20-го держалась в стороне от поля сражения и находилась в районе юго-западнее Раутенберга (на дороге Тильзит—Пилькаллен). Об этом, как и вообще о месте нахождения 1-й кавалерийской дивизии, штаб армии не был еще осведомлен, когда перед ним стало решение, продолжать ли атаку 21-го. Перспективы для этого не были неблагоприятны как на северном фланге в I корпусе, так и на южном фланге в I резервном корпусе и 3-й резервной дивизии. Правда, XVII корпус понес очень большие потери; однако, едва ли подлежит сомнению, что концентрическим наступлением обоих германских флангов русские были бы поставлены в тяжелое положение. Но командующий 8-й армией смотрел на вещи другими глазами.

Известия с южного фронта Восточной Пруссии звучали угрожающе. Продвижение русской Наревской армии — 5 корпусов и 1 кавалерийской дивизии—было в полном разгаре и простиралось левым флангом по направлению к Висле гораздо дальше, чем ожидали. XX корпус и крепостные части были слишком слабы, чтобы остановить Наревскую армию, хотя штаб XX корпуса не рассчитывал на поддержку и выражал надежду: «здесь мы уже удержимся»; главное — одержать победу под Гумбиненом. Командующий армией и его начальник штаба сомневались в этой победе, тогда как генерал-квартирмейстер и первый штаб-офицер генерального штаба, а также и командир I корпуса настаивали на продолжении атаки. В этот психологический момент предостережение генерала фон-Мольтке — не рисковать существованием армии — парализовало решимость командующего армией и его начальника штаба.

«Возможность базирования армии на Вислу была поставлена под сомнение. Можно было оказаться оттесненным к Кёнигсбергу».

Таким образом, казалось, наступил крайний срок отказаться от боя под Гумбиненом и начать отход. Подтверждение своей точки зрения командующий армией находил и в известиях, которые давали простор догадкам о том, что еще один корпус прибыл на подкрепление Наревской армии. Мысль, что начавшиеся расчеты с Наревской армией следует довести до последнего сальдо, чтобы получить полную свободу действий всеми боевыми силами против Наревской армии, не могла быть достаточно убедительной для командующего армией и его начальника штаба,

так как, с одной стороны, они не верили больше в победу, с другой — были во власти беспокойства, боясь оказаться окруженными в Восточной Пруссии. Поэтому взор командующего армией устремлялся даже за Вислу. Надо было отвести армию назад походным порядком и по железной дороге, избегая столкновения с неприятелем. Цель и намерения были неясны, так как на этот счет взгляды в штабе армии расходились. В приказах в качестве цели отступления указывалась «Западная Пруссия»; это было широкое понятие, оставлявшее простор для понимания.

Исследование: операция против Наревской армии после полной победы под Гумбиненом

Схема 15

Мы рассмотрим обстановку в том случае, если бы 8-я армия продолжала 21-го атаку и одержала полную победу, — причем русская Неманская армия частью оказалась бы плененной, частью разгромленной. Предположим, что армия после преследования, 22-го вечером стоит под Вержболовым, сосредоточенная на тесном пространстве, в то время как 1-я кавалерийская дивизия двигается на плечах неприятеля. Остатки Неманской армии укроются под защиту крепости Ковно и будут там ожидать подкреплений. II русский корпус, который прошел через Лык и не попал в разгром, продвинулся до Летцена и восточнее Ангербурга. Наревская армия 21-го перешла германскую границу на широком фронте, между Фридрихсгофом и Млавой. Перед ней отходит XX германский корпус: 41-й пехотной дивизией — на Остероде, 37-й — на Алленштейн; крепостные части отходят назад за Древенц, I и XVII армейские корпуса, I резервный корпус и 3-я резервная дивизия собираются теперь обратиться против Наревской армии, — однако, сначала, после напряжения последних дней, они нуждаются в отдыхе. Нечего и думать немедленно вновь требовать от войск больших переходов. Если Наревская армия будет продолжать наступление в Восточную Пруссию, то спешить нечего, так как оперативная обстановка будет становиться для германцев тем благоприятнее, чем дальше Наревская армия продвинется западнее озерной цепи к северу. Что она возьмет направление примерно на Нижнюю Вислу — представляется совершенно невероятным. Скорее следует считаться с тем, что она, под впечатлением поражения Неманской армии, остановится и будет ждать подкреплений. Если она это сделает, то будет выбирать выгодную для обороны местность, а также искать опоры для флангов. Для правого фланга имеется Шпирдингское озеро с группирующимися вокруг него меньшими озерами; левый фланг найдет многократно возможность опереться в озерном районе по обеим сторонам Оберлендского канала. При этом во всяком случае остается угроза флангу и тылу со стороны Вислы. Поэтому необходимо уступное расположение крупных сил влево. Поскольку фронт от Шпирдингского озера до Дейч-Эйлау простирается на 140 *км*, можно с вероятностью допу-

стить, что масса Наревской армии будет сосредоточена либо больше в восточной части,— примерно в местности Ортельсбург — Гогенштейн, — либо в западной — между Гогенштейном и Дейч-Эйлау. Если русские будут считать себя достаточно сильными для продолжения наступления, то они могут держаться ближе к Мазурским озерам и наступать примерно на линию Растенбург—Гейльсберг или взять более западное направление, левым флангом, быть может, на Вормдит.

Наступление на левый фланг Наревской армии

8-я германская армия после победы над Неманской армией должна отыскать Наревскую армию, чтобы также разбить ее. Если с германской стороны допустить, что Наревская армия остановится где-то на линии Шпирдингское озеро — Дейч-Эйлау, то не трудно притти к мысли перевезти массу 8-й армии по железной дороге через Мариенбург и частью по левому берегу Вислы через Грауденц на линию Бризен—Ризенбург, для атаки через Страсбург—Дейч-Эйлау.

Через Страсбург—Дейч-Эйлау

Схема 15а

Таким путем нанести русским уничтожающее поражение едва ли будет возможно. Русские подадут назад свой левый фланг на Гильгенбург и Лаутенбург, и нельзя будет воспрепятствовать их отходу на восток. В остальном этот план отвечает цели, которую намечали в штабе 8-й армии после прекращения боя под Гумбиненом, не уясняя себе способов выполнения. Раз представляется сомнительным, возможно ли таким способом произвести охват левого фланга Наревской армии в случае ее остановки, то уж, конечно, нельзя на это рассчитывать, если атака производится через линию Бишофсвердер—Дейч-Эйлау—Остероде.

Через Бишофсвердер—Дейч-Эйлау—Остероде

Схема 15б

В этом случае нужно еще учесть в качестве затрудняющего обстоятельства, что озерная и лесная местность по обеим сторонам Оберлендского канала не благоприятствует общей атаке. Если Наревская армия будет продолжать движение к северу, левым флангом восточнее Оберлендского канала, то, конечно, германское наступление западнее канала с захождением к востоку может достигнуть большого успеха в случае, если удастся повернуть фронт таким образом, что русским придется сражаться тылом в указанной линии Мазурских озер. Допустят ли они это или своевременно отойдут к югу — неизвестно. Чем дальше русские продвинутся к северу, тем труднее для них будет изменить решение, когда они заметят угрозу флангу или

тылу. Поэтому не в интересах германцев будет вступить в сражение с Наревской армией близ южной границы Восточной Пруссии. Нельзя отказаться от оперативных преимуществ, которые представляет театр военных действий со своей гирляндой озер от Вислы до Прегеля.

Оставление южной границы Восточной Пруссии

После того как Неманская армия снята с поля действий, не существует больше и опасности, что германцы могут быть атакованы с двух сторон. Таким образом, для германцев представляется лишь желательным, чтобы Наревская армия прошла с юга через цепь озер и вступила в местность исторических сражений между Алленштейном и Кёнигсбергом. Германцы сделают хорошо, если не затруднят неприятелю этого вступления, а наоборот — облегчат, оставив озерный и лесной район западнее Мазурских озер. В небольшом масштабе здесь возникает идея, аналогичная оставлению Эльзас-Лотарингии на западе. Некоторые будут того мнения, что при проведении операции очень трудно, если не вовсе безнадежно, «соблазнять» противника на определенные действия, — как, например, в данном случае на то, чтобы он продолжал марш к северу. Но поскольку, как показывает опыт, на войне часто делаются ошибки и в особенности по причинам психологическим, постольку в своих соображениях и решениях все же никогда не следует отказываться от того, чтобы расчистить противнику пути в таких направлениях, которые дают нам оперативные выгоды. Разумеется, мы должны остерегаться рассчитывать с уверенностью на успех такой хитрости и вследствие этого рассматривать с предвзятой точки зрения известия относительно движений противника. Как бы болезненно ни воспринимало население мероприятия, по которым оно замечает, что обширные области оставляются на произвол неприятельскому вторжению, либо вовсе без боя или с демонстративными боями, — но с точки зрения стратегии было бы совершенно ошибочным из сентиментальных соображений оказывать сопротивление тогда, когда оставление территории таит в себе возможность решительного успеха в другом месте.

Если мы в наших дальнейших рассуждениях исходим из предположения, что находящийся на южной границе Восточной Пруссии XX корпус отходит перед Наревской армией, — в каком направлении, это мы увидим дальше, — то мы все же не должны ожидать, что Наревская армия стремительно бросится вслед за ним, — будь то восточнее Алле, или по обоим берегам этой реки. Русские будут держаться очень осторожно и следовать лишь нерешительно, хотя за это их и нельзя было бы назвать робкими, так как определенно известно, что из-за укрепленной линии озер и укрепленной линии Вислы их каждую минуту могут встретить неожиданности. Для наступления они должны приобрести известную уверенность. Поэтому не было бы ничего более ошибочного, как быстро обнаружить германские меро-

приятия. Если с германской стороны первоначально проявить сдержанность, то русские приобретут больше уверенности в своем положении. Искусная маскировка передвижений войск и особенно железнодорожных перевозок может много способствовать успеху. Ландвер и ландштурм в таких случаях должны быть не позади, а впереди фронта и в голове железнодорожных перевозок.

Переброска германских боевых сил по железным дорогам

Чтобы сосредоточить массу германских боевых сил в исходное положение для атаки левого фланга Наревской армии, нельзя было обойтись без использования железных дорог. Пропускная способность линий, станций погрузки и выгрузки была достаточной. Два корпуса могли быть одновременно перевезены из района Сталюпенен—Гумбинен, из расчета 24—30 поездов в день, через Кёнигсберг, в направлении Мариенбурга и еще корпус или 3-я резервная дивизия из Даркемена через Инстербург в направлении на Алленштейн. При заранее обдуманном намерении и некоторой подготовке эти перевозки можно было бы регулировать даже и таким образом, что через Кёнигсберг в первую очередь доставлялась бы пехота трех корпусов, тогда как конные части, транспорты и обозы сначала двигались бы походным порядком и, в зависимости от тактических требований и расстояний, включались в перевозку с промежуточных станций. Первый способ был проще и надежнее; при последнем — можно было больше принять во внимание сбережение войск, но он требовал безукоризненной слаженности в работе Управления военных перевозок и войсковых управлений. По примерным расчетам, сосредоточение главных сил посредством железных дорог могло быть осуществлено в течение одной недели, — место назначения при малых расстояниях не отражалось на длительности перевозок. Таким образом, при переброске войск по железным дорогам отнюдь нельзя было рассчитывать начать операцию ранее 23 августа, но отсюда не вытекало ущерба для операции.

Развертывание на линии Морунген—Вормдит—Прейсиш-Эйлау

Схема 15в

Если Наревская армия двигалась к северу между Мазурскими озерами и р. Алле, примерно на линию Растенбург—Гейльсберг, то развертывание германских главных сил на линии Морунген—Вормдит—Прейсиш-Эйлау могло дать шансы для фланговой атаки. Но противник при своевременном повороте налево находил за р. Алле, между Алленштейном и Шиппенбейлем, выгодную оборонительную позицию, левый фланг которой под Алленштейном был не плохо примкнут к озерам. Если атака германцев не удавалась, то являлась опасность оказаться оттесненными к Фришгафу.

Чтобы удержать неприятеля в наступлении в северном направлении, усиленный XX корпус, к которому можно было еще подвезти 3-ю резервную дивизию, должен был отходить между Мазурскими озерами и р. Алле, — примерно на линию Шиппенбейль—Растенбург. Германские боевые силы стояли бы тогда на двух линиях, сходящихся под прямым углом, и занимали бы положение для охвата левого или правого фланга противника в зависимости от его образа действий. Конечно, помимо слабости восточной группы войск эта операция имела бы еще один недостаток, который не следует недооценивать: при большой растянутости расположения представлялась бы сомнительной возможность осуществления общей атаки.

Наступление на правый фланг Наревской армии

Схема 15г

С точки зрения обеспечения общего наступления, удержания в руках всей армии и наличия достаточных сил на все случаи, которые могут встретиться, заслуживает внимания еще другая операция, которая имеет целью кратчайшим путем, без значительных железнодорожных перевозок, малыми переходами выйти навстречу Наревской армии в готовности в любой момент сосредоточить насколько возможно крупные силы против ее правого фланга. XX корпус должен в этом случае отходить западнее р. Алле — примерно на Вормдит, — пытаясь увлечь за собой противника. Он может быть усилен главным резервом Кёнигсберга (по железной дороге на Гейльсберг). Если бы русские повернули, то корпус последует за ними и атакует, где к этому представится возможность, не подвергая себя, однако, охвату. Если бы русские вопреки ожиданиям обратились против Нижней Вислы, то он продолжает отходить на Вормдит, а стоящие на южной границе Восточной Пруссии крепостные войска отходят тогда обратно на Грауденц.

Отход на линию Норденбург—Ангербург—Летцен

Боевые силы, стоящие под Вирбалленом (Вержболовым), отходят небольшими переходами на линию Норденбург — Ангербург—Летцен. Захватить при этом еще и II русский корпус (см. выше разбор операции против Наревской армии после победы при Гумбинене) едва ли удастся. Корпус этот не станет дожидаться подхода германцев, а уклонится к югу, чтобы прикрыть правый фланг и тыл Наревской армии восточнее или западнее озер. Защиту тыла 8-й армии со стороны Ковно примут на себя 1-я кавалерийская дивизия со 2-й ландверной бригадой. 6-я ландверная бригада будет обеспечивать выход из теснины Летцена на запад. Так как расстояние Вержболово—Летцен в круглых цифрах составляет 100 *км*, то, включая дневку и кладя на переходы по возможности не свыше 20 *км* в день, едва ли можно достигнуть линии Норденбург—Летцен ранее 28-го. Где

следует в этот день предполагать правый фланг Наревской армии? Вот существенный вопрос, на который нельзя заранее ответить. Это обнаружится лишь в ходе операции; движения германцев должны приноравливаться к образу действий неприятеля. Можно полагать, что русские тесно примкнут своим правым флангом к Мазурским озерам и глубоко его эшелонируют. Тогда их левый фланг будет слабым. Но они могут также и наоборот — сделать сильным свой левый фланг, ввиду угрозы со стороны Кёнигсберга. Для германцев было бы, без сомнения, желательным, если бы они могли выступить крупными силами как со стороны Мазурских озер, так и южнее Кёнигсберга. Можно было бы привести еще 3-ю резервную дивизию в район Бартенштейна, но тогда восточная группа оказалась бы едва ли достаточной для решительной атаки против неприятельского правого фланга. Левый фланг германцев необходимо сделать насколько возможно сильным, если имеется в виду оттеснить русских на запад к Фришгафу. Наличные боевые силы германцев были бы слишком недостаточны, чтобы сделать сильными оба фланга. Надо довольствоваться возможным, а также учесть вероятность того, что восточнее озер будут наступать одна или две русских колонны, или что русский правый фланг приостановится и использует преимущества озерной линии для своей защиты. Будут ли германцы в этом случае также вынуждены ввести в дело восточнее озер более крупные силы, нельзя сказать заранее. Только одно несомненно: там, где ищут решения, нельзя быть достаточно сильным. Быть может, лучше даже и главный резерв Кёнигсберга не отдавать для поддержки XX корпуса, но всеми силами, которые стоят под Вержболовым, за исключением кавалерийской дивизии и ландверной бригады, двинуться на линию Норденбург — Летцен, причем колонну, которая движется к последнему пункту, сделать особенно сильной. Германцы должны также остерегаться, чтобы их атака не распалась на две: восточнее и западнее озер. Со всех точек зрения выступает значение мощности левого фланга. В конце концов, необходимо также рассчитывать и на то, что Наревская армия повернет, когда почует опасность. Тогда германцы будут нажимать по обеим сторонам озер к югу, чтобы насколько возможно оттеснить противника от Нарева и отбросить к Висле. В общем, германцы будут иметь пять корпусов против, по меньшей мере, шести русских; при этом еще не принято в расчет, что русские подкрепления с верховьев Немана и с Бобра могут существенным образом изменить картину обстановки не в пользу германцев. Но такие возможности не должны отклонять от намерения отбросить русских с востока к западу.

Для германцев было бы идеальным ходом событий, если бы Наревская армия продвинулась до линии Коршен—Морунген; тогда расположение германцев на линии Норденбург—Летцен было бы в высшей степени благоприятным для атаки. Но строить расчеты на этом нельзя. В случае, если Наревская армия вообще решится на дальнейшее продвижение в глубь Восточной

Пруссии, то она будет действовать с осторожностью до тех пор, пока предполагает в северо-восточной части страны крупные силы германцев. Чтобы ввести ее в заблуждение и внушить уверенность, не следует отказываться от применения военных хитростей в самом широком масштабе. Кампания маскировки должна начаться оставлением южной границы и проводиться в дальнейшем с такой же предусмотрительностью и планомерностью, как и вся остальная операция. Фридрих Великий и Наполеон были мастерами в этой области. Первый говорил: «Существует столько хитростей, что было бы затруднительно их все перечислить». Наполеон по природе владел всеми средствами для введения в заблуждение. Именно в операциях по внутренним линиям может получить решающее значение то обстоятельство, удастся ли ввести в заблуждение русских относительно действительных намерений германцев. С распространением вводящих в заблуждение известий должно соединяться действительное выполнение ложных маневров,— например, перевозка войск морем со стороны Пиллау, железнодорожные перевозки на запад и в Галицию, операции севернее Немана на неприятельской территории и все, что еще можно придумать. Даже совершенно нелепые хитрости могут оказать действие. Ведь считали же мы в те дни возможным, что 80 000 русских были перевезены из Архангельска в Англию! Известие это, несмотря на его бессмысленность с точки зрения транспортной техники, всерьез обсуждалось в штабе главнокомандующего. Что речь могла итти о «яйцах», которые в коммерческой телеграмме сокращенно были обозначены словом «русские», это не приходило в голову.

Операция против правого фланга Наревской армии может показаться рискованной, поскольку в ней развиваются действия с перевернутым фронтом и ставится на карту или вовсе прерывается базирование даже на Кёнигсберг. В таком положении пути за Вислу можно завоевать только победой. Но, несмотря на все опасения, которые, естественно, возникают из чувства оторванности от центра страны, все же 8-я армия и ее командующий могли бы испытать чувство гордости и силы, так как они должны были в ограниченном природой, небольшом, но не лишенном выгод операционном районе принять крупнейшие решения. Операция отнюдь не является рискованной после того как исчезла Неманская армия. Будет ли она иметь успех, к которому мы стремимся, само собой разумеется, заранее сказать нельзя. Но она имеет некоторые важные для успеха признаки: она проста, может быть начата без дальнейших передвижений из того расположения войск, в котором они в данный момент находятся у Вержболова; она ведет непосредственно против того неприятельского фланга, который хотят атаковать; командование крепко держит в руках управление войсками и легко может приноравливать передвижения к образу действий противника.

Решение командующего 8-й армией об отступлении после полудня 20 августа

Принимая во внимание предупреждение генерала фон-Мольтке, нельзя слишком винить командующего 8-й армией, что он после оценки обстановки пополудни 20 августа предпочел путем своевременного отхода избегнуть опасностей, связанных с дальнейшим пребыванием у Гумбинена. Известие об этом произвело на высшее командование впечатление разорвавшейся бомбы и немедленно повело к отозванию командующего 8-й армией и его начальника штаба. По мнению Рейхсархива, это отступление должно было повести к отходу за Вислу, если Неманская армия тотчас же начала бы преследование и не дала себя отвлечь при помощи крепости Кёнигсберга. Несмотря на это, едва ли можно признать правильным, что генерал фон-Приттвиц уже 20 августа вечером высказал свое намерение отойти за Вислу. Позднее он снова от этого отказался, ввиду чего I корпус снова подлежал переброске на правый берег Вислы через Грауденц с выгрузкой у Госслерсгаузена и Бишофсвердера. Штаб армии намеревался при этом стянуть армию вправо на этот корпус, — очевидно, для наступления против левого фланга русской Наревской армии. Этой идеи, однако, еще не существовало в тот момент, когда была решена перевозка I корпуса по железной дороге. Перебрасывать его заранее за Вислу, как это произошло, с точки зрения техники железнодорожного транспорта, не было вовсе нужды. Указание о конечном направлении и месте выгрузки можно было отложить до того момента, когда головные эшелоны приблизились бы к Висле. Действовать таким образом было бы целесообразнее еще и по той причине, что нельзя было предусмотреть, не станет ли необходимым по условиям обстановки в XX корпусе повернуть перевозки от Мариенбурга на Дейч-Эйлау. Не исключалась также возможность и такого положения, что для отхода за Вислу придется еще вести бой. В этом случае лучше было бы вести бой целой армией, чем одной ее частью, которую, быть может, пришлось бы бросить на произвол судьбы. Первое указание XVII корпусу — отходить к Висле, «возможно более забирая на север», — тоже не было удачным. Этим могла создаваться видимость, как будто армия намеревалась некоторым образом проскользнуть мимо неприятеля. Если командующий армией, ввиду общей обстановки в Восточной Пруссии, считал отход за Вислу неизбежным, то во всех случаях представлялась возможность заранее сосредоточить крупные силы у Госслерсгаузена и Дейч-Эйлау для возможной атаки против левого фланга Наревской армии. Надо было для этого использовать железную дорогу и перевести туда по возможности 2 корпуса: I и XVII. К услугам были две двухколейных провозоспособных железнодорожных линии с их максимальной пропускной способностью, если только они немедленно и безусловно освободились бы от всех прочих перевозок. В порожняке тем менее не могло быть недостатка, что первоначаль-

ная потребность в любой момент удовлетворялась дирекцией Кёнигсбергского раойна, а соседние районы могли многократно покрыть общую потребность. Если потом при отправке I корпуса произошли заминки, которые приписывались недостатку порожняка, то это, как и при известных жалобах в мирное время, означало бы путать причину со следствием. Дело в том, что вследствие эвакуации и наплыва беженцев дороги не были свободны, и порожняк не мог своевременно попасть на станции отправления. Остается также открытым вопрос, были ли последние целесообразно выбраны в соответствии с начертанием ж.-д. сети. Опыт показал не только на востоке, но также и на западе при первых передвижениях войск по железной дороге, что слаженность в работе между командными органами и органами военных перевозок затруднялась плохим пониманием в командных органах важнейших предпосылок для бесперебойной эксплоатации железных дорог. Намерение — уже в мирное время путем совместных упражнений командных органов и органов военных перевозок подготовить слаженность в работе на войне — было теперь невыполнимым.

X

СЧАСТЬЕ ТАННЕНБЕРГА

Схемы 16—18

Возникновение оперативной идеи

Когда генерал Гинденбург и генерал Людендорф 23 августа прибыли в Мариенбург, то вместе с ними вступили в свои права в штабе армии решительность и задор молодости, соединенные с мудростью и выдержкой старости.

Высшее командование дало новой операции общее направление. Командир XX корпуса и его начальник штаба искусно и решительно наметили основную линию операции на фронте, причем свободные силы передвигались на фланги. Таким образом, новое командование армии застало обстановку, которая шла навстречу его намерениям.

23 августа XX корпус преграждал русским пути наступления в цепи мелких озер от района южнее Гильгенбурга до района восточнее Гогенштейна. Правый фланг корпуса прикрывали крепостные части на линии железной дороги Дейч-Эйлау — Млава. Позади у Дейч-Эйлау и Бишофсвердера выгружался I корпус. У Страсбурга сосредоточивались ландверные и крепостные войска. Для обеспечения левого фланга XX корпуса прибыла по железной дороге от Ангербурга к Алленштейну 3-я резервная дивизия. XVII и I резервные корпуса были еще прежним штабом армии направлены на Мельзак и Вормдит. По приказу нового командования они повернули на юго-запад на Бартенштейн и Бишофштейн. Для дальнейшего развития операции представлялись существенными два вопроса. Во-первых, будет ли XX корпус в состоянии уклоняться от наступления Наревской армии или же оказывать сопротивление до тех пор, пока соберутся все силы для общего боя? Во-вторых, двинется ли русская Неманская армия немедленно к юго-востоку на Алленштейн или даст себя связать с крепостью Кёнигсбергом? В бою у Лана и Орлау 23 и 24 августа XX армейский корпус оказался на высоте своей задачи, не только оказав сопротивление двойному превосходству сил русских, но и своевременно уклонив назад сильно угрожаемый левый фланг. 24-го командир корпуса решил сделать

еще шаг назад на линию Гильгенбург—Мюлен. 3-я резервная дивизия была ближе подтянута за левым флангом в район юго-восточнее Остероде.

«Еще раз отойти было бы невозможно, так как не осталось бы пространства для многодневного решительного сражения. Русская Неманская армия между тем подошла ближе, соединению обеих русских армий нельзя было больше воспрепятствовать» (Рейхсархив).

Указание Людендорфа гласило:

«Корпус должен держаться на своей позиции до последнего человека».

Угроза с севера со стороны Неманской армии была в действительности менее велика, чем она представлялась. Даже 3 кавалерийских дивизии Неманской армии не шли по пятам немцев, не говоря уже о самой армии. Последняя к 25-му продвинулась своим левым флангом не далее Норденбурга. В этот день достигли: I резервный корпус — Зеебурга, XVII корпус — Бишофштейна. Неманская армия потеряла соприкосновение со стоявшими перед ней под Гумбиненом немецкими войсками. Генерал фон-Ренненкампф, который считался особенно талантливым полководцем, после боя под Гумбиненом дал своей армии двухдневный отдых.

«Несмотря на отсутствие сопротивления со стороны противника, наступление Неманской армии шло чрезвычайно вяло и нерешительно» (Данилов).

Разумеется, основной грех заключался уже в том, что русское высшее командование ради Франции погнало в наступление неподготовленные армии.

Русское наступление

Схема 16а

Хотя генерал Жилинский, командовавший русским Северо-западным фронтом, видел в бегстве населения признаки того, что немцы оставляют Восточную Пруссию, все же он упустил случай немедленно бросить в направлении на Бартенштейн и Коршен сильную кавалерию Неманской армии, что могло бы дать ясное представление об отходе немцев. Равным образом он не сделал ничего, чтобы пришпорить энергию генерала Ренненкампфа. Неманская армия, не заботясь о соседней армии, неуверенными шагами продвигалась к Кёнигсбергу, полагая, очевидно, что немецкие боевые силы отступили от Гумбинена на эту крепость. Сказывалось оперативное влияние крепости. 26-го Ренненкампф хотел достигнуть линии Велау—Алленбург—Гердауен. Таким образом, он упустил последний момент, чтобы через Алленштейн еще своевременно ввязаться в бой совместно с Наревской армией. В тот же день XVII корпус и I резервный корпус севернее Бишофсбурга наткнулись на правофланговый корпус Наревской армии, т. е. VI корпус, который вместе с одной

кавалерийской дивизией, отделенной от армии, оперировал в северном направлении, тогда как главные силы армии продвигались правым флангом на Алленштейн и левым — вдоль железной дороги через Сольдау. Первоначально также входивший в состав Наревской армии II корпус, начиная от Лыка, берет направление через Ангербург и, таким образом, также выпадает для решительных боев на юге. На правом немецком фланге 25-го I корпус своими передовыми частями вышел примерно на высоту XX корпуса и мог бы уже, вероятно, охватить достигший Усдау русский I корпус, на фланге которого стоял у Лаутенбурга немецкий ландвер. Перед этим ландвером отходит на Сольдау русская кавалерия. К фронту XX корпуса близко подошли русские XXIII и XV корпуса. В районе озер, восточнее Гогенштейна, на расстоянии около одного перехода от верховьев Древенцы, за которым 3-я резервная дивизия прикрывает фланг XX корпуса, находится русский XIII корпус, идущий на Алленштейн. 26-го или 27-го дело должно было дойти до боя, так как русские должны были наступать и атаковать: генерал Жилинский, полагавший, что немцы находятся в полном отступлении за Вислу, уже 23-го отдал приказ Наревской армии преградить путь к Висле немцам, которые были бы оттеснены Неманской армией, считая, что Наревская армия имеет перед собой, очевидно, лишь слабые силы.

Русские колеблются в направлении наступления между Зенсбург — Алленштейн и Алленштейн—Остероде. В результате армия оказывается необъединенной. Три направления — Зенсбург, Алленштейн и Остероде — растягивают русские силы в разные стороны, а железная дорога Млава — Сольдау крепко держит левый фланг. Если русские атакуют 26-го, то для немцев представляется целесообразным отложить решение, поскольку их силы тоже еще не были собраны. XVII и I резервные корпуса должны на пути во фланг и в тыл противника разбить VI корпус и выполнить еще два добрых перехода. Между тем на южном фланге можно начать захождение I корпусом и ландверными частями для охвата левого русского фланга. Удастся ли это, зависит частью от группировки русских сил, частью от того, подойдут ли своевременно русские подкрепления через Млаву.

Генерал Самсонов, командовавший Наревской армией, 25-го оценил силы немцев выше, чем до того; он беспокоился за свой левый фланг, ожидая атаки крупных немецких сил со стороны Торна, как это подсказывалось обстановкой. Он приказал подкрепить I корпус; поэтому, в общем, под Усдау—Сольдау могли противодействовать фланговому удару немцев, кроме обеих кавалерийских дивизий, еще 3½ пехотных дивизии. На фронте оставалось 2½ корпуса, которые 26-го должны были продолжать наступление короткими переходами, но не прямо против немецкого корпуса, а XIII корпусом на Алленштейн, XV — на Гогенштейн и только одной дивизией XXIII корпуса — против центра и левого фланга XX немецкого корпуса. Это тяготение к северу следует отнести на счет недостаточной ясности распо-

ложения немцев. Если предположить, что 26-го русские предприняли бы сосредоточение своих главных сил влево: I корпусом на Генрихсдорф, XXIII — на Усдау, XV — на Гардинен, XIII корпус уступом с фланга между Мюленским и Большим Маранзенским озерами у Ваплица, то возможно, что дело окончилось бы поражением немцев на южном фланге, так как атака I немецкого корпуса встретилась бы более чем с двойным превосходством сил противника, а оба немецких корпуса, приближавшиеся с севера, подошли бы слишком поздно для решения, так как их путь удлинился бы. Однако, военное счастье было на стороне немцев: две перехваченные радиотелеграммы дали точную картину положения обеих русских армий.

Решение германского армейского командования о наступлении

Командование армии уже 25-го утром сообщило командиру I корпуса о намерении 26-го начать атаку Усдау. Командир корпуса заявил протест: он хотел атаковать лишь 27-го ввиду того, что еще не прибыли все боевые части корпуса и необходимые для боя огнеприпасы. Он опасался также при фронтальной атаке на Усдау оказаться охваченным на своем правом фланге; поэтому предложил распространиться дальше вправо. Хотя после перехваченных радиотелеграмм опасность со стороны Неманской армии пока еще только нависала, и обстановка в XX корпусе также не представляла непосредственной угрозы, тем не менее штаб армии остался при своем решении атаковать уже 26-го. Медлить дальше казалось невыгодным, так как теперь имелись шансы разбить оба центральных корпуса русских, XXIII и XV, прежде чем XIII корпус мог подойти и охватить немецкий левый фланг. К тому же противник под Усдау был, очевидно, разобщен от своих сил, действовавших северо-западнее Нейденбурга. Штаб армии хотел порознь сначала разбить противника под Усдау, а потом I корпусом ударить во фланг той части противника, с которой вел бой XX корпус. При этом штаб армии, видимо, не учитывал того, что неприятель под Усдау численно превосходил I корпус и мог своими расположенными в тылу частями эшелонироваться до Сольдау.

Прежде чем мы обратимся к событиям 26-го числа, надо еще рассмотреть, какие вероятные последствия имели бы место, если бы атака немцев, согласно предложению командира I корпуса, была назначена на 27-е. На события на фронте XX корпуса и в верховьях Древенцы это не повлияло бы. Весь вопрос заключался в том, что предпринял бы противник под Усдау, если бы атака немцев не последовала? Если бы он оставался на месте, то обе стороны выигрывали время; если бы он продвигался в направлении Гильгенбурга, то положение I корпуса становилось благоприятным для удара ему во фланг и тыл; если бы он атаковал южнее — примерно вдоль железной дороги, то это приводило к фронтальному столкновению с корпусом, который дол-

жен был заботиться только о том, чтобы сделать сильным свой правый фланг. Какой из этих случаев являлся наиболее вероятным, трудно сказать, — быть может, первый, т. е. остановка на месте. Во всяком случае I корпус должен был подготовиться ко всем трем случаям. Таким способом, он создавал наиболее выгодную группировку своих сил. Но и противник мог также усилиться и принять меры против охвата. Для немецкой операции было выгодно, чтобы XVII и I резервные корпуса еще на переход приблизились к полю решительного сражения. Таким образом, соображения относительно момента немецкой атаки сводились, собственно говоря, к тому, устоит или нет XX корпус, если он будет атакован 26-го превосходными силами. Уверенно действовавший командир XX корпуса беспокоился не за свой фронт, но за свой левый фланг. Все более распространявшееся движение русских к северу 26-го числа еще не могло иметь своим результатом этого охвата, но он становился весьма возможным в последующие дни. Поэтому командир корпуса считал необходимым усилить свой левый фланг, чтобы иметь свободной 3-ю резервную дивизию исключительно в качестве резерва для контрудара. Штаб армии дал свое согласие на необходимое для этого передвижение войск влево, несмотря на то, что непосредственно угрожаемым был правый фланг. По ходу событий 26-го, перенесение атаки на 27-е не причинило бы вреда, так как атака 26-го в действительности не принесла ожидавшегося штабом армии успеха.

Первые бои 26 августа

Схема 166

Приказ командующего армией на 26-е гласил:

«I армейский корпус около 4 час. утра своим левым флангом овладевает Зеебенскими высотами и не позднее 10 час. утра, глубоко эшелонируясь вправо, ведет атаку от Зеебена и южнее с общим направлением на Усдау. 5-я ландверная бригада остается подчиненной I корпусу. Усиленный XX армейский корпус сохраняет свои позиции и поддерживает наступление I армейского корпуса, атакуя своим правым флангом в направлении Гросс-Грибен — Янковитц. В остальном он должен быть готов перейти в атаку по всему фронту, имея сильный правый фланг. 3-я резервная дивизия до этого своевременно передвигается в район Гогенштейна».

I русский корпус утром 26-го стоял примерно на линии Усдау — Граллау и пред ней, имея 2 полка на марше на Генрихсдорф; там же была 6-я кавалерийская дивизия. 15-я кавалерийская дивизия находилась на границе, южнее Лаутенбурга. Подтянутые для подкрепления части 3-й гвардейской дивизии достигли Сольдау. 1-я стрелковая бригада по железной дороге прибыла в Иллово. Если сравнить положение сторон, то нельзя сказать, чтобы на стороне немцев были значительные тактические преимущества; напротив, русские имели шансы — при объединенном и энергичном управлении их превосходными силами — разбить немецкий корпус атакой через Генрихсдорф.

Атака немцев была назначена приказом на 4 часа утра, но не могла быть осуществлена, так как войска не были готовы.

«Генерал фон-Франсуа попрежнему был того мнения, что его армейский корпус утром 26 августа еще не в состоянии вести атаку. Вред, который могло причинить промедление, казался ему незначительным по сравнению с риском поспешного наступления. В этом своем мнении он был поддержан тем, что начальник штаба XX корпуса, полковник Хель, на посланный ему ночью запрос ответил, что обстановка в XX корпусе не оправдывает торопливой атаки» (Рейхсархив).

Командир 1-й дивизии до утра имел на позиции только 4 батареи, с которыми нельзя было достаточно подготовить атаку пехоты через открытое поле. 2-я дивизия еще не подошла. Атака 1-й дивизии была отложена до прибытия остальной артиллерии, 2-я дивизия и 5-я ландверная бригада были приостановлены. Когда штаб армии узнал об этом, то отложил атаку на Усдау на 12 час. дня. Когда же генерал фон-Франсуа донес, что им не заняты еще даже Зеебен и Гросс-Кошлау, атаку на Усдау пришлось отложить еще на более поздний час.

«Между тем генерал фон-Франсуа решился, однако, уступить настояниям командования армией и начать атаку против Усдау в 1 час дня» (Рейхсархив).

Это также не удалось. После взятия русских передовых позиций у Зеебена войска были готовы к дальнейшему наступлению лишь в 3 часа пополудни. Так как расстояние до русских позиций под Усдау составляло 9 *км* и в распоряжении имелись еще лишь немногие вечерние часы, войска же в сильную жару находились в движении с раннего утра, то генерал фон-Франсуа решил дальнейшую атаку отложить до следующего дня. Таким образом, на первый раз командир корпуса одержал победу над штабом армии. Так как русские ничего этого не замечали и вообще были поражены слепотою, то они не использовали ни времени, ни возможности, чтобы сосредоточить, кроме обеих кавалерийских дивизий, крупные силы южнее Генрихсдорфа и 27-го фланговой атакой на Граллау добиться решения. При одновременной внезапной атаке с трех сторон они легко могли покончить с прикрывавшей правый фланг немцев у Генрихсдорфа 5-й ландверной бригадой. К счастью для немцев, это не случилось.

Штаб XX корпуса выжидал; он наперед рассчитывал на то, что атака I корпуса задержится. Утром у противника было спокойно. В 1 час пополудни командующий армией отдал приказ командиру корпуса:

«Сильным правым флангом перейти в наступление между Дамерауским и Мюленским озерами, приблизительно через линию Гансгорн — Тимау».

Тем временем у Мюлена русские подошли уже вплотную и обстреливали занятые ландвером позиции немцев. К северу от-

сюда противника пока замечено не было; 3-я резервная дивизия должна была теперь же, в соответствии с приказом по армии, продвинуться на Гогенштейн; она этого не сделала, так как командир дивизии опасался атаковать противника прямо в лоб, тогда как дальше к северу ему наступал бы во фланг XIII русский корпус. Остается открытым вопрос: окончилось ли бы дело у Гогенштейна победой 3-й резервной дивизии над северным флангом русского XV корпуса при выполнении приказа 26-го, самое позднее — рано утром 27-го? Русский XIII корпус двигался в это время еще восточнее озер к северу на Алленштейн. 26-го числа только на правом фланге и в центре XX корпуса дело дошло до атаки против левой 2-й дивизии XV корпуса русских. Дивизия была отброшена, атака русских южнее Мюленского озера потерпела неудачу. Севернее озер слабая попытка русских атаковать была отбита.

Тактический результат дня 26-го для немцев был мало удовлетворительный; продвинулось только правое крыло XX корпуса. Оперативная обстановка не ухудшилась. Вследствие марша главных русских сил к северу, разрыв северо-восточнее Усдау расширился. Правый фланг XX корпуса находился в этом разрыве. XVII и I резервный корпуса успешно вели бои севернее Бишофсбурга против VI корпуса русских. Левый фланг Неманской армии достиг Гердауена и Дренгфурта. Хотя XVII и I резервный корпуса упорно продолжали удачное распространение на юг, но опасность, угрожавшая со стороны Неманской армии, продолжала еще только нависать. Пока важнее представлялся вопрос, как складывались события 27-го числа под Усдау и Сольдау, так как туда русские стягивали подкрепления по железной дороге. Атака немцев должна была бы дать быстрое и основательное решение, чтобы освободить I корпус для наступления на Нейденбург, в тыл противника, с которым имел дело XX корпус. Ослабление XX корпуса для поддержки I корпуса грозило снова свести на-нет успех, достигнутый 26-го на правом фланге XX корпуса. И все же не оставалось ничего другого.

Ландверная дивизия, которую подвозили из Шлезвиг-Голштинии, 27-го числа достигла своей головой Остероде. Ее можно было бы, конечно, повернуть от Дейч-Эйлау на Сольдау к I корпусу, но она уже не прибыла бы своевременно. В то же время на левом фланге 3-я резервная дивизия, которую штаб армии 26-го вечером предполагал у Гогенштейна, была под угрозой с фланга и тыла со стороны русского XIII корпуса, как скоро последний изменил бы направление своего прежнего движения на восток; поэтому представлялось более целесообразным везти ландверную дивизию дальше через Остероде в направлении Алленштейна до Бисселлена, чтобы она могла выступить навстречу русскому XIII корпусу.

27-го числа штаб армии хотел добиться решения в центре против русского XXIII и XV корпусов путем двойного охвата правым флангом XX корпуса на юге и 3-й резервной дивизией на севере. Для этого последняя должна была от Гогенштейна,

удерживая этот район, взять направление к югу на Ваплиц. Это было, однако, неосуществимо, так как 3-я резервная дивизия, без донесения о том штабу армии, осталась по ту сторону верхнего Древенца. Штаб XX корпуса лучше понимал обстановку и побудил штаб армии изменить свой план отказаться от охвата на севере и ограничиться там оборонительным образом действий. 3-я резервная дивизия была подтянута за рекой Древенц несколько ближе к флангу. Под Гогенштейном и на пути к Ваплицу она, вероятно, попала бы в очень тяжелое положение, так как она встретилась бы не только с частями XV русского корпуса, но была бы атакована с фланга и с тыла русским XIII корпусом, который изменил направление своего движения с северного на юго-западное. Остается открытым вопрос, не была ли бы тогда сорвана вся немецкая операция.

С оперативной точки зрения единственно возможным решением было отказаться от действий левого фланга по ту сторону Древенца и 27-го числа искать решения только на правом фланге силами I и XX корпусов. Второе решение должно было завершиться на севере, как скоро XVII и I резервный корпуса достигли бы поля сражения XX корпуса. 28-го оба корпуса после форсированных маршей отбросили VI русский корпус под Гросс-Бессау. I резервный корпус вечером достиг одной дивизией Вартенбурга; другая дивизия этого корпуса и XVII корпус расположились на отдых западнее и восточнее Гросс-Бессау. Они рассчитывали, что 27-го им придется атаковать неприятеля на растянутой позиции южнее Бишофсбурга. В таких условиях для немцев не было бы ущерба, если бы русские крепко держались в верховьях Древенца. Если XX корпусу удалось бы своим правым флангом оттеснить находившегося перед ним противника в район озер около Ваплиц и Куркена, то выход из боя и отступление для русских становились невозможными. Они не могли бы более выскочить из охвата, так как русский штаб армии совершенно не подозревал приближения с севера обоих немецких корпусов и считал, что они находятся как раз на противоположном фланге, в районе Гильгенбурга. Равным образом судьба своего VI корпуса оставалась покрытой мраком неизвестности как для штаба армии, так и для соседнего русского корпуса. Штаб армии полагал, что этот корпус, согласно приказу, наступает на Алленштейн; в действительности же он вместе с 4-й кавалерийской дивизией отходил назад от Бишофсбурга на Ортельсбург.

27-го числа для немцев

«все зависело от успеха под Усдау и продолжения атаки на правом фланге XX армейского корпуса» (Рейхсархив).

27 августа

Схема 17

Генерал Самсонов, первоначально опасавшийся за свой левый фланг, теперь недооценивал угрожавшую ему опасность, равно

как и немецкие силы по ту сторону верхнего Древенца, и все еще устремлял свои взоры на Алленштейн, где он предполагал более крупные силы немцев. Продолжая 27-го атаку против линии Алленштейн—Остероде, он оказывал немцам «любезную услугу». О том, что VI корпус не участвует больше в игре, Самсонов, разумеется, не знал, когда отдал приказ о продвижении XIII корпуса совместно с VI дальше на Алленштейн. XIII корпус под Алленштейном неприятеля не встретил; донесению относительно немецких частей восточнее города не придали веры, так как в этом направлении ожидали свой VI корпус, с которым не имелось связи. Поскольку XIII корпус, помимо Алленштейна как цели марша, получил приказание иметь в виду поддержку XV корпуса, одна бригада его двинулась к Гогенштейну; остальные 3 бригады вследствие переутомления могли последовать туда только 28-го. Удар корпуса, за исключением одной бригады, пришелся впустую. Эта бригада и три бригады XV корпуса атаковали немцев на Древенце. Часть бригады XIII корпуса дошла до района юго-восточнее Рейхенау во фланг немецкой 3-й резервной дивизии, но остальные части бригады заблудились в лесной даче Яблонкен, в результате чего вся бригада снова была отодвинута назад восточнее леса. Атака XV корпуса между Малым Петцдорфом и Мюленом потерпела неудачу, несмотря на численное превосходство. 4-я бригада этого корпуса, которая должна была поддержать атаку южнее Мюленского озера, дошла только до Ваплица. Таким образом, перед фронтом XX немецкого корпуса находилась только сильно ослабленная в бою 26 августа 2-я дивизия XXIII корпуса, которая была подкреплена одним полком 3-й гвардейской дивизии, входившей в состав того же корпуса. Главная масса этой дивизии сражалась при I корпусе. Соотношение сил на фронте и на северном фланге также сложилось для немцев благоприятнее, чем этого можно было ожидать по общей численности противника. Русские не сумели объединить свои силы для удара. Только на южном фланге под Усдау—Борхерсдорфом им удалось собрать в общей сложности 3 пехотных и 3 кавалерийских дивизии. Если бы русские одержали здесь победу, они еще имели шансы изменить в свою пользу положение также и в центре.

Для поддержки немецкой атаки против Усдау ночью были сняты с фронта XX корпуса 6 батальонов, 2 эскадрона и 2 батареи, которые в 6 часов утра были собраны у дороги Гильгенбург — Усдау. Атака должна была начаться на участке I корпуса в 4 часа утра. Так как прибытие артиллерии 1-й дивизии задержалось, то и в этот день дело не дошло до общей атаки рано утром, как это было приказано.

Было уже 11 час. утра, когда Усдау был взят при слабом сопротивлении противника. Уже ранним утром русские начали отходить от Усдау к востоку, хотя продолжали еще атаковать на своем левом фланге. Эта атака пришлась на немецкую 5-ю ландверную бригаду и правый фланг 2-й пехотной дивизии, которые двигались вперед, так как немцами, вследствие

преждевременного донесения о взятии Усдау, также был отдан приказ о наступлении. Не только 5-я ландверная бригада была атакована западнее Скупиен с фронта и сильной русской конницей с правого фланга, но и наступавшая на Большое Тауерское озеро правая бригада 2-й дивизии также была фланговым ударом втянута в тяжелый бой. Еще немного, и ландверная бригада, а также и правый фланг 2-й дивизии были бы отброшены, но русские, натиск которых носил характер атаки для облегчения положения, не последовали за постепенно раскалывавшимися и отходившими стрелковыми цепями немцев.

Между тем, к счастью для немцев, был взят Усдау, и 1-я дивизия стала заходить к югу, чтобы сбить ударом во фланг противника, наступая вдоль дороги на Сольдау. Командир корпуса, который, согласно приказу по армии, уже дал 1-й дивизии направление на Нейденбург, переменил это решение ввиду боевой обстановки на правом фланге, а также из опасения, как бы противник не подтянул от Млавы к Сольдау подкреплений. Прежде чем можно было взять направление на Нейденбург, надо было разбить неприятеля под Сольдау. Но до этого уже дело не дошло, так как русские своевременно уклонились от охвата с севера и сначала отошли на исходную позицию Борхерсдорфа, а потом через Сольдау еще дальше назад; арьергарды удержались севернее города. Силы немцев также были истощены; 1-я дивизия дошла еще до района южнее Борхерсдорфа, за ней у Большого Тауерского озера сосредоточилась вытесненная из линии фронта 2-я дивизия, восточнее Борхерсдорфа расположились на отдых части XX корпуса, под Гогендорфом, западнее Сольдау, — 5-я ландверная бригада. Командир корпуса ожидал встретить 28-го под Сольдау еще упорное сопротивление. Он считал даже не исключенным повторный натиск противника и в соответствии с этим принял свои меры, тогда как в действительности русские и не думали о том, чтобы еще раз вступить в бой. Лишь поздно ночью штаб армии получил воздушное донесение об отходе противника на Млаву; это донесение не дошло до командира корпуса вследствие частых переходов его с места на место.

В XX корпусе атака южнее Мюленского озера была назначена также на 4 часа утра, но и здесь дело не дошло до общего наступления. На правом фланге 41-я дивизия начала в назначенное приказом время движение вперед.

Не встретив противника и считаясь с тем, что ей необходимо помочь соседу справа или слева, она вскоре опять остановилась. Левый сосед, 37-я дивизия, опасался неприятельского прорыва под Мюленом. Она продвигалась нерешительно, как бы ощупью и почти без боя достигла линии оз. Конти — Зейтен — Тимау. Противник, 2-я дивизия русских, отказался от сопротивления и отходил на Франкенау, частью — на Нейденбург. Подтянутый для поддержки полк 3-й гвардейской дивизии двинулся на Ронтцкен, южнее Франкенау. «Энергичный натиск», которого требовал от XX корпуса штаб армии, не осуществился. Штабу

корпуса представлялось сомнительным, выдержат ли войска севернее Мюленского озера атаку русских. Поэтому был отдан приказ 37-й дивизии ударить в тыл противнику севернее озера через Ваплиц. Дивизия как раз отдыхала, и приказ не был тотчас выполнен. Между тем бой под Мюленом, повидимому, принимал неблагоприятный для немцев оборот. 37-я дивизия снова была отодвинута назад, чтобы отразить неприятельский прорыв под Мюленом. После сообщения об угрожавшем левому флангу 3-й резервной дивизии охватывающем движении противника (бригада XIII русского корпуса), командир XX корпуса решил теперь же направить большую часть 37-й дивизии за свой левый фланг, а остаток использовать под Мюленом. Но время было позднее, и 37-я дивизия расположилась на ночь западнее Мюлена.

41-я дивизия равным образом не имела оперативной задачи; поэтому командир дивизии решил наступать к югу, в тыл противнику, под Усдау. Когда последний заблаговременно начал отходить, дивизия снова оказалась без задачи. Наконец, новая задача представилась в результате приказа штаба армии:

«XX корпус заходит восточнее озера Ковнаткен к северу, чтобы находящемуся там противнику преградить путь на юг».

Поскольку неприятельский удар под Мюленом уже захватил 37-ю дивизию, для наступления на Ваплиц оставалась только 41-я дивизия. Но и здесь она далеко не продвинулась. Не отбросив предварительно противника у Франкенау, она едва ли могла двигаться на Ваплиц. К тому же противник очень переоценивался, а дивизия была сильно утомлена и голодна. Поэтому она остановилась между Янушкау и южной оконечностью Мюленского озера, несмотря на неотступные требования штаба армии,

«напрягая все силы, еще сегодня продвинуться дальше за Ваплиц».

XX корпус 27-го числа вообще не был под счастливой звездой. Если бы 41-я дивизия продолжала утром движение через Скоттау—Ронтцкен к северу, то она не только быстро уничтожила бы 2-ю русскую дивизию, но и немедленно очистила бы путь через Ваплиц, по которому могла пойти вперед одна бригада 37-й дивизии, в то время как другая, в качестве корпусного резерва, оставалась пока под Мюленом, впредь до выяснения боевой обстановки.

I резервный корпус и XVII корпус должны были 27-го, покончив с противником у Бишофсдорфа, взять направление к юго-западу на Едвабно. Под впечатлением занятия Алленштейна русскими I резервный корпус был повернут в западном направлении на Алленштейн. Он достиг местности южнее Вартенбурга. XVII корпус, преследуя русский VI корпус, дошел до Менсгута, а передовой отряд поздно ночью — до Пассенгейма. В тылу обоих корпусов на расстоянии двух небольших переходов крайняя южная колонна русской Неманской армии достигла 27-го утром Растенбурга.

10*

28 августа

Схема 17

Рано утром командующий Наревской армией имел еще намерение продолжать атаку XV и XIII корпусами, но отказался от него вследствие неудачи, которая за день до этого постигла оба фланга его армии. Он еще не подозревал об опасности, которая угрожала с тыла подходящему от Алленштейна XIII корпусу. Но и к Гогенштейну корпус пришел также слишком поздно, чтобы еще помешать поражению XV корпуса.

Для командующего русской армией, когда он прибыл в штаб XV корпуса к юго-востоку от Гогенштейна, не было уже никакого выхода; он больше не был даже в состоянии послать призыв о помощи Неманской армии, так как уже отослал назад в Остроленку свою радиостанцию. С неумолимой последовательностью мстило за себя время, которое он упустил, чтобы объединить свои войска для боевых действий. Фланговые корпуса имели еще сомнительное счастье избежать полного уничтожения, но участь центра была решена. Или, быть может, XIII корпусу следовало сделать попытку пробиться к Неманской армии? Но не говоря уже о том, что корпус еще не догадывался об угрозе его тылу, имел ли он право бросить на произвол судьбы XV корпус? 28-го прорываться к Неманской армии было слишком поздно. Иные шансы имелись бы на прорыв, если бы командующий русской армией уже 27-го догадался о полной безнадежности своей атаки и в особенности об угрожающем его центру окружении. Тогда, оставив завесу и пользуясь ночью, он мог бы прорваться на свободу к северу. На этом пути он встречался только с подходящей от Бизелена, еще не в полном составе, немецкой ландверной дивизией, с которой он мог бы покончить. Но поскольку в тот момент, когда такое решение было осуществимо, он не был осведомлен относительно действительной обстановки как у неприятеля, так и в своих собственных войсках, он придерживался ранее принятого плана — продолжать атаку 28-го числа.

Штаб немецкой армии намеревался 28-го охватить центр Наревской армии со всех четырех сторон: с юга и с запада — усиленным XX корпусом, с севера — ландверной дивизией, с востока — подкрепленным 6-й ландверной бригадой I резервным корпусом и частями XVII корпуса. По недосмотру при окончательном составлении приказа по армии между озерами восточнее Гогенштейна осталась открытой лазейка через Куркен, в то время как штаб армии полагал, что на Куркен будет двигаться через Пассенгейм часть XVII корпуса. Кроме того, на долю XVII корпуса приходилось преследование на Вилленберг, а усиленного I корпуса — через Сольдау и Нейденбург. Эти направления давали гарантию, что пути для отхода русского центра будут закрыты.

События протекли, разумеется, отнюдь не так гладко, как это ожидал штаб армии. И в этот день также не были выдер-

жаны предусмотренное приказом раннее время и общность атаки, к которой стремились. Наступление 41-й дивизии на юге, через Ваплиц, где располагалась половина русской дивизии, не удалось, так как противник, расположенный на фланге под Франкенау, не был отброшен днем раньше. К тому же силы дивизии не были достаточно свежи для выполнения такой трудной боевой задачи. Понеся тяжелые потери, дивизия должна была отойти назад на свою исходную позицию между озерами Конти и Тимау. Это удалось сделать по причине баснословной бездеятельности русских, которые, как пораженные параличом, стояли на месте, вместо того чтобы совершенно окружить противника. Так как атака 41-й дивизии севернее Мюленского озера не состоялась, то штабу корпуса казалось, что момент для атаки с фронта еще не настал; но командир 3-й резервной дивизии начал ее самовольно. Теперь следовало пустить в дело через Рейхенау в направлении Гогенштейна 37-ю дивизию, развернутую в исходное положение на левом фланге. Приказ штаба корпуса не приходил. После затянувшейся остановки в этом исходном положении дивизия по собственному почину, не зная об атаке 3-й резервной дивизии, двинулась против участка р. Древенц. Несмотря на это, она все же опоздала к решительному бою за Гогенштейн. Вскоре после полудня этот город был взят бригадой 3-й резервной дивизии. Победа была одержана резервными и ландверными войсками, без участия обоих фланговых дивизий, 41-й и 37-й. Тем временем вступила в бой и большая часть ландверной дивизии со стороны Бисселена, в районе севернее Гогенштейна; остальная часть дивизии не прибыла вследствие железнодорожного крушения. Противник перестал оказывать здесь сопротивление после того как он был взят во фланг артиллерийским огнем 3-й резервной дивизии.

Если предположить, что 27-го числа 41-я дивизия отбросила бы неприятеля от Франкенау, а половина 37-й заняла Ваплиц, в то время как другая половина первоначально оставалась в качестве корпусного резерва, то 37-я дивизия была бы избавлена от утомительного перехода на левый фланг, и 28-го числа обе дивизии могли бы совместно атаковать между Мюленским и Большим Маранзенским озерами. На севере немцам атаковать не было надобности; там судьба русских свершалась сама собой. Достаточно было только сперва расположить наготове севернее Бисселена вблизи поля сражения ландверную дивизию до тех пор, пока не был выяснен вопрос о движении II русского корпуса со стороны Алленштейна. Атака с фронта через Древенц, вероятно, произошла бы тогда в связи с фланговой атакой через Ваплиц.

Неудача 41-й дивизии возбудила беспокойство в штабе армии. Обстановка у неприятеля представлялась неясной; положение казалось критическим, прорыв русских на юг между Мюленским и Б. Маранзенским озерами—вероятным. Но русский XV корпус не смог бы уже выполнить такой отход к флангу, будучи атакован с фронта. Однако, если бы даже это было еще возможно, то тем самым корпус удалялся бы все больше и больше

от спешившего на выручку XIII корпуса, не имея шансов пробиться на юг, где 2-я немецкая дивизия на марше к Нейденбургу была в наилучшем положении, чтобы, развернувшись из походной колонны влево, принять в свои объятия части, которые прорвались бы под Ваплицом. Приказ штаба армии I корпусу — двигаться 2-й дивизией и находящимися еще при нем частями XX корпуса на Ронтцкен — едва ли был нужен. I корпус нашел под Сольдау только русские арьергарды; главные силы противника отошли. Арьергарды были отброшены 1-й дивизией, которая затем была повернута на Нейденбург. Под Сольдау осталась только 5-я ландверная бригада. В полдень штаб армии повторил I корпусу распоряжение поддержать 41-ю дивизию, в остальном продолжать преследование на Лана (севернее Нейденбурга).

Вскоре затем в штабе армии создалось впечатление, что противник пытался спастись в юго-восточном направлении. В 1 ч. 30 м. вышел приказ о преследовании: I корпусу в направлении на Вилленберг, XX — за линию Лана — Куркен. Развязка боя свершилась, настал момент окончательно захватить неприятеля. В этом положении ничего уж не мог изменить XIII русский корпус, который около полудня, продвигаясь через Грислинен к юго-западу, наткнулся на находившуюся под Бисселеном ландверную дивизию. При неравенстве сил неудивительно, что в лесах севернее Гогенштейна дело кончилось последним заслуживающим внимания успехом русских. Подходившая к Гогенштейну 37-я дивизия вследствие утомления не могла уже до вечера ничего предпринять. Северный фланг ландверной дивизии был разорван противником. Часть присоединилась к 37-й дивизии, другая отошла назад к северу. О вступлении в дело I резервного корпуса ничего еще не было слышно. Этот корпус не выполнил настойчивого требования штаба армии — выступить рано утром на Алленштейн, так как он хотел дождаться подхода XVII корпуса. I резервный корпус выступил из района южнее Вартенбурга только в 10 час. утра. Получив донесение, что под Алленштейном находятся лишь слабые силы противника, он взял направление еще южнее, на Стабиготтен. По плохим песчаным дорогам он лишь медленно продвигался вперед и в боях с частями XIII русского корпуса лишь в темноте достиг у Даретена дороги Алленштейн — Гогенштейн. Приказ командования армии еще сегодня атаковать противника под Гогенштейном попал в штаб корпуса только поздно вечером. С передачей приказов штабу XVII корпуса, ввиду дальности расстояния и плохой связи, дело также шло негладко. Отсюда возникли трения со штабом I резервного корпуса по поводу направления движения XVII корпуса — справа или слева от I резервного корпуса, или же опять к югу на Пассенгейм. Наконец, после полудня наладилась телефонная связь штаба армии со штабом XVII корпуса, которому теперь снова было дано прежнее направление на Едвабно и Ортельсбург. Поздно ночью, двигаясь в нескольких колоннах, корпус достиг головными частями района южнее Пас-

сенгейма и Ортельсбурга. В течение 28-го числа он вынужден был выполнять бесцельные переходы взад и вперед, в результате чего потерял 24 часа времени и силы. К тому же, вопреки предположениям штаба армии, он присоединил и взял с собою в поход на Алленштейн отряд (Abteilung), назначенный для движения через Пассенгейм. В результате дорога через Куркен на восток и теперь все еще была открыта для русских. Таким образом, направление XVII корпуса на Алленштейн было ошибочно. Если бы корпус 28-го продолжал движение одной дивизией через Пассенгейм на Куркен и через Едвабно на Кальтенборн, а другой через Ортельсбург на Вилленберг, то исход сражения и окружение были бы ускорены.

Не только по причине угрозы со стороны Неманской армии, которая 28-го после полудня снова вызвала сильную тревогу в штабе армии, но также и ввиду возможной попытки вновь прибывающих русских частей притти на выручку с юга или востока, все дело заключалось в том, чтобы быстро снять богатую жатву боя, окружив отступавшего противника. Так как штаб армии не подозревал о том, что путь через Куркен к востоку был еще свободен, то у него создалось ложное представление относительно обстановки. Он полагал, что можно будет вывести из боя XVII корпус, а также и I резервный корпус, чтобы развернуть их в исходное положение под Алленштейном, фронтом на северо-восток, против Неманской армии. Остальные войска должны были довершать окружение; одна из бригад 1-й кавалерийской дивизии, находившейся в прикрытии против Неманской армии у Росселя, подлежала доставке для преследования к Ортельсбургу. В результате первоначально против Неманской армии оставалось только 2 кавалерийских бригады; однако, штаб армии рассчитывал, что если даже I резервный корпус необходимо будет использовать против Наревской армии, то 29-го числа, кроме XVII корпуса, освободятся еще 2½ дивизии ландверных и крепостных частей для использования их против Неманской армии. Но эти расчеты были опять неверны, так как XVII корпус не мог быть освобожден от его более важной задачи — участвовать в окружении неприятеля в направлении с востока. Поэтому I резервный и XX корпуса получили приказ как можно скорее снять по одной дивизии. Но сначала и эти части были еще заняты задачами боя и преследования прежнего противника.

29 августа

Схема 16б

29-го числа продолжалась еще калейдоскопическая картина изменчивой обстановки; последние усилия были еще впереди, и еще нельзя было помышлять о новой операции против Неманской армии, которой дальновидная мысль штаба немецкой армии занималась уже в течение нескольких дней.

27-го генерал Ренненкампф еще имел намерение блокировать Кёнигсберг. В этот самый день высшее русское командование

отдало приказ об отходе II корпуса к Граеву, чтобы перебросить его по железной дороге в Варшаву, где на левом берегу Вислы должны были сосредоточиться 2 армии для похода на Берлин. Это мероприятие, вызванное настояниями французов, привело к тому, что, как раз в дни решительных боев, под Варшавой бездеятельно стояли немалые силы, которых нехватало Наревской армии для того, чтобы одержать победу: 1¾ корпуса и 2½ кавалерийских дивизии. После того как 27-го числа главнокомандующий Северо-западным фронтом генерал Жилинский получил донесение о тяжелом положении Наревской армии, он 28-го дал директиву Неманской армии притти на помощь Наревской армии; II корпус снова был оставлен в составе Неманской армии. 29-го 2 корпуса этой армии достигли примерно линии Прейсиш-Эйлау—Бартенштейн—Бишофштейн, в то время как другие стояли на линии Лабиау—Велау—Фридланд; 2 кавалерийские дивизии двигались на Вормдит, 1 кавалерийская дивизия дошла до района восточнее Бишофштейна. В ночь на 29-е, когда известия относительно Наревской армии становились все более неблагоприятными, генерал Жилинский еще раз побудил генерала Ренненкампфа к наступлению на Алленштейн. Но после сообщения о том, что Наревская армия уже начала отход, Неманская армия снова была приостановлена генералом Жилинским — видимо, с целью не поставить и ее в тяжелое положение. Благодаря нерешительности Ренненкампфа и Жилинского, штаб немецкой армии выиграл время, чтобы окончить окружение 2½ корпусов Наревской армии.

Если командующий этой армией генерал Самсонов выказал при своем наступлении смелость без оглядки, то оба других, в особенности Ренненкампф, лишенные «широты русской натуры», пришли со своими мероприятиями слишком поздно. Генерал Самсонов установил еще направления отхода для XV и XXIII корпусов на Янова, для XIII — на Хоржеле. Левый фланг — 2-я дивизия XXIII корпуса — должен был прикрывать движение на линии Франкенау — Грюнфлис — Бартошкен. I корпусу был отдан приказ об атаке «для выручки» на Нейденбург. Таким образом, генерал Самсонов правильно оценивал положение. В Янове он хотел снова взять бразды управления, которые ходом событий были вырваны из его рук. Первой жертвой окружения стали 29-го утром северо-восточнее Гогенштейна арьергарды XIII русского корпуса, которые были окружены с юго-запада 37-й дивизией, ландверной дивизией и 7-й резервной бригадой, а с северо-востока — I резервным корпусом, в то время как с востока отступление преграждалось Б. Плауцигским озером. Главные силы XIII корпуса, преследуемые 5-й резервной бригадой, первоначально еще ушли через открытый проход под Куркеном. Вечером там собралась 3-я резервная дивизия, которая, однако, была уже не в состоянии продолжать преследование. Часть (Abtilueng) I резервного корпуса шла восточнее Ланскерского озера к югу, но остановилась, вследствие утомления, северо-восточнее Куркена. Она так же, как и 3-я резервная дивизия, за-

хватила пленных и боевое снаряжение. Южнее Б. Маранзенского озера русский XV корпус отступал через Орлау в юго-восточном направлении под прикрытием 2-й дивизии, которая оказала мужественное сопротивление южнее Буякена и западнее Радомина (севернее Нейденбурга). Назначенная на Орлаусское направление 41-я немецкая дивизия не проявила между тем особого порыва в наступлении; она была задержана слабым противником и, после его отхода, дошла еще только до Орлау, где уже к вечеру расположилась на отдых, сделав за день 15 *км*.

Далее к югу вел преследование I корпус: 2-й дивизией через Ронтцкен на Грюнфлис, а 1-й дивизией — первоначально через Нейденбург, до Мушакена на дороге к Вилленбергу. 2-я дивизия восточнее Ронтцкена встретила сопротивление, которое не могла сразу сломить. Вместо того чтобы обходом справа главными силами немедленно продвинуться дальше, севернее Нейденбурга, дивизия выжидала подхода 41-й дивизии, которая двигалась еще медленнее. Севернее Нейденбурга русские тоже оказывали сопротивление, против которого была направлена артиллерия 1-й дивизии. Командир корпуса считался с возможностью попытки со стороны русских прорваться у Нейденбурга и потому сосредоточил сперва свой корпус в этом направлении. Между тем несколько полков дивизионной кавалерии двигались частью до Б. Данкенгейма, частью до окрестностей Вилленберга, которого вечером после блестящего перехода достигла часть XX корпуса, все еще находившаяся при I корпусе. I корпус вечером тоже продвинулся 1-й дивизией от Мушакена к Вилленбергу и занял перекрестки на этом участке. Вторая дивизия шла следом до Грюнфлиса. Пространство между Нейденбургом и Вилленбергом было, таким образом, до некоторой степени заперто. Пленные и обозы попали в руки немецких войск. Но главные силы русских еще находились в лесах, севернее дороги Нейденбург—Вилленберг.

XVII корпусу, который продвигался без непосредственного соприкосновения с противником, выпала задача запереть с востока пространство между Пассенгеймом и Вилленбергом. После форсированных переходов, его колонны достигли линии от района юго-западнее Пассенгейма до района примерно 10 *км* западнее Вилленберга; таким образом, кольцо было замкнуто со всех сторон. Правда, небольшие отряды русских могли проскользнуть между немецкими частями; быть может, и вся масса русских сомкнутым смелым ударом могла бы еще прорваться между Мушакеном и Вилленбергом, но для этого недоставало необходимых предпосылок: свежести войск, группировки и руководства.

30 августа

Схема 17

Попытка притти на выручку, о чем ген. Жилинский ночью еще отдал приказ, запоздала. Свежих войск в распоряжении не имелось, не считая Неманской армии, которая была слишком

далеко. Две дивизии ее кавалерии, направленной в «разведывательный налет» (Erkundungsvorstoss) на Алленштейн—Пассенгейм, повисли у Вормдита, занятого немецким ландштурмом. Одна кавалерийская дивизия подошла вплотную к Алленштейну, но тоже отступила после короткой перестрелки. Оба корпуса Неманской армии, которые походным движением на юго-запад дошли до линии Прейсиш-Эйлау — Бишофштейн, снова отходили назад на линию Фридланд — Шиппенбейль — Рессель. Не преследуемые больше немцами фланговые корпуса Наревской армии, I и VI, равно как и части XXIII корпуса, получили приказ наступать на Вилленберг — Нейденбург. Несколько часов спустя генерал Жилинский должен был понять, что помощь опоздала. Но приказ — повернуть обратно — не мог уж своевременно дойти до выступивших войск. Так русское командование в своих распоряжениях до конца плелось в хвосте событий, а генерала Самсонова, который один составлял в этом отношении исключение, вопиющим образом предало. Покинутый на произвол судьбы, он не нашел для себя другого выхода, как застрелиться.

Штаб немецкой армии на основании поступивших утром сообщений считал необходимым сделать заключение, что в направлении на Ортельсбург и Нейденбург русские предпринимали в широком масштабе попытку притти на выручку; казалось, что возникает новый тяжелый кризис, когда разговор по прямому проводу со штабом I корпуса в Нейденбурге был внезапно прерван выстрелами русской артиллерии. На Лаутенбург продвигалась сильная русская кавалерия, на Нейденбург — по крайней мере, один корпус, на Ортельсбург — более слабый противник. Главная опасность угрожала у Нейденбурга. Оба немецких корпуса, I и XVII, застигнутые попыткой русских притти на выручку и сильно удаленные друг от друга, были заняты окружением противника. Штаб армии помышлял даже о том, чтобы I корпусом отойти на Едвабно и на следующий день крупными силами атаковать неприятеля в охват под Нейденбургом. Принятые уже против Неманской армии меры пришлось оставить. Все, какие возможно, силы были двинуты к Нейденбургу: ландверные и крепостные войска, 41-я дивизия и 3-я резервная дивизия,— в общей сложности 4½ дивизии. Для поддержки XVII корпуса 37-я дивизия тоже должна была итти к югу, но она осталась пока, вследствие истощения, на дороге Гогенштейн — Алленштейн. Так как подкрепления могли дойти лишь 31-го числа, то I и XVII корпуса 30-го могли рассчитывать только на свои собственные силы.

Но энергичной русской попытки к выручке хватило лишь не надолго. Как под Нейденбургом, так и под Ортельсбургом части немцев с успехом оказывали упорное сопротивление. У Ортельсбурга помощь была оказана кавалерией I корпуса в направлении от Вилленберга, равно как и преследующей частью XVII корпуса, которая у Вилленберга снова повернула назад и поспешила к Ортельсбургу. Уже около полудня русские стали там отступать. Под Нейденбургом порыв русских к наступлению

разбился о мощную артиллерию немцев. Как штабом I корпуса, так и штабом армии на 31-е был предположен двухсторонний охват неприятеля под Нейденбургом с помощью подоспевших с севера и с запада подкреплений. Когда 41-я дивизия утром 31-го с северной стороны достигла города, неприятель уже отступил, обстреливаемый во фланг тяжелой артиллерией 5-й ландверной бригады, которая подошла от Сольдау.

Результат сражения

Бой окончился, Наревская армия была разбита. Не считая кровавых потерь, значительная часть армии попала в плен; то, что осталось, нельзя было использовать для новой операции без пополнения свежими боевыми силами. Политический результат, которым были отмечены Лейпциг и Седан, без сомнения, совершенно отсутствовал под Танненбергом. Здесь была только одна из многочисленных русских армий; еще не была устранена полностью опасность, угрожавшая Восточной Пруссии. Самое большое достижение победы заключалось в моральной стороне дела. Танненберг показал, что не приходилось бояться русского командования, если только не изменяло «счастье Танненберга».

В чем состояло это счастье? Было ли это «военное счастье» (Kriegsglück), о котором вообще обыкновенно говорят? Разумеется, здесь было и это счастье, но все же не только оно одно; была *последовательность в развитии операционной идеи и настойчивость в исполнении.*

Бесполезно спорить о том, принадлежит ли операция у Танненберга школе Мольтке или Шлиффена. Если уж говорить об особой шлиффеновской стратегии, то она является не чем иным, как дальнейшим развитием стратегии Мольтке, при изменившемся в позднейшее время соотношении сил. Генерал-фельдмаршал граф Мольтке мог оперировать с численным превосходством; граф Шлиффен учил, как можно одержать уничтожающую победу с меньшими силами. Операция под Танненбергом едва ли обнаруживает признаки сходства с Мецом и Седаном. Но не подлежит сомнению, что оперативная идея обороны Восточной Пруссии с меньшими силами по внутренним линиям в том виде, как она была осуществлена в действительности в Танненбергской операции, исходит от графа Шлиффена. Операция, конечно, не возникла заранее в форме твердого плана:

> «для этого обстановка была еще слишком невыясненной и сомнительной. Нужно было только от случая к случаю приказывать и делать то, что представлялось целесообразным» (Людендорф).

Эта целесообразность проистекала из *последовательности и настойчивости,* в которой оперативная мысль безошибочно получала постепенное оформление в частных случаях. То обстоятельство, что охват мог быть направлен не против всей Наревской армии, но только против ее центра, зависело от особенностей

данного случая, обусловленных оторванностью обоих флангов противника и местностью, изобилующей лесами и озерами. С немецкой стороны, в соответствии с природой стратегической взаимной работы, дело обошлось также не без некоторых трений, источники которых надо искать частью в младших начальниках, частью в командовании армии. А то, что, несмотря на эти трения, был достигнут большой успех, объясняется опять-таки последовательностью и настойчивостью, с которой командование армии проводило свою линию.

Как следовало действовать генералу Жилинскому после 20 августа, чтобы одержать победу

Схема 18

Немецкое командование под Танненбергом не дает повода к значительным критическим замечаниям. Иначе обстояло дело у русских. Поход в Восточную Пруссию мог бы кончиться для немцев весьма плохо, если бы командующий Северо-западным фронтом, генерал Жилинский, оказался на высоте задачи — твердой рукой осуществлять единство руководства над вверенными ему армиями в операциях против Восточной Пруссии. Хотя он был уже в мирное время начальником штаба русской армии, но во время войны все же не обнаружил тех способностей, которые необходимы для вождения армий. Так же как и младший Мольтке, он полагался на осмотрительность и самостоятельность командующих армиями и потому не проявлял собственной инициативы. Для того чтобы координировать движения нескольких армий и объединять их действия на общей цели, нельзя обойтись без определенных распоряжений.

Интересно разобрать, хотя это и представляется запоздалым, как должен был бы действовать Жилинский, чтобы овладеть Восточной Пруссией и окружить 8-ю немецкую армию.

Мы будем при этом исходить из обстановки 20 августа вечером, после того как немцы начали отходить от Гумбинена, не принимая, однако, во внимание, стали ли известны командующему Северо-западным фронтом подробности хода сражения уже в ночь на 21-е или нет.

Как только было получено известие об отходе немцев, естественным образом без долгих размышлений должно было возникнуть решение преследовать. Это само собой понятное побуждение, конечно, должен был бы испытывать уже командующий Неманской армией.

Тем не менее главнокомандующему Северо-западным фронтом не следовало отказываться от того, чтобы самому отдать приказ о преследовании, так как для хода дальнейших операций могло иметь решающее значение, какое направление изберет Неманская армия, а также будет ли она действовать решительно или с замедлением. Даже талантливому полководцу в подобных случаях не вредит поощрение, особенно если таковое сопровождается «зажигательными словами» к войскам. Наполеон I был мастером

этого дела, причем он считался больше с производимым впечатлением, нежели с истиной. Он также умел учитывать преследование уже в первоначальном начертании операционного плана. Фридрих II пишет:

«Если вы разбили врага в равнинной стране, то надлежит со всей энергией его преследовать».

...«Все время надоедайте противнику, не давайте ему покоя».

Орудие преследования — громадная масса кавалерии, свыше 5 дивизий, — имелось в распоряжении Неманской армии. Но она была утомлена еще до боя и вовсе не принимала участия в сражении 20-го числа. Тем более оснований имелось для того, чтобы в настоящий момент бросить ее в преследование.

«Следуйте за немцами по пятам! Не давайте им уйти за Вислу! Не успокаивайтесь до тех пор, пока над Мариенбургом не будет развеваться русское знамя!»

Ко всей армии должен был быть также обращен призыв:

«Довершите победу Гумбинена на Висле. Там вас ждет слава. Где бы противник ни стоял, он должен быть атакован. Тем временем Наревская армия будет наступать у него в тылу».

«Армейская кавалерия обоих флангов, вперед, против фронта Ландсберг — Бишофсбург; лишь одна кавалерийская дивизия направится севернее Прегеля, против Дейме. Армия следует незамедлительно через линию Алленбург — Ангербург».

Подобные распоряжения не требуют особых размышлений, а лишь непреклонной воли полководца.

Беглого взгляда на карту было достаточно, чтобы главному командованию Северо-западного фронта бросилась в глаза необходимость двух дальнейших мероприятий. Расположенный у Лыка II корпус стоит перед укрепленной цепью Мазурских озер. Прорыв привел бы его кратчайшим путем в тыл противника. Но так как в распоряжении не имеется достаточно сильной тяжелой артиллерии, то линия озер должна быть обойдена. Путь через Ангербург является кружным в направлении на Вислу; через Иоганнисбург на Ортельсбург корпус мог снова приблизиться к Наревской армии, в состав которой он прежде входил. Ввиду срочности, приказ об исполнении посылается непосредственно корпусу, а обе армии получают уведомление. У Августова, подобно одинокой пальме в пустыне, стоит еще 3-я гвардейская пехотная дивизия XXIII корпуса, другая половина которого — 2-я пехотная дивизия — находится за левым флангом Наревской армии. Наступила пора воссоединить корпус. Поэтому 3-я гвардейская дивизия перебрасывается по железной дороге через Варшаву в направлении на Млаву. Чтобы обеспечить своевременно свободное продвижение дивизии до Иллово, командованию Наревской армии предложено вызвать незамедлительно из Новогеоргиевска

стоящую там 1-ю стрелковую бригаду. Этим исчерпывались более необходимые распоряжения; главнокомандующий располагает досугом, в течение которого он может в оставшиеся ночные часы, сидя в удобном кресле, за большим столом, изучить карту и выработать план, как доконать немцев в Восточной Пруссии.

Где находятся свои войска? Не вдаваясь в детали, главнокомандующий устанавливает Неманскую армию по линии к западу от Пилькален,— Гольдап, имея на правом фланге четыре кавалерийских дивизии и одну отдельную кавалерийскую бригаду, на левом фланге, южнее Гольдапа,— стрелковую бригаду и одну кавалерийскую дивизию.

Три корпуса (XX, III и IV) собраны своею массою к правому флангу. Это не может иметь неблагоприятных последствий, раз только вся армия тотчас же переправится на южный берег Прегеля.

56-я пехотная дивизия достигает по железной дороге Вержболово и может следовать за правым флангом в качестве резерва и для защиты со стороны Кёнигсберга. Наревская армия еще не готова, чтобы нанести удар; она стоит четырьмя корпусами на линии от м. Мышинец до района юго-восточнее Млавы, имея перед левым флангом 2 кавалерийских дивизии, на правом — уступом назад у Кольно — кавалерийскую дивизию. II корпус стоит далеко, 1-я стрелковая бригада и 3-я гвардейская дивизия должны на следующий день начать перевозку по железной дороге. У Варшавы, где должна быть сосредоточена 9-я армия, входящая также в состав Северо-западного фронта, стоят гвардейский корпус и 5-я кавалерийская дивизия, готовые к действию. Главнокомандующий решает отрицательно вопрос о привлечении еще и этих сил к Наревской армии; он считает себя достаточно сильным на правом берегу Вислы, но намерен, однако, после соглашения с верховным командованием, двинуть тотчас же гвардейский корпус и 5-ю кавалерийскую дивизию левым берегом Вислы на Торн. Тогда они еще смогут в случае германского наступления со стороны Торн — Грауденц быть переброшены у Плоцка или Влоцлавска на правый берег.

Каковы намерения немцев? Маловероятно, чтобы они искали защиты под пушками Кёнигсберга, рискуя быть окруженными. Сомнительно также, чтобы они могли снова образовать фронт за Алле, так как в этом случае будет потеряно время, которым воспользуется Наревская армия в их тылу. Если они решили уступить всю территорию восточнее Вислы, то их вряд ли еще можно будет настичь; они имеют в своем распоряжении две провозоспособных ж.-д. линии, при помощи которых их отступление может быть ускорено. С большой долей вероятности можно допустить, что немцы нападут на Наревскую армию. Для сосредоточения своих сил они воспользуются железной дорогой. Немецкое наступление на Наревскую армию может протекать по трем основным направлениям. С севера — в направлении Алленштейн — Зенсбург. Но если Неманская армия и впредь будет

развивать преследование по пятам, то это направление для возможного наступления исключается. Наступление по линии Дейч-Эйлау — Алленштейн выгоднее благодаря наличию коммуникационной линии к Висле: немцы могут при помощи железных дорог доставить войска на оба фланга, вследствие чего создается выигрыш во времени перед Неманской армией, который они захотят использовать, чтобы свести счеты с Наревской армией. Если бы подобная конъюнктура создалась, то Наревской армии следовало бы усвоить осторожную сдержанность и таким способом дать возможность Неманской армии выиграть время, необходимое для того, чтобы поспеть на поле сражения. Оба наступательных направления немцев — северное и северо-западное — могут сочетаться друг с другом, но только в том случае, если Неманская армия несоответственно отстанет. Правый фланг Наревской армии ни в коем случае не должен подвергать себя опасности частичного поражения, но должен задерживаться, чтобы не быть окруженным. Третье наступательное направление ведет от линии Торн—Грауденц против левого фланга Наревской армии. Если бы немцы питали подобные замыслы, они должны были бы послать часть своих войск при помощи железной дороги левее Вислы, через Торн и Грауденц, может быть, вплоть до Страсбурга — Дейч-Эйлау. Это наступление могло бы распространиться на левом фланге до Остероде. Так как немцы имеют свои тыловые сообщения позади себя, а захождение влево Наревской армии могло бы быть серьезно приостановлено германским наступлением вдоль нижнего Древенца, то не остается ничего другого, как сперва уклониться от нападения движением к востоку и завлечь немцев за собой, для того чтобы расположенная уступами справа вперед Неманская армия могла зайти к югу. После этого должна быть сделана попытка путем объединенной атаки обеих армий оттеснить немцев к югу. Все эти возможности должны были учитываться русскими. При этом было необходимо, чтобы армии действовали каждая целиком и согласовали свои движения во времени. Чем скорее Неманская армия выигрывала бы пространство к юго-западу, тем быстрее наступала бы согласованность действий. Крепость Кёнигсберг не должна была являться поводом для промедления. Правофланговый корпус и стоящая за ним 56-я пехотная дивизия достаточно сильны, чтобы отбросить за Алле любое наступление от Кёнигсберга. Боязнь германского наступления от Торн — Грауденц не должна колебать намерения Наревской армии отрезать немцев от Вислы. Левый фланг Наревской армии должен быть сделан как можно сильнее, правый должен придвинуться влево и в случае необходимости не принимать атаки противника. В этом случае произойдет захождение фронта вокруг центра. Насколько простой кажется эта задача, настолько же трудно ее выполнение; опыт учит, что успешность совместных действий раздельно двигающихся армий легко становится сомнительной по причине случайностей войны или различия воззрений подчиненных начальников.

Мы концентрируем мероприятия, намеченные главнокомандующим Северо-западным фронтом, в нижеследующем приказе:

«1. Немцы отступают перед Неманской армией на Кёнигсберг или, что вероятнее, на Нижнюю Вислу, но это пока не установлено. Весьма вероятно, что они теперь же перейдут в наступление против Наревской армии. Представляется важным выяснить в ближайшее время, передвигаются ли немецкие войска по железным дорогам и куда.

2. Неманская армия направляет свою кавалерию на фронт Ландсберг — Бишофсбург, кроме одной дивизии, которая к северу от Прегеля служит прикрытием со стороны Дейме. Разведка по линии Прейсиш-Голлянд — Алленштейн — озеро Шпирдинг и против Кёнигсберга, южнее Прегеля. Одна бригада 1-й кавалерийской дивизии временно задерживается восточнее Мазурских озер для разведки и прикрытия со стороны Летцен — Арис. Железнодорожные линии Кёнигсберг — Мариенбург и Инстербург — Дейч-Эйлау надлежит разрушить в ряде пунктов, крупных же искусственных сооружений не уничтожать. Армия достигает к 25 августа линии Фридланд—Рессель. За правофланговым корпусом (XX) следует 56-я пехотная дивизия. Левофланговый корпус (IV) движется через Ангербург — Растенбург; за ним следует 5-я стрелковая бригада, которая избирает направление на Рейн, западнее Мазурских озер.

3. Наревская армия, к которой отходит II корпус, выдвигается до 24 августа на фронт: Ортельсбург (II) — Кальтенборн (VI) — Нейденбург (XIII) — Б. Тауерское озеро (XV) — Лаутенбург (I). 1-я стрелковая бригада поступает после выгрузки у Иллово в распоряжение XV корпуса, XXIII корпус следует вплотную за I.

4-я кавалерийская дивизия направляется через Ортельсбург на Гогенштейн, обеспечивая правый фланг армий от неожиданных нападений со стороны озерных и лесных районов между озером Шпирдинг и Алленштейном. 15-я и 6-я кавалерийские дивизии двигаются западнее Лаутенбурга, оставляют позади себя Древенц и направляются на Бишофсвердер. Разведки против линии Ризенбург — Грауденц, а также против Торна.

4. Гвардейский корпус, которому будет придана 5-я кавалерийская дивизия, начинает продвижение на Торн, левее Вислы.

5. Главные резервы стягиваются от Двинска (Динабурга) к Тильзиту, от Ковно на Инстербург и от Гродно на Лык.

6. Главная квартира Северо-западного фронта переводится 22-го в Остроленку».

В ночь на 22-е главнокомандующий Северо-западным фронтом отправляется специальным поездом в Вирбаллен (Вержболово) для переговоров с командующим Неманской армией, 24-го он встречается с командующим Наревской армией. В этих беседах проводится единство оперативных планов всех трех командующих; командующему Неманской армией настоятельно указывается на необходимость с его стороны энергично преследовать по пятам отступающего противника и никоим образом не отвлекаться Кёнигсбергом от главной своей задачи — действовать согласно с Наревской армией; командующему Наревской армией даются на

25-е следующие направления движения: II корпусу — Едвабно, VI—Франкенау, XIII—Гросс-Гардинен, XV—Монтово, I—Неймарк; XXIII корпус следует за I. 1-я стрелковая бригада в зависимости от требований обстановки либо придается XIII корпусу, либо следует за XV.

Мы обращаемся теперь к германской стороне и считаем установленным, что германское командование армией осталось при своем намерении атаковать Наревскую армию и в этих целях не только объединяет при помощи железных дорог I корпус и 3-ю резервную дивизию с XX корпусом, но предполагает оттянуть от Неманской армии и направить походным порядком к югу XVII корпус и I резервный корпус.

Предположенному продвижению русских мы противопоставим нижеследующую картину германского фронта на 25 августа. В общих чертах оно соответствует реальному положению на упомянутое число месяца. Северная группа, XVII корпус и I резервный, находятся между Зеебургом и Бартенштейном, на пути к югу. На расстоянии дневного перехода следуют головные части Неманской армии. 1-я кавалерийская дивизия отступает перед превосходными силами русской кавалерии через Прейсиш-Эйлау — Ландсберг. Главные резервы Кёнигсберга пытаются контрударом на Прейсиш-Эйлау удержать русскую кавалерию. Так как Неманская армия, не считая кавалерии, не располагает значительным превосходством сил, то Северная группа может сделать попытку оказать временное сопротивление по линии Зеебург — Гейльсберг или Гутштадт — Вормдит. Ее отступлению на запад, повидимому, ничто не угрожает. Движение же на юг во всяком случае сделается невозможным. В Южной группе усиленный XX корпус располагается от района южнее Гильгенбурга до озера Мюллен, I корпус собирается у Монтово, 3-я резервная дивизия двинута из Алленштейна в Гогенштейн.

Наревская армия переходит в наступление от Лаутенбург—Ортельсбург в косом боевом порядке. Ее левый фланг глубоко и сильно эшелонирован, правый сдерживается и тяготеет влево. Против I германского корпуса, кроме сильной кавалерии, оказывается тройной перевес в силах. Если корпус, еще не вполне сосредоточенный, остановится, то он будет окружен и раздавлен. Если он подастся на Прейсиш-Эйлау, то этим откроется русским свободный путь в тыл XX корпуса. Последний мог бы попытаться вместе с 3-й резервной дивизией посредством встречного наступления на Гросс-Гардинен—Франкенау отбросить XIII и VI русские корпуса. Но если допустить даже, что это ему удалось бы, общее положение не улучшилось бы, так как 26-го в тылу 3-й резервной дивизии появляется II русский корпус, а в тылу XX корпуса — 2 или 3 русских корпуса, которые одерживают верх над I корпусом. Останется ли Южная группа на месте, перейдет ли она в наступление — в обоих случаях она будет окружена. Если она отступит, не ожидая атаки, то при достаточно энергичном движении русских на Мариенбург будет оттеснена

к северу. Если она окажет у Дейч-Эйлау или у Ризенбурга временное сопротивление, то охватывающий левый русский фланг быстро вынудит ее к дальнейшему отступлению. Судьба Южной группы, таким образом, решена. Северная группа в лучшем положении, — ей предстоит от Бартенштейна до Ногата еще 4 форсированных дневных перехода, но и левый фланг Наревской армии от Лаутенбурга до Мариенбурга настолько же далек. Поэтому она поступит разумно, если впредь будет без дальнейших промедлений продолжать движение на запад. Мы оставим открытым вопрос, будет ли еще в состоянии русская кавалерия отрезать ей путь. Так как опыт учит нас, что в состязании между наступлением и отступлением выигрывает тот, у кого «длиннее ноги», то Северная германская группа может надеяться еще попасть за Вислу. Если же Южная германская группа не хотела подвергаться риску быть отрезанной от Вислы и оказаться окруженной противником, то она должна была еще в ночь с 23-го на 24-е начать отступление, а именно I корпусом—на Мариенвердер, XX — на Ризенбург и 3-й резервной дивизией — на Кристбург. Находящиеся еще в пути по железной дороге части I корпуса могли бы быть продвинуты дальше через Диршау на Мариенвердер. По указанной линии надлежало бы создать такую полевую позицию, которая позволила бы выждать подхода Северной группы. Возможно, что главнокомандующий русским Северо-западным фронтом, если бы немцев не оказалось у Дейч-Эйлау, изменил бы свой план и повернул бы фронт больше на запад.

* * *

Из произведенного исследования вытекает, что 23 августа день прибытия нового командования 8-й армией в Мариенбург был решающим днем для наступления против Наревской армии.

Оперативная обстановка для немцев сложилась на это число благоприятно вследствие того, что Неманская армия отдыхала 2 дня на поле сражения Гумбинена, тогда как Наревская армия уже 23-го перешла линию Сольдау — Нейденбург — Ортельсбург. Это невыгодное соотношение во времени между обеими русскими армиями способствовало удаче немцев в выполнении их операции.

XI

НА МАЗУРСКИХ ОЗЕРАХ

Схемы 19—21

Соглашение между Мольтке и Конрадом. Преследование до Нарева

Схема 19

Генерал фон-Мольтке еще до войны дал обещание поддерживать австро-венгерское наступление из Галиции между Бугом и Вислой немецким наступлением из Восточной Пруссии на Нарев. Во исполнение этого обещания операции в Восточной Пруссии должны были протекать таким образом, чтобы сначала была уничтожена русская Неманская армия, а потом прогнана с пути Наревская армия. После этого дорога через Нарев была бы открыта для немцев; в быстром же падении укреплений на Нареве не было сомнений. При преследовании русских немцам удалось перейти через реку. Следовало ожидать выступления новых русских сил с линии Белосток — Брест-Литовск и от Варшавы. С этим приходилось считаться, чтобы выполнить обещание, данное генералу Конраду фон-Хетцендорф. Но так как последовательность операций в Восточной Пруссии не была выдержана, то вышло иное. После сражения при Танненберге Неманская русская армия все еще продолжала стоять в Восточной Пруссии, угрожая с тыла немецкой операции против Нарева и за Нарев. Как уже упоминалось, русские намеревались соединить у Варшавы 2 армии, чтобы двигаться кратчайшим путем на Берлин. Предназначенные для этого войска под давлением боевой обстановки пришлось частично выделить в другие армии, хотя внутри России и в ее азиатских областях было еще достаточно войск, чтобы сформировать новую армию если не у Варшавы, то на Среднем Буге или же на р. Бобре. Но на это требовалось во всяком случае несколько недель времени.

После сражения при Танненберге у немцев было много оснований немедленно повести преследование русских, по крайней мере до Нарева, а также совершенно разбить остатки самсоновской армии, равно как и подходившие еще подкрепления. Как

далеко удастся продвинуться за Нарев и удастся ли вообще, оставалось под вопросом. Для защиты тыла 8-й армии со стороны Неманской русской армии только что прибыли с запада в Восточную Пруссию XI корпус и гвардейский резервный корпус, а также 8-я кавалерийская дивизия. Вообще казалось невероятным, чтобы Неманская армия после тяжелых испытаний под Танненбергом снова попробовала без значительных подкреплений проникнуть в Восточную Пруссию. Она могла, двинувшись на юг восточнее озер, по направлению к Белостоку, попытаться присоединиться к вновь формируемой там армии. Часть войск могла быть переброшена туда по железной дороге. Наиболее же вероятным представлялось, что Неманская армия останется там, где она находилась, между Дейме и оз. Мауер, запирая, так сказать, ворота в Россию. В конце концов, она могла отойти за линию Немана, на участок Ковно — Гродно.

Таким образом, преследование русских до Нарева едва ли представляло для немцев какой-нибудь риск. Возможно, что при движении Неманской армии к югу, восточнее озер, представился бы благоприятный случай напасть на нее с двух сторон, с юга и с севера, но при этих предположениях и маршах не следовало упускать из вида бездорожья принаревского района (Vorland). Если бы Неманская армия, вопреки ожиданиям, двинулась на Алленштейн западнее озер, то массу 8-й армии можно было бы извлечь из преследований и повести, таким способом, операцию против левого фланга неприятеля, как это выполнили с успехом XVII корпус и I резервный корпус против правого фланга Наревской армии.

Преследование до Нарева, конечно, облегчило бы положение австро-венгерской армии, но не могло быть и речи о том, чтобы австро-венгерская армия смогла благодаря этому одержать победу между Бугом и Вислой. Для этого немецкое наступление должно было бы простираться так далеко на юг, чтобы союзные вооруженные силы могли протянуть друг другу руки на поле сражения. Но в конце августа поля сражений на южной границе Восточной Пруссии и между Бугом и Вислой были удалены один от другого почти на 300 *км*. При таких пространствах одновременные совместные действия на поле сражения следовало считать исключенными. Конечно, натиск немецких войск через Нарев по направлению на Седлец—Луков мог бы оказать значительное воздействие, если бы только хватило сил для такой операции. Но этого не было. Если бы 4½ немецких корпуса перешли Нарев, то чем дальше они продвинулись бы на юг, тем больше сил потребовалось бы для защиты обоих флангов. Сколько при этом осталось бы на фронте, учесть нельзя, так как русские, помимо плацдарма, образованного кольцом крепостей: Осовец — Новогеоргиевск — Варшава — Ивангород — Брест-Литовск (куда направлялись немцы), могли появиться на Среднем Буге, на левом фланге немецкой армии.

Положение австро-венгерской армии

Еще 28 августа, в то время, когда под Танненбергом продолжалось сражение, генерал фон-Конрад настоятельно желал немецкого наступления через Нарев. В последующие дни он повторил свою просьбу и попытался даже оказать давление на германского императора.

Дела австро-венгерских войск были не блестящи. После первоначальных успехов у Красника и Томашова, между Бугом и Вислой, нехватило сил для продолжения операций на север, на фронте Восточной группы войск. Превосходство сил неприятеля выразилось в охвате вдоль Днестра и севернее Лемберга (Львова).

Немецкий генерал, состоявший при австро-венгерском высшем командовании, считал 31 августа, что отход от Львова предстоял в ближайшем будущем. Штаб армии в это время также приходил к мысли об отступлении за Сан. Победа 4-й армии у Комарова 1 сентября снова представила обстановку в более благоприятном свете и создала возможность повернуть массу этой армии, чтобы ударить в тыл и во фланг правого крыла русских перед Лембергом (Львовом), сильно угрожавшего флангу 3-й армии.

Оставим открытым вопрос, не лучше ли было бы сперва продолжать 4-й армией преследование на север, чтобы сделать захождение влево против русских, стоявших против 1-й армии, и нанести поражение русским между Бугом и Вислой.

Во всяком случае, ввиду превосходства сил русских у Львова, не следовало ввязываться в упорные бои, но отступать на широком фронте и попытаться всеми средствами создать резерв за левым флангом 3-й армии. Между тем оперативное положение австро-венгерской армии сделалось менее благоприятным, чем это хотел допустить генерал Конрад. Операция пошла эксцентрически, разрозненно, и обе группы войск при этом должны были истощить свои силы. Поэтому понятно, что генерал Конрад просил 1 сентября о присылке в Галицию по крайней мере 2 немецких армейских корпусов, так как он сам имел в своем распоряжении только 2 дивизии, перевозимые с сербской границы.

Немецкое высшее командование не могло удовлетворить эту просьбу. Оно этим самым повторило бы ошибку, которую уже сделало, послав подкрепления в Восточную Пруссию, и еще более ослабило бы себя на западе перед предстоявшими решительными боями. Нельзя было бы потребовать от немцев, чтобы они сделали для помощи союзникам что-либо большее, чем преследование до Нарева. Как немецкое высшее командование, так и штаб 8-й армии считали, что даже и настолько они продвинуться не смогут. Опасение нового наступления Неманской армии заставляло принять решение сначала очистить Восточную Пруссию от русских, прежде чем оказать помощь своему союзнику.

Граф Шлиффен в подобном положении (задача 1898 г.), — когда речь шла о том, чтобы после победы над Неманской арми-

ей повернуться и наступать на Наревскую, — сперва проводил преследование первой из них, а в дальнейшем продвижении последней в Восточную Пруссию не видел никакого вреда. Если бы в 1914 г. после Танненберга Неманская армия снова начала наступать, хотя бы по направлению к Алленштейну, то справа ей пришлось бы прикрываться от Кёнигсберга, а слева ей было бы необходимо занять проходы в озерах. Без подхода новых сил и без сильного прилива энергии у командующего армией он едва ли отважился бы на операцию, в которой он должен был рассчитывать только на себя самого и не мог ожидать никакой поддержки с юга, как при первом наступлении в Восточную Пруссию. То, что в Ренненкампфе не пылал дух Суворова, было уже известно из предыдущих событий. Но и русское главное командование пока не думало о том, чтобы снова предпринять наступление в Восточную Пруссию.

Генерал фон-Конрад упорно держался своего плана и делал крайние усилия, чтобы одержать победу. Но, несмотря на это, операция в Галиции после многонедельных тяжких боев окончилась такой неудачей, которая наполнила впечатлительного генерала Мольтке даже боязнью, что Австро-Венгрия может подумать о сепаратном мире с Россией. Только благодаря энергии и решительности генерала Конрада австро-венгерская армия через короткое время, снова встав на ноги, сделалась боеспособной.

Шлиффен, разрабатывая свои оперативные планы с 1896 г., не включал в круг рассмотрения совместные действия с австро-венгерской армией; между ним и начальником генерального штаба союзной армии не было никаких совещаний и обоюдных решений относительно оперативных целей войны.

Соглашение, состоявшееся позднее путем переписки между Мольтке и Конрадом, не было приведено в исполнение, так как обстоятельства оказались сильнее хороших намерений.

Вопрос о переброске австро-венгерских войск в Восточную Пруссию

Каким же образом ген. Конрад со своим выдающимся умом стал рассматривать в конце августа и в начале сентября не только свой собственный, но также Галицийский и Восточнопрусский театры военных действий, как единый оперативный район? Учел ли он оперативные последствия сражений при Лемберге и Танненберге? Так как в действительности тогда уже родилась мысль об отступлении за Сан, то можно было также взвесить, как извлечь пользу для общего положения союзных войск из победы под Танненбергом.

Австро-венгерская армия была еще в хорошем состоянии и смогла бы при своевременном прекращении боев и отходе за Сан вскоре стать способной к выполнению новых задач. Совершенно ясно, что тогда в Галиции могла быть принята в соображение только оборона р. Сан. Австро-венгерская армия должна была оставаться в таком положении достаточно долго и могла бы освободить значительные силы для других целей.

Где же представлялся случай для совместной операции? Только в Восточной Пруссии, где победа под Танненбергом только что раскрыла ворота через Нарев. Вместо того чтобы взывать о помощи для Галицийского театра военных действий, для генерала Конрада было бы, может быть, лучше самому оказать помощь Восточной Пруссии, чтобы извлечь еще больше из танненбергской операции. И вот в этом случае Конрад должен был бы телеграфировать Мольтке 31 августа или 1 сентября:

«Австро-венгерская армия переходит к обороне за р. Сан; большие силы освобождаются и должны быть переброшены по железной дороге в Восточную Пруссию для совместных действий с 8-й армией. Просьба — эту последнюю бросить в преследование на Нарев. Австро-венгерские войска в Восточной Пруссии будут подчинены генералу фон-Гинденбургу. Прошу согласия на дальнейшие переговоры между ним и мной».

Если бы просьба о преследовании на Нарев была передана в такой форме, то немецкое высшее командование едва ли могло бы уклониться от ее исполнения.

Исследование того, как могла бы быть проведена эта совместная операция, выходит за пределы нашего рассмотрения. Возникал целый ряд вопросов. Могла ли удержать австро-венгерская армия линию Сана, если бы она передала в Восточную Пруссию 8—10 дивизий? Когда они могли бы туда прибыть? Едва ли раньше, чем между 12 и 15 сентября. Что происходило бы в это время в Восточной Пруссии? Не произошли ли бы до этого времени столкновения между 8-й немецкой армией и русской Неманской армией? Чтобы провести совместную операцию в Восточной Пруссии, требовалось, таким образом, весьма опытное командование. Кроме того, многие читатели будут того мнения, что если бы такой план исходил от немцев, то наши союзники его отклонили бы целиком. Если бы даже он исходил от самого генерала Конрада, то существующее недоверие очень затруднило бы соглашение. Но надо признать, что этот план, по всей вероятности, привел бы к гораздо лучшему положению действительный ход событий в Галиции в сентябре 1914 г.

Конечно, русские вскоре перебросили бы силы с Юго-западного фронта на Северный, но союзники все же имели бы преимущество, так как они могли опередить русских в перегруппировке, и в то же время едва ли можно было бы придумать большую неожиданность для русских. Между тем тяжеловесности русских войск лучше всего было противопоставить фантазию и предприимчивость командования. Это было осью стратегии «выигрыша времени», принятой на Восточном театре военных действий.

Положение в Восточной Пруссии в начале сентября

Подкрепления, прибывшие с запада, и извлечение главного резерва из крепости Познань увеличили наличные силы немецких войск в Восточной Пруссии до 18½ пехотных и 2 кавале-

рийских дивизий. Усилившаяся в свою очередь Неманская армия оценивалась в 11½ пехотных и 5½ кавалерийских дивизий. Кроме того, ожидался подход новых русских сил из Гродно. В общем, число русских на Восточнопрусском фронте определялось в 20 пехотных дивизий, не считая остатков Наревской армии. В действительности Ренненкампф в начале сентября имел в своем распоряжении более 16½ пехотных и 5½ кавалерийских дивизий. Но так как он не рискнул взять все полевые войска из крепостей, то для боя у него оставалось только 14 пехотных дивизий. Из новой 10-й армии постепенно прибывали к Граеву и Ломже 2 корпуса — XXII и III Сибирский. Другие 2 корпуса — I Туркестанский и II Кавказский — следовали за ними. Надеялись в середине сентября снова начать наступление по всей линии. До тех пор 2-я армия должна была вновь стать способной к наступлению. Около Варшавы, Новогеоргиевска и Пултуска было расположено несколько пехотных и кавалерийских дивизий из опасения нового немецкого наступления через Нарев. До возобновления наступления Неманская армия должна была упорно защищаться севернее Мазурских озер.

Русские позиции на Дейме, Алле и Омет были сильны от природы; при этом правый фланг примыкал к заливу Куришгаф, а левый — к Мазурским озерам. Русские находились тактически в очень благоприятном положении. Если бы 10-я армия своевременно прибыла на позиции, то она могла бы встретить немецкий охват восточнее Мазурских озер и противодействовать движению немцев через Лык и южнее. Однако, Ренненкампф, странным образом, заботился не о своем левом фланге, а о правом, где он опасался немецких действий через залив и со стороны моря. Поэтому он держал целый корпус за правым флангом; в Тильзите находились части одной дивизии; кроме того, одна дивизия находилась у Инстербурга, а другая — у Даркемена. Одна кавалерийская дивизия, которая позднее должна была присоединиться к 10-й армии, располагалась у Гольдапа. Кавалерийская масса отошла за фронт. Мысль о переброске ее на левое крыло и о продвижении на юг восточнее озер, повидимому, не рассматривалась. Фронт от Лабиау до Ангербурга удерживали 7 дивизий, а узкие проходы между мелкими озерами, юго-восточнее Ангербурга до Видминнен, запирала только одна дивизия. Русские позиции были оборудованы для обороны полевыми средствами: перевозка из крепостей тяжелой артиллерии произведена не была.

Расчет велся на прорыв немецких сил с линии озер через Летцен, но не на выдвижение их в обход южной оконечности озер.

Хотя немецкому командованию не могли быть известны все подробности, которые мы только что привели, но все-таки общая картина расположения неприятеля была достаточно ясна, чтобы составить определенный план наступления. Простое фронтальное наступление не давало надежды на успех прорыва; русские в лучшем случае были бы оттиснуты по направлению к Ковно. Поэтому не следовало отказываться от охвата. Нанести главный удар севернее р. Прегеля было нельзя по причине не-

благоприятных местных условий. Даже при успешном наступлении через Дейме нельзя было выйти во фланг русским, а при захождении на юг пришлось бы натолкнуться на препятствие в виде реки Прегель. Несомненно, будь немцы сильнее, они не могли бы отказаться от сочетания наступления восточнее цепи озер с продвижением больших сил севернее Прегеля. Но при существовавшем соотношении сил приходилось ограничиваться проведением в жизнь решения действовать против левого русского фланга. Каким образом это должно было быть выполнено?

Разбор обстановки

[Схема 20

Командующий 8-й армией решил наступать против русских с $^{2}/_{3}$ имевшихся у него сил на фронте между озером Мауер и Прегелем, а $^{1}/_{3}$ бросить восточнее озер для охвата. Без всякой опасности для фронта возможно было выгоднее распределить силы примерно в соотношении $^{1}/_{2}$: $^{1}/_{2}$. Нельзя было предугадать, когда и какими силами будет наступать противник от Гродно против правого фланга немцев. От Гольдапа до Иоганнисбурга около 80 *км*. Правый немецкий фланг надо было поэтому глубоко эшелонировать, чтобы не попасть в затруднение при русском натиске с востока. Представлялось мало вероятным, чтобы русские предприняли контрнаступление на фронте, но все же это обстоятельство не следовало упускать из вида. Где придется немцам отражать контрнаступление, это зависело главным образом от времени, когда оно начнется. Русские оказали бы при этом «любезную услугу» немцам, так как привлекли бы на фронт свои резервы и сверх того удлинили бы свои фланги, что облегчило бы охват немцам. Для того чтобы при всех обстоятельствах связать русские резервы на фронте, требовалось энергичное наступление на русские позиции, но движение по обеим сторонам озер должно было проводиться согласованно, чтобы охватывающее крыло не опоздало; когда левофланговый корпус достигнет Прейсиш-Эйлау, правофланговый должен был стоять у Лыка. Для выполнения задач восточнее озер следовало образовать «батальонное карре», имея у Лыка I корпус; позади — у Бялы — 3-ю резервную дивизию; дальше — ландверную дивизию и 70-ю ландверную бригаду; XVII корпус — у Ариса, а XI — у Рейна; впереди для завесы (Verschleierung) одну дивизию XX корпуса — у Летцена, а другую, как резерв армии,— у Растенбурга. Перед таким разделением корпуса не следовало останавливаться, так как командование XX корпуса могло принять на себя общее управление фронтальным наступлением, тогда как командование армии управляло бы главным наступлением восточнее озер, находясь в большой близости, около Летцена. При большом протяжении операции и разделении озерами такой порядок подчинения представлялся выгодным; конечно, нельзя было рассчитывать, что правому флангу удастся дойти до Лыка без боя. На этом основании, ввиду дальности продвижения правого флан-

га, надо было обеспечить ему выигрыш времени и возможность объединения для боя на правом фланге двух—трех корпусов. Эти слабые стороны операции можно было обезвредить соответственной группировкой. Согласованностью продвижения по обеим сторонам озер необходимо было добиться того, чтобы фронтальное наступление последовало в тот же момент, когда главное наступление перейдет линию Маргграбова — Летцен. Это требовало особенно искусного поведения командования на фронте, чтобы русские не отступили преждевременно и не уклонились от охвата. От этого всегда зависит успех обходного движения.

К счастью для немцев, ген. Ренненкампф, проявивший так мало решительности при наступлении, теперь в обороне твердо решил принять бой на выбранных позициях, хотя его начальник штаба советовал ему отвести армию назад на линию Инстербург — Гольдап, «чтобы угрожать немцам с севера, если они будут продвигаться через район озер». Между этими двумя лицами, казалось, было так мало согласия, что ни разу не явилась мысль о подготовке достаточно сильного резерва у Гольдапа, чтобы атаковать немцев, если бы они двинулись с юга в обход русского левого фланга. Такое уступное расположение резервов было признано излишним, повидимому, потому, что 10-я армия могла принять на себя роль такого резерва. Но где же была 10-я армия? До сих пор этой армии еще не существовало как целого, а с ее частями, которые действительно выступали против немцев при их наступлении южнее вокруг Мазурских озер, у Иоганнисбурга, Бялы и Лыка, немцы справлялись легче, чем этого можно было ожидать по соотношению сил. 10-й русской армии не удалось преградить дорогу немцам восточнее озер, но и немцы также не были там настолько сильны, чтобы продвинуться вправо до Маргграбова. Это оказалось невыгодно при преследовании и воспрепятствовало оттеснению Неманской армии на север.

Начало операции против Неманской армии

Схема 21

Для защиты южной границы Пруссии между Торном и Хоржеле, кроме крепостного (главного) резерва из Торна, были назначены: резерв крепости Грауденца, 70-я ландверная бригада и ландверная дивизия. Задача должна была решаться по возможности наступательно, преследованием остатков Наревской армии, чем одновременно выполнялись австро-венгерские пожелания.

«Но все же не намеревались долго задерживать эти силы на южной границе. В дальнейшем они должны были следовать за наступавшим на восток охватывающим флангом армии, а также быть наготове к частичной переброске по железной дороге в другие места из Сольдау или Ортельсбурга. Их место должен был занять ландштурм» (Рейхсархив).

Для прикрытия правого фланга армии была направлена 3-я резервная дивизия сначала к Мышинцу, а оттуда — к Бяле. Ре-

зервы из Кёнигсберга и Познани должны были присоединиться к движению южнее Кёнигсберга, войдя в состав левого фланга армии. Севернее Прегеля предусматривалась оборона. Таким образом, для наступления оставалось 6 корпусов (6-я ландверная бригада была присоединена к I резервному корпусу).

5 сентября армия стояла наготове на линии Ортельсбург — Мельзак. 2 корпуса были назначены для перехода через линию озер: I — через Николайкен и XVII — через Летцен. Некоторое время предполагалось оба эти корпуса также удержать западнее озерной линии, так как появились некоторые признаки того, что русские намереваются перейти в наступление. Но так как в дальнейшем это не подтвердилось, то командование армией решилось повести южнее вокруг Мазурских озер, по направлению к Бяле и Арису, кроме 3-й резервной дивизии и 1-й кавалерийской бригады, также и 1-ю пехотную дивизию, в то время как 2-я пехотная дивизия была оставлена на прежнем направлении через дефиле Николайкена.

6 сентября армия вышла на линию Иоганнисбурга (I) — Николайкен (I) — Рейн (XVII) — Рессель (XX) — Бишофштейн (XI) — Бартенштейн (I резервный) — Прейсиш-Эйлау (гвардейский резервный). Перед фронтом у Растенбурга стояло $^2/_3$ 1-й кавалерийской дивизии, в то время как 8-я кавалерийская дивизия, которая была выгружена слишком далеко позади фронта, дошла до Гутштадта, находившегося позади фронта. Левый фланг русских в озерном районе к северо-востоку от Летцена нашел благоприятные условия для обороны, а потому нельзя было сказать, что немецкий охватывающий фланг был достаточно силен для своей трудной задачи. Две или три дивизии могли быть легко скованы наступлением русских с востока. У Остроленки и Ломжи стояло по одной русской дивизии, а от Граева к Иоганнисбургу направлялась колонна русских, численность которой, быть может, доходила до одной дивизии. 6 сентября русские оттеснили немецкие войска, выдвинутые к Иоганнисбургу, но вечером были отброшены к Бяле авангардом 1-й пехотной дивизии.

Так как на фронте Неманской армии было спокойно, то немецкий правый фланг продолжал 7 сентября продвигаться через линию озер, причем I корпус шел через Арис до Видминен, а XVII—через Летцен. На правом фланге 3-я резервная дивизия у Бялы наткнулась на те же неприятельские войска, которые днем раньше уже были выбиты из Иоганнисбурга авангардом 1-й дивизии. Охваченные с двух сторон, они были отброшены в северо-восточном направлении. В дальнейшем 1-я дивизия натолкнулась на неприятельские войска южнее Ариса. Очевидно, это были части XXII русского корпуса, выгружавшегося у Граево. У Ломжи и Остроленки неприятель сначала не отваживался выдвигаться со своих хорошо обеспеченных позиций. Перед фронтом XVII корпуса, севернее Летцена,

«повидимому, стояла только одна единственная бригада 43-й русской пехотной дивизии» (Рейхсархив).

Таким образом, положение складывалось благоприятно; следовало только быстро использовать его, так как неприятель мог день ото дня усилиться у Граево. Ландверная дивизия, прибывщая в Ружаны (Rudczanny)[1] частью пешим порядком, частью по железной дороге, должна была одна принять на себя защиту от неприятеля со стороны Граево. Остальными пятью дивизиями предполагалось немедленно наступать восточнее озер для атаки противника северо-восточнее Летцена.

XVII корпус развернул 8 сентября обе дивизии против русских позиций у Кругланкена и Посесерна, в то время как I корпус, отбросив неприятеля у Ариса, достиг местности южнее Видминнен и юго-восточнее Летцена. $^2/_3$ 1-й кавалерийской дивизии дошли до района восточнее Летцена, а 8-я кавалерийская дивизия — до района северо-восточнее Рейна. 3-я резервная дивизия не продвинулась далеко за Бялу, так как хотела оставаться на фланге нового противника, который двигался из Лыка на запад.

На фронте западнее озер 7 сентября корпуса были сосредоточены на линии Растенбург — Фридланд, а 8 сентября, не встретив сопротивления, они подошли к главной русской позиции настолько, что 9-го могло последовать общее наступление.

Для того чтобы привлечь внимание русских к необходимости обеспечения их правого фланга, немецкое командование армии еще 7-го дало по радио ложное сообщение о прибытии к Дейме 2 новых немецких корпусов. Это сообщение по радио могло быть в ущерб самим немцам. Русское командование Северо-западного фронта уже распознало немецкое «охватывающее движение». Если теперь на Дейме угрожало еще сильнее немецкое наступление, то снова могла возникнуть мысль своевременно уклониться от опасности двойного охвата. И действительно 8 сентября главнокомандующий Северо-западным фронтом указал ген. Ренненкампфу в случае необходимости отойти к Гумбинену. 10-я армия в свою очередь «в случае наступления значительных неприятельских сил» должна была отойти к Августову и Граеву. Но, к счастью для немцев, русское высшее командование снова подавило эти мысли и решило бросить 10-ю армию: XXII корпус — через Лык на Николайкен, а III Сибирский корпус — через Бялу на Иоганнисбург, чтобы остановить немецкое обходное движение. 2-я (Наревская) армия тоже начала наступать на Мышинец и Хоржеле в составе 5½ ослабленных дивизий и 3 кавалерийских дивизий. Но этот контрудар был слишком запоздалым и слишком слабым. У Лыка было налицо лишь около 2 бригад XXII корпуса, а III Сибирский корпус еще не был собран. Его силы были еще разбросаны по частям в укреплениях по Нареву, где они были только что сменены частями I и II Туркестанских корпусов. Если бы русское высшее командование поняло правильно большую опасность, в которой 8 ноября уже была Неманская армия, то оно, вероятно, изыскало бы другой способ помощи, ибо операции

[1] Около 15 *км* западнее Иоганнисбурга.

в Восточной Пруссии в этот момент не могли оказать никакого влияния на исход действий против австрийской армии. Если же Неманская армия оказалась бы так же основательно разбитой, как и Наревская, то значительные немецкие силы освободились бы для новой операции или для непосредственной поддержки австро-венгерской армии.

С точки зрения общего положения на стороне русских, им оперативно было бы лучше не принимать на восточно-прусской границе решительного сражения, а держаться операций «для выигрыша времени» до тех пор, пока не была бы окончательно разбита австро-венгерская армия. 8 сентября был психологический момент, когда русское командование могло еще изменить течение событий.

Рассмотрим теперь идею, которую высказал начальник штаба Неманской армии еще 31 августа. В то время как русские позиции остаются заняты слабыми силами, вся Неманская армия в ночь на 9-е одновременно отходит назад, причем дивизии, находящиеся на фронте Алленбург — Ангербург, отходят на линию Инстербург — Даркемен — Гольдап *(схема 20).* Дивизии, находящиеся между Лабиау и Алленбургом, сосредоточиваются севернее Прегеля и образуют резерв армии севернее Инстербурга. Сюда же присоединяется также дивизия, удержанная у Инстербурга. Дивизия, стоящая около Даркемена, занимает южную окраину Роминтенской пущи. Войска между озером Мауер и Видминен остаются 9-го на своих позициях, упорно защищают их и отходят только по приказу армейского командования. Вся кавалерия армии стягивается восточнее линии Гольдап — Марграбова. Линия Инстребург — Гольдап приспособляется к обороне. Если немцы перейдут Прегель, чтобы обойти правое крыло, то предусматривается контрудар.

Если немцы попытаются обойти левый фланг, то намечается дальнейший отход слева до линии Пилькален — Сталюпенен — Вишайны.

Тем временем 10-я армия может собраться на линии Граево — Кольно, а 2-я — у Прасныша. Части, стоящие у Варшавы, присоединяются ко 2-й армии. После того как австро-венгерская армия будет разбита, новые силы с Юго-западного фронта могут быть переброшены по железной дороге в район Млавы. Что стали бы делать немцы, если бы они заметили, что русские позиции между озером Мауер и Дейме заняты только арьергардами, которые, оказав незначительное сопротивление, отойдут также назад? Останется только одно: держаться твердо и последовательно идеи операции, т. е. стянуть силы резко вправо. Но это передвижение вдоль основной линии потребовало бы времени, которое пошло бы на пользу русским. Оно было бы облегчено, если бы немецкий охватывающий фланг с самого начала был сильнее и протянулся бы до Марграбова; тогда можно было бы приказать, как на военном плацу: «Полоборота направо, марш!» Правда, протяжение фронта армии при этом настолько бы возросло, что можно было бы опасаться слишком «тонкого» наступления.

Во избежание этой опасности следовало бы дать указание с самого начала сделать полосу наступления западнее озер более узкой, приблизительно через линию Ангербург—Гердауен, а между Гердауен и Прегелем вести лишь отдельные ложные атаки.

Так как 8 сентября русские еще не разгадали опасности своего положения, то 9-го началось сражение.

Наступление немцев

Схема 21

Командующий 8-й армией, находясь в Ресселе, в 40 *км* западнее Летцена, вечером 8 сентября дал приказ о наступлении на 9-е. Выбор такого места для штаба армии был обусловлен заботой о фронте. Командование армией все еще считалось с возможностью наступления русского северного крыла, так как через Тильзит прибыли подкрепления и было донесение о сильных резервах у Инстербурга. Чтобы пресечь наступательные намерения русских, конечно, было бы самым лучшим без промедления наступать самим по всей линии, а в особенности повести объединенное наступление большими силами восточнее оз. Мауер. Для единства действий войск по определенному плану был необходим единый приказ. Если бы командование армией не хотело взять на себя руководства этим наступлением в непосредственной близости, то это могло бы быть возложено на соответственного командира корпуса, причем не должно было бы быть недостатка в ближайших указаниях для проведения наступления на основе имевшегося охвата. Нужно было подчеркнуть, что суть дела заключалась в одновременном продвижении по обеим сторонам озера Гольдапгар, причем главное наступление следовало вести тремя пехотными дивизиями восточнее озера, в то время как на широком фронте только одна дивизия должна была наступать на Кругланкен и Посесерн. Подход должен был выполняться таким образом, чтобы одновременно была пройдена линия: северная оконечность озера Гублик — северная оконечность озера Круглинен — озеро Гр. Дгаль (юго-западнее Посесерна). Армейская кавалерия должна была двигаться на восток от озера Гублик для прикрытия фланга наступления.

Описывая такое расположение, приходится пожалеть, что вместо четырех пехотных дивизий не было в распоряжении четырех армейских корпусов, как это могло бы быть.

После опыта под Танненбергом командование сделало бы лучше, если бы взяло в свои твердые руки проведение подобного плана. Общее взаимодействие I и XVII корпусов не было установлено ни распоряжением командования, ни путем соглашения между собою командиров корпусов: $^2/_3$ 1-й дивизии и 8-я кавалерийская дивизия были подчинены командиру I корпуса.

Командование армией считало более важным согласовать наступление XVII и XX корпусов по обеим сторонам озера Мауер и провести взаимную артиллерийскую поддержку через озеро, хотя дальность огня достигает почти 10 *км*. Не только распо-

ряжение для наступления, но и указания во время боя об осторожности на фронте показывают, что командование армией было очень озабочено подобными мерами; однако, следует сказать, что опасности на фронте быстро исчезают, если фланговое наступление производится объединенно, сразу по возможности большими силами. Как нам теперь известно, русский командующий вовсе не думал наступать правым крылом: напротив, уже 8 сентября он передвинул свои резервы с правого фланга и из центра на левый фланг. Немцы вовсе не заметили этих передвижений 9-го числа, а вечером того же 9 сентября из продвижения русских передовых отрядов через Алле и Велау вывели заключение о намерении неприятеля наступать.

Наступление XVII корпуса между озерами Гольдапгар и Даргайнен на север было очень трудным. Местность благоприятствовала русским; они стояли по дуге, открытой на юг, примыкая флангами к озерам Круглинен и Швенцайт. Это была позиция, которую можно было взять с фронта только при наличии большого превосходства сил и, вероятно, с тяжелыми потерями. Правда, на стороне XVII корпуса, против которого стояла только одна неполная русская дивизия, превосходство имелось.

Артиллерийская поддержка XX корпуса огнем двух 10-*см* орудий, доставленных на позицию на полуостров Штейнорт, вовсе не помогала, так как до Посесерна, через который немецкие войска прорывались в 5 час. вечера, расстояние было более 12 *км*. У Кругланкена русские держались до наступления темноты, и было бы быстрейшей и лучшей поддержкой, если бы I корпус пораньше двинулся с места, чтобы уже утром появиться юго-восточнее Кругланкена на фланге и в тылу русских. Возможно, что достаточную помощь оказали бы $^{2}/_{3}$ 1-й кавалерийской дивизии, усиленные пехотой на повозках с пулеметами и артиллерией. Но в действительности головные отряды I корпуса достигли Регуловкен и Зивкен на фланге противника только вечером, когда он уже находился в отступлении. Охват не удался, добились лишь местного прорыва. Тем не менее успех большого решительного сражения зависел еще от удачи охвата 10 сентября. Прорыв XVII корпуса у Посесерна не принес пользы XX корпусу при наступлении, которое было предпринято правой дивизией между озерами Мауер и Резауер, в то время как левая дивизия прикрывала ее фланг. Ввиду действительности огня хорошо укрытых русских батарей, командующий решил вести бой для выигрыша времени, когда получил благоприятные известия о действиях I и XVII корпусов. Таким образом, этим он поневоле отказался от предусмотренного согласованного наступления с XVII корпусом и ожидал решения от охвата.

На правом крайнем фланге $^{2}/_{3}$ 1-й и 8-я кавалерийская дивизия были продвинуты за I корпусом на восток по направлению на Гольдап через Видминен. Стоявшая напротив 1-я русская кавалерийская дивизия отошла на восток. I корпус, продвигаясь по обеим сторонам озера Видминен, нигде не встретил сопротивления. Путь во фланг русским был свободен, но недоставало кор-

пусов, чтобы вести здесь наступление большими силами, отрезать русскую армию от связи с тылом и прорваться на север. У русских на левом фланге не было под рукой никаких резервов. Они подходили к Бенкгейму и Даркемену и могли достигнуть области восточнее озера Гольдапгар не раньше 10-го, а в полном составе — между 11 и 12 сентября. Так как немецкое фланговое наступление велось только 4 пехотными дивизиями, над правым флангом все еще висела опасность, что русским могло удаться нанесение контрудара сосредоточенными резервами от Даркемена: это могло бы создать большую угрозу I армейскому корпусу, если бы XVII слишком отклонился на северо-запад.

Рассматривая тогдашние события, мы забежали несколько вперед, а потому должны теперь бросить взгляд на фронт между озером Мауер и Прегелем. 9 сентября здесь также не состоялось общего наступления на всем фронте. Мы уже видели, что наступала только одна дивизия XX корпуса, в то время как другая остановилась. На фронте XI армейского и I резервного корпусов менялись впечатления относительно поведения противника. Когда последний, повидимому, стал очищать свои позиции, пехота пошла вперед, но была снова задержана. Ввиду того что противник упорно держался, движение вперед было совсем прекращено. Командование армией требовало осторожности. У Гердауена дело свелось только к артиллерийскому бою. Гвардейский резервный корпус у Алленбурга только частью своей пехоты вплотную подошел к русским позициям. Как здесь, так и на всем остальном фронте русская артиллерия удерживала превосходство в огневом бою. Поэтому гвардейский резервный корпус так и не повел наступления 9-го. На нижнем течении Алле, у Велау, крепостные войска из Познани и Кёнигсберга ожидали русского наступления через реку. Севернее Прегеля и у Инстербурга еще утром предполагали сильные резервы неприятеля.

Столкновение в районе между Ангербургом и Алленбургом 9 сентября едва ли может быть даже названо сражением. Артиллерия почти одна принимала в нем участие; пехота сдерживалась. Это был сдерживающий бой «за выигрыш времени» (hinhaltendes Gefecht), который позволял противнику во всякое время незаметно не только продвинуть свои резервы, но и вовсе увести их. Так это и произошло. Ген. фон-Ренненкампф вечером дал приказ отступить фронту севернее озер не потому, что бой был проигран русскими, а потому, что у него, очевидно, недоставало энергии защитить от обхода свое левое крыло при помощи подходивших резервов. Но немецкое командование все еще продолжало верить в такую возможность и хотело «повести фронтальное наступление против сильных позиций противника и его неразбитых артиллерийских сил лишь после того, как охватывающее движение будет в действительности осуществлено. Оно, повидимому, шло успешно и должно было привести к решению» (Рейхсархив). 10 сентября было также приказано лишь «продолжение наступления», но «штурм» неприятельского фронта должен был состояться только 11-го.

Для того чтобы развернуть его с востока, 10 сентября было приказано XVII корпусу взять направление на Буддерн — Ангербург; I корпус должен был прикрывать правый фланг XVII корпуса, но при этом он не должен был выдвигаться за Бенкгейм, так как все еще считались с возможностью русского контрудара от Инстербурга.

Главные силы немецкой 8-й армии в оперативно решающий день 9 сентября были остановлены на фронте. Ход событий 9 сентября доказал, что правый фланг без всякой опасности для фронта мог и должен был быть усилен. Результат бесцельного распределения сил мы узнаем из событий следующего дня.

Прежде чем мы перейдем к этому, следует коснуться того, что происходило у Лыка. 3-я резервная дивизия 9 сентября дралась юго-западнее этого города с частями русского XXII корпуса, которые защищали дороги к Лыку. Ночью противники залегли в близком друг от друга расстоянии.

Призванная на помощь ландверная дивизия 9 сентября дошла только до Бялы. От Ломжи и Щучина противник не наступал. Командование армией еще утром 10-го испытывало сильное беспокойство за 3-ю резервную дивизию, о положении которой было только известно, что она вызвала на помощь ландверную дивизию. Утром командование армией приказало 1-й кавалерийской дивизии спешно повернуть назад и итти на юг, чтобы помочь 3-й резервной дивизии. Таким образом, 1-я кавалерийская дивизия была вначале исключена для преследования противника на север, а между тем 3-я резервная дивизия своими силами вышла из трудного положения. Она могла донести, что противник отходит к границе. Таким образом, всякая угроза тылу 8-й армии устранялась, так как новое наступление слабой Наревской армии на Мышинец и Хоржеле не могло иметь никакого значения для операции на севере.

Преследование

Схема 21

Ошибочность предположений командования армии относительно противника рано утром 10 сентября сделалась очевидной. Город Гердауен горел ярким пламенем. Русские очистили свои позиции. Перед XI корпусом они еще держались у Норденбурга. Командование почувствовало это отступление, как «спасение из тяжелого и в высшей степени напряженного положения» (Рейхсархив). В действительности уже с вечера предшествующего дня напряжение разрешилось после того, как Ренненкампф отказался от продолжения боя.

«Войска по крайней мере были избавлены от неизбежных потерь, которые должны были быть вызваны тяжелым фронтальным наступлением против сильных позиций неприятеля» (Рейхсархив).

Если бы с самого начала хотели избежать этих потерь, то на фронте могли удовольствоваться редкими и широкими наступа-

тельными волнами и освобожденные таким способом силы использовать 9 сентября для флангового наступления, а 10-го—для преследования. Но, несмотря на пожар в Гердауене, командование все еще держалось настороже и предписывало на фронте соблюдать осторожность. Преследование, проникавшее в глубину тыловых сообщений русских, все еще казалось неуместным. Фронту были назначены короткие цели преследования, а решающим направлением правого фланга считалось — на Бенкгейм. Предполагалось, что если бы неприятель образовал еще раз фронт за Ангераппом, то Бенкгейм оказался бы на фланге, но в передовой линии. Это направление вовсе не приводило к глубокому захождению в тыл противника. Предполагалось также, что русские не были разбиты и отошли назад добровольно, сохранив полную боеспособность, за исключением 43-й дивизии, а потому надо продвигаться «шаг за шагом и от рубежа к рубежу» (XX корпус) и наступать «осторожно» (XI корпус), чтобы «не разбить себе головы». I резервный корпус должен был даже окопаться на позиции в 9 *км* северо-восточнее Гердауена, ввиду требований осторожности и «необходимости учесть ответные удары со стороны Инстербурга и далее к западу». Левый фланг гвардейского резервного корпуса должен был быть «сильно задержан в ожидании неприятельского наступления». Командование армии хотело воздержаться от дальнейших распоряжений, ожидая сообщений от воздушной разведки.

Тот, кто теперь видит положение обеих сторон, конечно, согласится с тем, что 10 сентября утром, когда командование армии узнало об очищении неприятелем района Гердауена, был последний момент, когда должно было состояться немедленное общее наступление на фронте, чтобы избегнуть отклонений от оперативных намерений. Лозунгом должно было быть: «наступать» и «итти вперед». Для этого достаточно коротких приказов; целесообразно было указать более далекие цели, чтобы корпуса не упустили из вида общей оперативной идеи. Что мог предпринять противник? Надо было допустить, что он устремится главными силами на линию Инстербург — Гольдап. Части его правого крыла могли отступить через Тильзит и Пилькален. Не было никаких оснований уклоняться от предшествовавшего оперативного намерения охватить противника с юга. Теперь представлялась даже возможность устранить слабые стороны охватывающего фланга распоряжением для преследования. Правый фланг (I и XVII корпуса) мог наступать восточнее Роминтенской пущи; центру (XX, XI и I резервному корпусам) давалось бы направление для преследования через линию Гольдап—Даркемен, а левому флангу (гвардейский резервный корпус и крепостной резерв Познани)—через Инстербург. Резервы из Кёнигсберга могли следовать за неприятелем до Тильзита. Если бы корпуса держались этих направлений, то никакого несчастья не могло с ними случиться в случае построения неприятелем нового фронта или перехода его в наступление, так как взаимная поддержка в бою была обеспечена соблюдением данных направлений. «Вперед и

только вперед» в указанном направлении — такова была оперативная задача каждого корпуса. Если бы противник стал оказывать в каком-нибудь месте сопротивление, слишком сильное для прорыва собственными силами, то он был бы преодолен стремительным наступательным движением преследующих колонн справа и слева. В центре преследовавшего фронта двигались бы три корпуса на указанном пространстве, готовые в любой момент встретить русское наступление даже в превосходящих силах. Если бы русские здесь перешли в наступление, то они только оказали бы немцам «любезную услугу», теряя при этом драгоценное время, которое, несомненно, пошло бы только на пользу охватывающему движению немцев. А если бы русские бросились на немецкое левое крыло от Инстербурга, то немцы оказали бы сопротивление за р. Скардап или Ильм. Пока противник наступает, не нужно было бы спешить с наступлением. Операция преследования выливалась бы в захождение армии на север, на дорогу Инстербург—Ковно. Было бы особенным счастьем, если бы русские крепко вцепились в левый немецкий фланг и, таким способом, облегчили бы немцам захождение. Русские еще оказывали сильное сопротивление в различных местах. Ренненкампф думал еще раз о наступлении своим левым флангом совместно с наступлением от Лыка предполагаемого в немецком тылу XXII корпуса. В центре и в районе Инстербурга он отказывался от контрудара значительными силами. Но с того момента, когда в ночь на 11 сентября поступило известие о взятии немцами Гольдапа, он решил отступить. Ночными маршами русские избегли охвата.

Теперь вернемся к описанию передвижений немцев 10 сентября.

Еще до полудня немецкое командование узнало, что неприятель отступил от Алленбурга и что местность севернее Прегеля до Таплакена свободна от неприятеля, а восточнее этого места тянулись длинные колонны к Инстербургу. Теперь было ясно все. Преследование должно было вестись с юга на путь Гумбинен — Ковно. До конца дня не удалось выполнить все предусмотренные командованием передвижения.

3-я резервная дивизия продвинулась немного за Лык; позади приближалась к городу ландверная дивизия. Обе эти части для преследования пришли слишком поздно. Им было дано направление на Сувалки для прикрытия правого фланга армии. 1-я кавалерийская дивизия, посланная к югу на помощь 3-й резервной дивизии, возвращаясь на север, не дошла еще до Маргграбова. 8-я кавалерийская дивизия взяла Гольдап и натолкнулась одной из бригад на неприятеля у Ковален. 1-я дивизия I корпуса продвигалась к Бенкгейму, а 2-я дивизия повернулась на северо-запад, чтобы помочь XVII корпусу, и осталась поэтому позади. XVII корпус продвинулся до района Бенкгейма и Буддерна; одна дивизия XX корпуса приблизилась к Домбровкену, а другая — к дороге Ангербург — Норденбург. XI корпус натолкнулся на сопротивление на рр. Ильме и Скардап. I резервный корпус дошел до р. Ильм, следуя по обеим сторонам железной дороги

на Инстербург. Гвардейский резервный корпус пришел только в Мульдсцен. Резервы из Познани и Кёнигсберга не имели при себе мостовых средств для переправы, а потому тоже остались позади. Нельзя сказать, чтобы передвижения 10 сентября очень способствовали преследованию. Успех был достигнут — Гольдап был в немецких руках. Но для командования армии 10 сентября вечером являлось вопросом, можно ли еще было нанести армии противника решительное поражение.

На 11-е были назначены дальнейшие цели преследования. Следовало дойти до линии Филиппово — Гумбинен — район севернее Инстербурга; кавалерия должна была проникнуть глубоко в тыл неприятеля на Мариамполь — Вильковишки. В центре 5 корпусов должны были сосредоточиться на относительно узком пространстве между Мелькемен и Дворжишкен (восточнее Инстербурга). Гвардейский резервный корпус был послан на северный берег Прегеля. Назначенные передвижения были выполнены лишь частично. 1-я кавалерийская дивизия двинулась на Филиппово; 8-я дивизия стойко удерживала Гольдап против русского наступления, пока не подошла 1-я пехотная дивизия, после чего вечером продвинутые еще к Дубенингкен XVII и XX корпуса наткнулись на сопротивление севернее Бенкгейма и у Домбровкена. Командование находилось под впечатлением, что XI корпус у р. Ильм был атакован превосходными силами, и считало, что русское наступление может развиваться на юго-запад, на юг или на юго-восток, так как русские не только не были разбиты, но их значительные силы вообще не принимали участия в сражении. Из опасения этого, параллельное преследование (überholende Verfolgung) было приостановлено, чтобы «повернуть все против неприятеля, предполагавшегося в районе Даркемена» (Рейхсархив).

I корпус был брошен в наступление на Гавайтен, северо-западнее Гольдапа, а XVII — на Даркемен; XX корпус должен был вступить в бой совместно с XI. Командир I корпуса оставил 1-ю дивизию в ее продвижении на северо-восток к Тольмингкемену, а 2-я столкнулась с неприятелем южнее Гавайтена. 35-я дивизия XVII корпуса двинулась к Клещовену, а 36-я встретила сильное сопротивление у Сцабинена. Перед XX корпусом неприятель отступал. К вечеру корпус стоял южнее Даркемена. Сопротивление противника перед XI корпусом постепенно ослабевало; 22-я дивизия дошла до Неммерсдорфа, на Ангераппе; следовавшая позади 38-я дивизия достигла только Тремпена. I резервный корпус достиг Инстербурга, не встретив сопротивления. Гвардейский корпус был задержан наведением моста через Прегель. Севернее реки неприятеля не было. Корпус продвинулся до половины дороги Норкиттен—Инстербург. Остановка параллельного преследования противника оказалась ненужной. Командование армии вскоре после приказа о движении на Даркемен поняло, что «противник дрался еще только за отступление» (Рейхсархив). Вечером 11 сентября 4 немецких корпуса стояли от Тольмингкемена до Неммерсдорфа через Гавайтен — Сцабинен — Даркемен и образовали мешок, в котором находилось 8 русских дивизий. Немцам это не

было известно, иначе они, конечно, использовали бы ночь, чтобы окончательно завязать мешок. Для этого следовало бы обоим флангам двигаться на Вальтеркемен. Правый фланг сам по себе не был сильным, а после отклонения 2-й дивизии был еще более ослаблен; на левом фланге было больше сил, чем нужно, и гвардейский резервный корпус совершил севернее Прегеля удар по воздуху. В центре, у Даркемена, скучилось пять немецких дивизий.

На 12 сентября командование определило главной задачей «достигнуть больших дорог через Вирбаллен и Ширвинд». 5 корпусов центра должны были преследовать до Сталюпенена, гвардейский резервный корпус—до Тильзита, а 3-й резервной дивизии был отдан приказ не продвигаться на восток за Сувалки. Кавалерийский корпус дошел только до Вышайны и Виштынца, много раз задерживаемый неприятелем. Между командиром I корпуса и армейским командованием произошло обычное разногласие во мнениях. Командир корпуса хотел бросить неприятеля у Гавайтена, прежде чем 2-я дивизия снова предпримет параллельное преследование. Промедление со стороны командира корпуса оказалось достаточным, чтобы между 1-й и 2-й дивизиями образовался разрыв, через который ушла часть русских, оказывавшая до вечера сопротивление у Тольмингкемена. 1-я дивизия стояла вечером фронтом в противоположные стороны у Пилюпенена и против Тольмингкемена, а 2-я дивизия у Виштынца. XVII корпус достиг района против Тольмингкемена и южнее Вальтеркемена, а XX корпус прошел еще дальше Тракенена. XI корпус выдержал несколько боев, но все же дошел через Гумбинен до района севернее Тракенен. I резервный корпус натолкнулся на неприятеля юго-западнее Пилькалена. Гвардейский резервный корпус, не находивший перед собой противника, был остановлен. Резервы из Кёнигсберга прошли дальше к Тильзиту.

Результат сражения

Операция была закончена; преследование 13 и 14 сентября могло еще увеличить число пленных и добычу, но основная цель операции — окружение или оттеснение противника на север, к р. Неману, не была достигнута. Главные силы русской армии отступили к Ковно. Неманская армия лишь временно сделалась небоеспособной. Остается открытым вопрос, удалось ли бы при бо́льших потерях и меньшей осторожности на фронте полное уничтожение Неманской армии? Правый немецкий фланг с самого начала не был достаточно силен, что обнаружилось также при преследовании. Затем он не был достаточно выдвинут вперед по отношению к фронту. Если медлительность фронтального наступления объяснить слабостью фронта немецкого наступления и его боевых средств, то этому можно было бы противопоставить то, что писал граф Шлиффен в своей статье «Современная война»:

«Необходимые средства для сильного флангового удара могут быть получены лишь при условии, если силы, направляемые против неприятельского фронта, будут возможно более слабы. Но как бы слабы они ни были, они не должны ограничиваться тем, чтобы «развлекать» противника огнем, открываемым издали, из укрытого места расположения, и тем «сковывать» противника. Во всяком случае фронт (противника) должен подвергаться атаке, т. е. необходимо двигаться «вперед» также и против фронта. Для этого изобретено дальнобойное и скорострельное ружье, могущее заменить много прежних ружей и удовлетворить всем требованиям при наличии лишь соответствующего количества боевых припасов. Вместо того чтобы нагромождать резервы позади фронта, которые пребывают в бездействии и не попадают к решительному пункту, лучше позаботиться о доставке обильного количества боевых припасов... Все войска, которые прежде задерживались позади и которым должно было достаться решение, ныне должны быть сразу введены в дело для флангового наступления. Чем могущественнее силы, стянутые туда, тем решительнее совершится наступление».

На поездках генерального штаба граф Шлиффен довольно часто доказывал, что на востоке необходимо добиться полной победы, а для этого нужно направить главное наступление против неприятельских линий сообщения с тылом.

Операция на Мазурских озерах была проведена без той настойчивости и последовательности, какая была при Танненберге. План не мог быть выполнен немцами потому, что Ренненкампф отступил в тот момент, когда ни фланговое, ни фронтальное наступление не могли еще оказать на него полного воздействия. С этим необходимо считаться при каждой фланговой операции. Для воспрепятствования этому не следует применять никакого другого средства, как с самого начала сделать фланговое наступление возможно более сильным и согласовать его по времени с фронтальным наступлением. Сражение на Мазурских озерах доказывает, какие трудности нужно преодолеть, если сведения не представляют достаточно ясной картины положения. Сведения, доставлявшиеся летчиками, не смогли сорвать покрывало, окутавшее русский фронт. Если полководец не предвидит, как «это произойдет и должно произойти», то не остается ничего иного, как добиться ясности путем наступления. На Мазурских озерах это было, конечно, затруднено тем, что не удалось подавить русскую артиллерию.

XII

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Приложения 1 и 2

Полководец как создатель армии

«Полководец должен не только вести армию к победе, но и создавать ее, вооружать, снаряжать, обучать, одевать и кормить. Хотя могут найтись другие люди, которые исполнят за него эти задачи, но это не вызовет в нем благодарности. Полководец не может встать во главе любых войск. Он должен иметь свою собственную армию. Изречение Наполеона: «Люди — ничто, один человек — все» должно быть истолковано в том смысле, что один человек должен преисполнить своим духом людей, в данном случае — солдат». (Шлиффен, «Полководец»).

Немецкая армия 1914 г. являлась орудием войны, вышедшим из армии Вильгельма I. Хотя эта армия была проникнута духом старого императора и отличительными свойствами его характера, однако, восприняла и некоторые, менее отрадные задатки нового времени, как это имело место также в других областях государственной жизни. Старый император нашел в лице старшего Мольтке полководца, который не знал слов «сам» и «я». Молодой кайзер взял графа Шлиффена из неизвестности. «Люди — ничто, один человек — все». Со скромного поста начальника генерального штаба дух того, кто этот пост занимал (Шлиффена), не мог непосредственно проникнуть в армию. Традиция требовала посредничества короля, императора.

Создание, вооружение, снаряжение, обучение, обмундирование и питание армии должны были также осуществлять другие.

Разносторонность задач при миллионных армиях требовала разделения труда. Обычай не допускал даже победителя при Кениггреце и Седане оказывать руководящее влияние на все вопросы, касающиеся армии. «Ведомства» покорялись только Бисмарку — «другу армии». Граф Шлиффен не нашел ни Вильгельма I, ни Бисмарка, а со стороны остальных он тоже не встречал большого сочувствия. Армия 1914 г. при всех своих качествах, которыми она обладала, была настолько же мало проникнута духом старого Шлиффена, как и армия 1866 и 1870 гг. духом старого Мольтке.

Если мы хотим добиться полной ясности в операциях 1914 г., то для этого нам следует поставить также и армию перед зеркалом шлиффеновского замысла, — тем более, что существует критик, который считает план Шлиффена фантастическим, так как якобы для его выполнения не было достаточных сил. Но граф Шлиффен умел трезво рассчитывать. Иллюзии были ему так же чужды, как и сентиментальность. От этого защищал его присущий ему сарказм. Он продумывал вещи до конца. Он не останавливался даже перед традиционной славой, если дело шло о том, чтобы проникнуть в тайну победы. Он постиг «старый опыт», что

«наступательная война требует очень больших сил и очень много их затрачивает; что эти силы непрерывно убывают, тогда как силы обороняющегося растут, и все это особенно проявляется в стране, которая замкнулась в крепостях» (Рейхсархив).

Там, где ищут решение, нельзя быть достаточно сильным. Это лейтмотив памятной записки Шлиффена от декабря 1905 г. На правом крыле вслед за первой боевой линией должны следовать вторая, третья, четвертая линии, или эшелоны, как их можно назвать. Надо призвать всех способных носить оружие и привести их в движение. Шлиффен не сомневался, что немецкие наличные силы в 1905 г. по мобилизационной подготовке были слишком слабы для предполагаемого наступления. Поэтому, уходя в отставку в конце того же года, он назначал уже в первоначальное развертывание больше сил, чем их было в наличии, чтобы побудить выставить их в случае войны. Но и этого ему было недостаточно. Он требовал немедленного призыва ландштурма и его применения в неприятельской стране. Находившиеся в стране неподвижные ландверные войска должны были также выступить в поле. Службу охраны и производство работ на родине могли с успехом принять на себя люди, не обученные военному делу и неспособные к полевой службе. Запасные войска, щедро пополненные обученными людьми, не должны были заселять казармы; из них должны были формироваться боеспособные части.

«Однако, эти новые формирования не следует брать в наступление ни тогда, когда потребность в них будет ощущаться чувствительнейшим образом, ни тогда, когда операции поневоле придется остановить, но только в непосредственной связи с мобилизацией прочих войск». *«Это самое необходимое, что мы обязаны сделать».*

Граф Шлиффен видел в своих предложениях только то, чего требовали долг и необходимость. В своем завещании он не только изложил победоносный оперативный план, но и взял на себя труд создания необходимой армии. Его памятная записка представляет собою целую программу строительства армии и мобилизации. Но его воззрения не воплотились ни в обычай, ни в схему, которые играют роль в мобилизационном плане. Голос полководца остался неуслышанным. Мольтке, малоопытный

и некомпетентный в этих вопросах, не принял программы Шлиффена, хотя и сохранял оперативный план до 1909 г. В этом заключалось противоречие. Мольтке едва ли мог считать себя способным одержать победу с меньшими силами, чем Шлиффен — создатель плана. При тогдашнем подборе руководящих лиц неудивительно, что к строительству армии не было тотчас же приступлено. С 1906 по 1909 г. не существовало никакой склонности потребовать от Рейхстага больших средств для усиления армии. Русская мощь была в упадке, от рискованной мысли — создать океанский флот — также нельзя было ожидать войны. Армия была достаточно хороша. Даже боснийский кризис 1909 г. не разбудил уснувшей обороны страны. Когда возник спор по вопросу о Марокко, опасность войны встала у дверей. Ужас охватил генеральный штаб. Политическое руководство надеялось на сохранение мира.

Казалось, еще не было необходимости глубоко запускать руку в налоговый мешок. Военный министр избрал среднюю линию. Таким образом, было решено кое-что сделать для «доброй старой армии», которая вследствие конкуренции флота была в некотором загоне. То, что должно было быть сделано без промедления, уже в 1906 г., на основании памятной записки Шлиффена, было частично выполнено только законопроектами 1912 и 1913 гг. Если бы эти мероприятия были проведены на 5 лет раньше, они дали бы увеличение войск на полмиллиона людей, тогда как в действительности до начала войны они не дали и 150 000 человек. В последний момент перед войной Мольтке заторопился, наконец, провести в полной мере всеобщую воинскую повинность. Но было уже слишком поздно. В роли организатора армии Мольтке младший успеха не имел.

Вина за недостаточное использование Германией народных сил много раз взваливалась на Рейхстаг. В этом мы здесь разбираться не будем. Но нужно признать, что у правительства недоставало доброй воли и не было найдено плана, учитывавшего потребности народной армии, чтобы легче преодолеть парламентские трудности. Пристрастие к традициям тормозило современное строительство армии. Удивительнее было то, что раздавался даже один военный голос, который опасался финансового банкротства. При этом мы шумели о своих силах, как отмечает граф Шлиффен в своей памятной записке, но не могли подняться до такого же напряжения, как Франция, которая выставила на каждый миллион жителей — 24,6 батальона полевых войск против 17,3 в Германии и которая в 1913 г. снова ввела трехгодичный срок службы, а общую продолжительность службы увеличила на 4 года.

Вооружение и обучение

Прежде чем рассматривать вопрос о численности вооруженных сил, необходимо кратко коснуться некоторых связанных с этим вопросов. Еще перед началом войны не было тайной ни

для кого, что наша полевая артиллерия уступает французской,— не столько, может быть, в конструкции орудий, сколько в методах стрельбы и в применении этого оружия. Но зато у нас было преимущество в тяжелой артиллерии, преобразование которой в полевые войска является заслугой графа Шлиффена. Во введении на вооружение пулеметов, которые, по мысли графа Шлиффена, должны были заменить много прежних ружей, мы не проявили желательной быстроты и все еще рассматривали их как особое оружие и произведение искусства, вместо того чтобы снабдить ими каждую роту и эскадрон. Артиллерия большой мощности, «толстая Берта», оказала нам услуги при Льеже и Антверпене, но в дальнейшем применения не имела. Дальний настильный огонь артиллерии большой мощности был впервые применен только во время войны. Летное дело было у нас не на высоте. Телефонная связь и работа радиотелефона совершенно не удовлетворяли наших потребностей. На больших пространствах снабжение механической тягой обозов и транспортов было в большом пренебрежении. Это упущение не имело большого значения при движении через Бельгию и Северную Францию, так как железные дороги вскоре снова восстанавливались. Недооценка техники основывалась у нас на традиции и мнимом недостатке денег. Избегали больших заготовок, которые при непрерывном развитии техники быстро устаревали бы. При проведении плана Шлиффена не должно было возникать отсюда никаких невыгод.

Обучение войск стояло, конечно, на должной высоте, но нельзя умолчать о некоторых слабых сторонах. Взаимодействие пехоты и артиллерии в бою не отвечало требованиям. Полевая артиллерия слишком долго смотрела на себя не как на стреляющий, но как на ездящий род войск. Потери в пехоте увеличивались частью от ошибок командования, частью — от нецелесообразных форм построения. Перед нами стояла задача — компенсировать количество путем возможно более совершенного тактического обучения.

Граф Шлиффен в своей статье «Современная война» отчетливо указал на цели подготовки войск. Он развернул там такую наглядную и жизненную картину современного сражения, которая должна была запечатлеться глубже, чем уставы. Надлежало атаковать сильный неприятельский фронт слабыми силами и итти вперед широкими редкими линиями, заменяя прежние ружья скорострельными дальнобойными ружьями. Этими тремя пунктами исчерпывается содержание толстого устава. Замечательно, что сущность современного пехотного боя яснее всего истолкована двумя кавалеристами: Гезелером и Шлиффеном. Несмотря на все старания, которые были проявлены на учебных плацах и на местности вне их, до самой войны не удалось устранить того, что в прежние времена носило название «туретчины». В общем, война все это быстро устранила. Несмотря на это, некоторые заблуждения и привычки еще долго сохранялись у солдат мирного времени, так как это лежит в

природе вещей. Наша кавалерия не нашла себе вождя, который свел бы ее в мощное оперативное целое и двинул бы в тыл противника, как этого хотел граф Шлиффен.

Особый вопрос составляет выбор командного состава, — притом не только высшего, но и низшего. Можно ли сомневаться, что в немецкой армии имелся налицо блестящий материал для командного состава? Следовало только его тщательно отобрать и поставить на соответствующие места. Командный состав был надежен, искусен и храбр. Различные трения для хорошего отбора командного состава создавали традиции. В среде офицеров действительной службы не всегда соблюдалось, чтобы каждый офицер систематически подготовлялся к занятию последующей высшей должности: лейтенант — ротного, капитан — батальонного, а майор — полкового командира. Еще меньше делалось для военной подготовки офицеров запаса. Многочисленные запасные офицеры, предназначенные к призыву в случае войны, являлись в современный огневой бой зачастую с устарелыми тактическими взглядами. То, что относилось к подготовке офицеров, касалось в равной мере и унтерофицеров. В них видели только представителей муштровки на казарменном дворе. Правда, у французов положение было не лучше, не говоря уже о русских. Но это вовсе не оправдывает наших упущений, так как в Германии, которой приходилось считаться с огромным превосходством сил противников, должно было все делаться, чтобы возместить недостаток численности. По замыслу шлиффеновского плана, надлежало не оставлять неиспользованным при начальном и главном решении ничего имеющего военную ценность во всех слоях немецкого народа, немедленно мобилизовав все силы и предоставив их в распоряжение полководца в боеспособном виде. Укоренившаяся идея сохранять в своей стране резервы для продолжительной войны противоречила намерению опрокинуть сильнейшего из наших врагов быстрым и неожиданным ударом, с величайшим напряжением сил, и таким образом привести войну к быстрому концу. Надлежало собрать в более крупные тактические соединения всех обученных солдат, годных к полевой службе, а для обучения новобранцев выделить только самый необходимый персонал. Поднимался вопрос, не лучше ли было сразу же, при начале войны, провести закон о продлении срока выполнения воинской повинности.

Длительность войны

Относительно длительности войны даже в военных кругах не было ясного представления. В конце 1914 г., когда на западе уже зародилась позиционная война, еще не хотели верить в ее длительность. Начальник военно-полевых железных дорог считал удивительным оригиналом генерала фон-Фалькенгайна потому, что он наметил постройку железных дорог на строительный период в несколько лет. Известное изречение, что «мир наступит, когда будут падать листья», постоянно повторялось, но оно

было больше плодом надежды, чем трезвого рассчитывающего рассудка. Граф Шлиффен не хотел ничего знать о «стратегии измора» и о «затяжной кампании». Он усматривал в этом величайшую опасность для существования нации. Немецкий народ уже давно перерос простые формы аграрного государства и внутреннего хозяйства. Тысячами сношений он был связан с экономикой других народов, сделавшись сам одним из значительнейших носителей мировой экономики, из которой он черпал свое богатство. Существование нации основывалось на непрерывном течении торговли и индустрии. Нельзя было остановить этот механизм на долгое время. Чтобы покрыть миллиардные расходы, мы нуждались в скором восстановлении притока из каналов мирового хозяйства. Кампания должна была быть быстро решена, и колесо хозяйственной жизни снова пущено в ход. С войной на измор для Германии была связана та великая опасность, что силы народа, зависящие от притока извне, не смогут достаточно долго выдержать. Современную индустриализированную Германию нельзя было сравнивать с Пруссией времен короля Фридриха II. Для Германии «затяжная» война была невозможна. Да и не только для Германии. Развалины Европы, оставшиеся после войны, должны заставить замолчать критиков графа Шлиффена. Он видел цель своей жизни в том, чтобы избавить немецкий народ от затяжной войны и обеспечить существование нации таким планом, который заключал бы в себе быстрейшее и основательнейшее решение. С горячим рвением до последнего часа своей жизни он учил и предостерегал, ибо судьба не дала ему возможности создать свою армию и быть ее вождем, как это подобало истинному полководцу.

Гарнизонные войска

Совет графа Шлиффена, вероятно, никогда не был правильно понят. Те немногие, которым попадалась на глаза его памятная записка 1905 г., пропустили это или даже не сочли стоящим труда, глубже проникнув в мир идей покойного Шлиффена, извлечь скрытое в них сокровище. Шлиффен хотел вести в неприятельскую страну, частью возлагая на них трудные оперативные и тактические задания, эрзац-ландверные и ландштурменные войска, которые, согласно мобилизационному плану, должны были образовать «внутреннюю армию» или «гарнизонную армию». Запасные войска должны были принять на себя обложение гигантской крепости — Парижа, а ландвер должен был наступать против портов Канала (Ла-Манша). Понятие о «гарнизонных войсках» исчезало, являлась новая полевая армия. Основные положения мобилизационного плана были поколеблены. Возникали сомнения, хватит ли вооружения и снаряжения и выполнимо ли выставление такого многочисленного количества частей. Эта новая полевая армия ни в коем случае не могла быть снабжена артиллерией и конницей в размере, желательном для выполнения боевых задач. Было не совсем легко, но, веро-

ятно, все же возможно объединить в запряженные батареи старые пушки из неугрожаемых крепостей. Эскадроны должны были бы раздобывать себе лошадей. Впрочем, лошадей и орудия находили в Бельгии. Идея превращения гарнизонной армии также в полевую не укладывалась в образ мыслей тогдашних военных умов. Мы так же избегали новшеств, как и расходов. Не находилось вновь ожившего Шарнгорста. Когда в августе 1914 г. верховному командованию было сделано предложение о перевозке запасных батальонов, рекрутских депо и батальонов ландштурма в Бельгию, чтобы установить там спокойствие и безопасность, то оно вызвало усмешку. Это выходило за пределы обычного. Удивительнее всего то, что наши враги приписывали нам чрезмерную гениальность в приготовлениях к войне и извлекли из этого наибольшие выгоды для своей пропаганды против нас. Нам известно, что и сейчас в широких кругах Америки верят, будто бы мы с удивительным искусством подготовили призыв для войны всего немецкого народа. Мы не отнеслись с благодарностью к заветам графа Шлиффена. Если бы мы прислушались к голосу старика, то ни английские, ни американские войска не имели бы времени сорганизоваться и приплыть.

Чтобы оправдать Мольтке в недостаточном увеличении численности войск, указывают, что и Шлиффен, в свою очередь, состоя на службе, не позаботился ни об организации корпусов запасных войск, ни об использовании ландштурма в неприятельской стране. Если бы в 1905 г. возникла война, то и он не имел бы в своем распоряжении того количества войск, которое считал необходимым. Но на это нужно возразить, что он составил в 1905 г. свою памятную записку не для себя, а для своего преемника. Если бы в 1905 г. возникла война, он знал бы, как поступить.

Сопоставление сил по плану Шлиффена и в 1914 г.

Приложения 1 и 2

Граф Шлиффен в 1905 г. предусматривал обращение всей немецкой полевой армии на запад. Тогдашняя слабость России позволяла оставить страну восточнее Вислы без защиты. На всякий случай было, однако, подготовлено развертывание Восточной армии в составе 4 резервных дивизий, 3 действующих (активных) корпусов, 7 ландверных бригад и 2 кавалерийских дивизий. Как уже было упомянуто, Шлиффен в своей программной памятной записке предполагал больше сил, чем их было в действительности. Так как при нашем разборе вопрос касается не тех действительных немецких вооруженных сил, которые были в 1905 г., а тех, которые граф Шлиффен считал необходимым иметь для выполнения своего плана, то мы должны сравнить цифровые данные его плана с бывшими в действительности в 1914 г. Сперва надо сопоставить силы в целом. При этом гарнизонные войска пограничных крепостей в расчет не принимаются. Гвардейский резервный корпус причислен, как

это принято, к действующим корпусам. Бригады сформированного в Силезии в 1914 г. ландверного корпуса отнесены к ландверу и запасным формированиям. По плану Шлиффена, силы полевой армии включали в общем:

26½ первоочередных (активных) армейских корпусов,
14 резервных корпусов,
11 кавалерийских дивизий,
26½ ландверных бригад.

В 1914 г. было:

26 первоочередных армейских корпусов,
13½ резервных корпусов,
11 кавалерийских дивизий,
28½ ландверных бригад.

Разница незначительная; против плана Шлиффена недостает половины первоочередного корпуса и половины резервного. Более значительная разница получается против желаемого Шлиффеном усиления полевой армии войсками запаса, ландвера и ландштурма. На Востоке Шлиффен предусматривал на случай, если обстоятельства не позволят оставить на произвол территорию к востоку от Вислы: 3 армейских корпуса, 2 резервных корпуса, 2 кавалерийских дивизии и 7 ландверных бригад. В 1914 г. — 8-я армия в Восточной Пруссии была вначале слабее на 1 резервную дивизию, 1 кавалерийскую дивизию и 4 ландверных бригады, но уже в августе была усилена ландверной дивизией из Шлезвиг-Голштинии. К Восточной группе войск в 1914 г. следует еще причислить один ландверный корпус, состоявший из 4 ландверных и 2 эрзац-бригад. Мы не будем принимать в расчет переброску с запада на восток в сентябре 1914 г. XI армейского и гвардейского резервного корпусов, так как это связано с грубой оперативной ошибкой. Выполнение плана Шлиффена зависело в 1914 г. от использования войск на востоке, приблизительно, не в большей степени, чем он это считал допустимым в 1905 г. Остается под большим вопросом, можно ли было и следовало ли «приносить в жертву» Восточную Пруссию в 1914 г.; русская армия в течение 9 лет со времени памятной записки Шлиффена не только оправилась от войны на Дальнем Востоке и первой революции, но ускорила свою мобилизацию и находилась в руках панславистской партии великого князя. В завоевательных целях против Германии не было недостатка. «Дорога на Константинополь ведет через Берлин» — таков был взгляд политических военных кругов. Если бы, ввиду этих изменившихся обстоятельств, немецкий Восток с самого начала был оставлен на произвол, то русские, несомненно, немедленно повели бы наступление на Познань левее Вислы и, кроме того, увеличили бы силы против австро-венгерской армии. Впечатление, которое произвела бы на наших союзников отдача Восточной Пруссии, было бы ошеломляющим и, пожалуй, не меньшим и в самой Германии. Таким образом, политические и военные

требования в 1914 г. вынуждали иметь хотя бы и слабую Восточную армию.

Теперь, если мы исключим войска, предназначенные для востока, то на западе их количество выразится следующими цифрами:

1905 г. 23½ первоочередных (активных) корпуса,
12 резервных корпусов,
9 кавалерийских дивизий,
19½ ландверных бригад.

1914 г. 23 первоочередных корпуса,
12 резервных корпусов,
10 кавалерийских дивизий,
21½ ландверных бригад [1].

В цифрах 1914 г. заключаются войска, оставшиеся первоначально в Шлезвиг-Голштинии, из которых IX резервный корпус был вскоре отправлен на запад, ландверная дивизия с двумя бригадами — на восток, тогда как 2 бригады остались на севере. Таким образом, Западная армия в 1914 г. была меньше предположенного в 1905 г. только на полкорпуса (активного) и на две ландверных бригады.

Незадолго перед войной было решено часть запасных войск планомерно мобилизовать в эрзац-дивизии и эрзац-бригады. Шлиффен требовал по меньшей мере 8 эрзац-корпусов; в 1914 г. были сформированы 6½ эрзац-дивизий и 2 эрзац-бригады для ландверного корпуса; несмотря на ограниченное число эрзац-дивизий, их было бы достаточно для начала, если бы только они были помещены на надлежащем месте, т. е. на правом крыле вместо левого. Если их вооружение и снаряжение было недостаточно для предполагаемого оперативного применения, то оно могло бы быть пополнено из подручных средств. Кроме боевой добычи, различные вспомогательные средства дала Бельгия.

Ландверные части из неутрожаемых крепостей внутри страны, а также немедленно призванный ландштурм должны были занять растянутый район этапов позади правого крыла. Перевозка всех этих войск правого крыла должна была следовать непосредственно за перевозкой первоочередных (активных) и резервных корпусов. Последовательность перевозок должна была создать сама по себе отвечающее оперативным задачам эшелонирование в глубину. В отношении транспорта можно было также обойтись без приготовлений мирного времени. Считаясь с тем, что для развертывания этой второлинейной полевой армии ничего сделано не было, надо было довольствоваться тем, что было возможно. Не было также никакого серьезного основания не отправлять отдельно ландверных и ландштурменных батальонов в Бельгию для формирования там более крупных частей. Это потребовало бы некоторого времени, но войска были бы,

---

[1] За вычетом 4 ландверных бригад на севере, оставалось на западе 17½ бригад. См. приложение 2.

по крайней мере, на местах и могли бы постепенно продвигаться до Соммы и к морскому побережью. Таким способом можно было бы перебросить 150 батальонов и к ним добавить артиллерию из неугрожаемых крепостей, к которым можно было отнести также Кельн и Везель. Конница частично могла бы быть заменена самокатчиками.

Шлиффен проектировал в заключение образовать новую армию, которая должна была наступать на линию Нанси—Бельфор. Для этого он хотел использовать остаток полевой армии в Лотарингии, гарнизоны военного времени Меца и Страсбурга, ландверные бригады Верхнего Рейна, несколько резервных дивизий левого уступа (Staffel), а также 2 эрзац-корпуса, если бы они не могли быть переброшены на правое крыло. Таким образом, армия быстро была бы на месте. Кроме того, в 1914 г. мы сформировали 5 новых корпусов, но они могли быть использованы только в половине октября. Из них хотя часть должна была бы быть готова через 5 недель, чтобы отвечать оперативным целям. Но, конечно, этого нельзя было достигнуть без соответствующей подготовки в мирное время.

Несмотря на все, что проводилось вопреки замыслу Шлиффена, победа все же не ушла бы от немцев, если бы они только следовали напоминанию умирающего: «сделайте мне только сильным правое крыло». Победа выскользнула из рук не от недостатка числа или подготовки, или от каких-либо других недостатков армии, но единственно от недочетов командования, которое не сделало правое крыло настолько сильным, насколько это было возможно. Так как решение зависело от способа применения сил, то нам необходимо установить, какое количество сил должно было находиться на правом крыле по плану Шлиффена и сколько их в действительности было там в 1914 г., а также могло ли быть произведено и каким образом усиление правого крыла из имевшихся в наличии сил.

Генерал фон-Мольтке после своей отставки постоянно и откровенно признавался, что переброска XI и гвардейского резервного корпусов с запада на восток отомстила за себя на Марне. Но в то время, когда уж представлялась возможность одержать победу на Самбре, оба корпуса стояли еще перед Намюром. Вопрос о группировке сил не исчерпывался, однако, 2 корпусами, хотя нужно признать, что с их помощью Марнское сражение приняло бы благоприятное течение для немцев. Но то же было возможно и без этих 2 корпусов, если бы не сплоховало командование и если бы армия не была отозвана в момент почти достигнутой победы. Развертывание сил в 1914 г. не вполне отвечало требованию Шлиффена, чтобы 25 действующих (активных) корпусов[1] были в готовности для розыгрыша сражения на левом берегу Мозеля. Их всего было 26, но из них активных корпусов — 17. Однако, все же правое немецкое крыло, состоявшее из 1-й, 2-й и 3-й армий, значительно превосхо-

[1] 22 корпуса, не считая оставленных на востоке.

дило силы противника, противостоявшие на Самбре и Маасе. Но этим не все было достигнуто. Операция могла протянуться до Сены, прежде чем было бы достигнуто решение. Выступало на сцену воздействие грандиозной крепости — Парижа. Пройти мимо, восточнее Парижа, было для Шлиффена столь же невозможно, как и остановиться перед ним. «Вопрос, решавший судьбу», заключается в том, достаточно ли сил, чтобы перейти Сену ниже Парижа. Так как, по замыслу Шлиффена, ни в центре, ни тем более на левом крыле не могло потребоваться расхода больших сил, то он накоплял все возможные силы на правом крыле. Там он должен был оказаться настолько сильным, чтобы даже при щедром расходе сил их все же хватило бы для перехода Сены ниже Парижа и для окружения этой грандиозной крепости в том случае, если бы французы стали искать решения только у Парижа. Тогда 7 действующих (активных) корпусов, а за ними следом 6 эрзац-корпусов должны были перейти через реку для обложения крепости с юга и с запада. Так как в 1914 г. французы оказали нам «любезную услугу», наступая по обе стороны Меца, то соотношение сил сделалось для нас гораздо благоприятнее, чем то, которое Шлиффен клал в основу своих расчетов для самого крайнего случая. Отсюда видно, каким проницательным умом обладал этот человек, который, ничего не упуская, продумывал вещи до конца. В его расчетах не было ничего фантастического; выводы извлекались трезвым рассудком. Переход Нижней Сены был высшей точкой всей операции, которая его не пугала. Необходимые для этого людские силы были налицо, следовало только их всех привести в движение и доставить на надлежащее место. По мнению французского генерала Бюа (Buat), мы могли бы выставить в боевых соединениях на 600 000 человек больше, чем мы выставили. Это, приблизительно, 15 корпусов.

Армейское карре (Bataillon carré)

По плану Шлиффена, группа войск правого крыла против линии Брюссель—Намюр должна была наступать в следующем составе:

впереди — 5 кавалерийских дивизий;

первая линия — 9 армейских корпусов;

вторая линия — 7 резервных корпусов, из которых 5 для осады Антверпена, где предполагалась высадка английского экспедиционного корпуса; сверх того, 2 корпуса подлежали переброске по железной дороге из Лотарингии на правое крыло;

третья линия — 10 ландверных бригад, к которым позднее подходят еще 6 бригад из центральной группы армии;

четвертая линия — 6 эрзац-корпусов, предназначаемых для обложения Парижа.

Какое мощное армейское карре (bataillon carré)! А вслед за этими следуют многочисленные войска ландвера и ландштурма для занятия этапов. В общем, на линию Париж—Ла-Фер—Реймс

должны были направиться 33 корпуса. В военной истории всех времен нет примера подобного боевого порядка и подобной армии. Ввиду того что в памятной записке Шлиффена все было отчетливо изложено, нечего было в 1914 г. раздумывать, — нужна была только способность подражания. Но на эту записку так долго не обращали внимания, заперев ее на долгие годы в шкафы, что побуждение к подражанию не могло и возникнуть.

Развертывание 1914 г. дает другую картину для правого крыла: впереди — 5 кавалерийских дивизий, как в плане Шлиффена, в первой линии — 1-я и 2-я армии — 8 корпусов; во второй — 4 резервных корпуса. Еще один резервный корпус прибывал из Шлезвиг-Голштинии. 5 ландверных бригад следовали в качестве этапных войск. Вот и все. И несмотря на это, мы могли бы даже и с этим убогим «армейским карре» при лучшем вождении одержать победу на Самбре.

Нам предстоит теперь исследовать, каким образом при установлении операционного плана можно было бы предпринять усиление правого крыла. Из 3-й армии нельзя было взять ничего, она была и без того слаба. 4-я армия была соразмерно сильна. 5-я, вопреки своей оперативной задаче, выражала в 1914 г. склонность к преждевременному наступлению. Лучшим средством принудить ее к выдержке было ее ослабление. Она могла отдать по меньшей мере один корпус. Из состава 6-й и 7-й армий, в предположении оборонительного образа действий в Лотарингии, можно было освободить по меньшей мере 2 действующих и 2 резервных корпуса, а позднее, может быть, еще и третий резервный корпус. Таким образом, для усиления правого крыла в нашем распоряжении могли находиться 3 армейских корпуса и от 2 до 3 резервных корпусов. Следовательно, это крыло достигало силы в 11 армейских и от 7 до 8 резервных корпусов. Таким путем 1-я и 2-я линии «армейского карре» могли быть образованы по замыслу Шлиффена. Что касается ландверных бригад для 3-й линии, то тут дело обстояло труднее. К 5 бригадам, входившим в состав обеих армий, приходилось перебрасывать 4 бригады из Шлезвиг-Голштинии (ландверную дивизию на запад, вместо востока). Для того чтобы довести количество ландверных бригад до 16, крепости Кельн, Везель, Ульм и Ингольштадт должны были отдать свои гарнизоны, к соответствующему вооружению и снаряжению которых надо было стремиться всеми способами. Этим путем достигалось усиление 3-й линии приблизительно до степени, требуемой Шлиффеном. Если бы французы не стали наступать в Лотарингию или снова отступили бы, то в расширенном районе Меца освободилось бы еще большее количество ландверных бригад. Их дальнейшее применение зависело от обстоятельств. В 4-й линии положение складывалось наиболее неблагоприятным образом. Вместо 6 эрзац-корпусов было выставлено только 6½ эрзац-дивизий, т. е. половина. Сформировать еще 6 эрзац-дивизий не представлялось невозможным. Но оставалось, разумеется, под вопросом,

могли ли они своевременно прибыть на правое крыло армии, чтобы принять участие в осаде Парижа. Тогда оставалась бы, по крайней мере, возможность помочь делу заменой и передвижением частей. В конце концов, в 1914 г. было много батальонов ландштурма, которые могли бы занять этапные районы. Таким образом, не было недостатка в силах для пополнения «армейского карре», и наступление не должно было потерпеть неудачу от истощения.

Наступление в Лотарингии с оставшимися 4 корпусами представлялось невозможным. Оборона, если принять во внимание расширенный Мец, район действия которого определялся течением рр. Мозель, Саар и Нид, представляла достаточное обеспечение левому флангу армии. Поэтому армия в Лотарингии не была бы оттеснена от Меца; захождение назад с удержанием правого крыла на Сааре по линии Саарлуи — С.-Вендель не представляло опасности. Вероятно, французы сперва вторглись бы в Лотарингию и, возможно, даже перешли бы через Саар, но немцы, по идее плана Шлиффена, должны были бы только желать этого. Наибольшая опасность для немецкого левого крыла представлялась не восточнее Меца, а западнее Диденгофена — в 5-й армии. Связь с позициями на Мозеле не должна была быть ни в каком случае утеряна. Обуздание наступательного порыва этой армии было важнее, чем усиление войск в Лотарингии.

Мольтке в своем развертывании несколько изменил деление фронта по сравнению с планом Шлиффена, как об этом уже было упомянуто. Отсюда именно в 1914 г. возник вред, выразившийся в том, что многострадальную 3-ю армию дергали то вправо, то влево. Конечно, было бы выгоднее быть сильнее также и в центре, т. е. в 3-й армии. Но этого достигнуть не удалось. Было бы только достаточно сильным правое крыло. Граф Шлиффен не испытывал той боязни прорыва, которая в 1914 г. на Марне повела к ошибочным мероприятиям. Прорывающийся попадает в более угрожаемое положение с фланга и с тыла, чем прорванный, если только последний еще достаточно силен на обоих флангах или на одном из них, чтобы атаковать прорвавшегося с внешней стороны. Поэтому следовало допустить, что если бы французы перешли в наступление, то мощное правое крыло скоро превратило бы даже удавшийся французам прорыв в их тяжелое поражение.

Вооруженные силы противника

Справедливость требует также напомнить, что со времени смерти Шлиффена обстоятельства на стороне противника существенно изменились. Французская армия напрягла все усилия, чтобы перегнать немецкую не только в количественном отношении, но также в вооружении и обучении. Оперативные взгляды также подверглись изменению. Стратегическая оборона, которая была неразрывно связана во Франции с системой укреплений в

стране, мало-помалу была поколеблена, а с 1911 г. взяла верх идея стратегического наступления, особенно развиваемая на объединенных совещаниях союзных генеральных штабов. Было согласовано по возможности одновременное «мощное наступление» (kraftvolle Offensive) на западе и на востоке. В 1913 г. начало англо-французского наступления было намечено на 11-й день мобилизации, русское — должно было последовать на 15-й день. При этом французами была допущена ошибка, которая могла бы послужить на пользу немцам. Полагали провести решение в 1-й линии активными войсками и отказаться в начале операций от содействия резервных формирований, считая, что и немецкие резервные формирования не входят в расчет как полноценные наступательные войска. Напротив, уже Шлиффен сводил резервные дивизии в корпуса и предусматривал их одновременное использование с активными войсками. В действительности в 1914 г. генерал Жоффр лишь 20 августа, т. е. на 21-й день мобилизации, отважился на решительное наступление в центре и на северном крыле армии, тогда как южное крыло уже 14 августа приступило к вторжению в Рейнскую провинцию. Если Мольтке, с одной стороны, разделял стремление Шлиффена к объединенному, по возможности, применению полевой армии, то, с другой стороны, он соблазнился сделать ошибочный вывод из совершенно правильно ожидаемой перемены оперативных намерений французов и изменил предусмотренное планом Шлиффена распределение сил в пользу второй главной операции в Рейнской провинции. Он полагал, что нужно вложить в огонь два куска железа и просмотрел, что один кусок графа Шлиффена для второй задачи был бы гораздо горячее. Шлиффен считался с возможностью наступления французов, как это достаточно подчеркнуто в его памятной записке 1905 г., и называл его даже «любезной услугой», которую французы окажут немцам. Как раз в этом случае он твердо решил держаться основного принципа своего плана.

По своей численности (Kopfzahl) англо-французско-бельгийские вооруженные силы почти в полтора раза превосходили в 1914 г. немецкую Западную армию. К счастью, наши враги не подумали о том, чтобы с самого начала, невзирая ни на что, использовать это превосходство. Они также заблуждались, придерживаясь традиционных взглядов. Англо-французская полевая армия превосходила немецкую Западную армию на 7 активных пехотных дивизий и на 1 сильную кавалерийскую дивизию. Бельгийская армия насчитывала 6 пехотных дивизий и 1 кавалерийскую дивизию, которые, однако, едва ли можно было рассматривать как полноценные. Резервные войска по численности поддерживали на обеих сторонах равновесие, но время и качество были на стороне немцев, что особенно должно было проявиться, если бы французы, как они намеревались это сделать, перешли в слишком раннее наступление. В общем, боевая готовность сведенных в боевые единицы немецких вооруженных сил была выше, чем у англо-французов. Англичане никак не

могли прибыть на континент ранее 11-го дня мобилизации. На самом деле в 1914 г. их сосредоточение закончилось только 20 августа у Мобежа. Если бы бельгийская армия вступила в полевые бои на Маасе или впереди Брюсселя, то немецкому правому сверхмощному крылу было бы не трудно ее опрокинуть при первом же натиске. При более верной оценке оперативной обстановки бельгийцы сделали бы лучше, если бы отступили на линию Лилль—Остенде и там соединились с англичанами. Хотя это и было слишком тяжелым и невероятным решением ввиду политического воздействия на собственную страну, но немцам все же следовало считаться с этим, делая, по совету Шлиффена, правое немецкое крыло насколько возможно более сильным.

Если можно сделать какое-либо заключение в смысле оценки немецких вооруженных сил на основе образа действий французов в августе и сентябре 1914 г., то можно без сомнения сказать, что достижение решительной победы менее зависело от точного выполнения требований Шлиффена относительно численности этих сил, но в гораздо большей степени от того, насколько немецкие армии были ведены в духе его замысла и насколько его оперативные советы исполнялись.

XIII
АНГЛИЯ
Участие Англии в войне

«Когда создавался план кампании, не считали Англию в качестве противника», пишет один известный историк[1]. Это заблуждение, которое следует рассеять. В ряде военных игр и при полевых поездках генерального штаба граф Шлиффен давно уже высказывал предположение об участии Англии в войне против Германии, и его записка, относящаяся к 1905 г., трактует о войне против Франции, Бельгии и Англии. Основанный на этой записке шлиффеновский план, которому исключительно посвящен настоящий труд, охватывает поэтому операции против франко-англо-бельгийских сил. Относительно Англии Шлиффен высказывается в приложении к записке. Во времена Шлиффена, как и позднее при Мольтке, была исследована также и возможность английского десанта на западном побережьи Ютландии. В 1914 г. для обороны Канала императора Вильгельма, согласно плану, были стянуты войска (IX резервный корпус и 4-я ландверная бригада) и произведена подготовка к развертыванию их в особую армию.

Таким образом, нельзя утверждать, что при возникновении плана кампании Англия как противник не была учтена. Поскольку существовало предположение, что при действиях англичан против Канала императора Вильгельма датчане под давлением Англии могут выступить совместно с последней, то уже при Шлиффене генеральный штаб работал над вопросом, как можно было бы воздействовать на Данию с моря. Тогда подобные мысли считались кое-кем чересчур дальновидными; теперь историки бросают упрек, что на возможность выступления Англии даже вовсе не рассчитывали. Из этого можно заключить, что понимание шлиффеновского плана не получило широкого распространения. Грандиозность плана заключается именно в том, что он всеобъемлющ и, разумеется, не мог упустить из виду английской опасности. Для того чтобы по возможности ограничить активное участие англичан на континенте, была совершенно необходима быстрая развязка на западе, на которой настаивал Шлиффен. Нельзя было предоставлять Англии время для

[1] Ульштейн, «Всемирная история», т. VII, стр. 752.

того, чтобы она могла собрать свои огромные людские и материальные ресурсы и бросить их на чашку весов. Развязка должна была наступить прежде, чем Англия могла опомниться и изменить организацию своих военных сил. Ее превосходство на море далеко еще не означало ее решительного влияния на суше. Для германских операций представляло исключительной важности задачу отнять у Англии время и захватить ту территорию, на которой она впоследствии могла бы развернуть свои войска. Надо было опасаться не слабого экспедиционного корпуса англичан, численностью от 120 000 до 150 000 человек, но мощи Британской империи в случае затянувшейся войны. Если бы Франция была раздавлена всей тяжестью германских сил, как это намечал Шлиффен, и если бы ее войска частью были уничтожены, частью взяты в плен, а частью отброшены в Швейцарию, то тем самым был бы нанесен жестокий удар и Англии. Тогда Германия могла бы построить для Франции золотой мост к миру. Равным образом, после первого морского боя с английскими силами, к которому германский флот должен был стремиться, мы могли бы предложить Англии заключить мир. Если бы германский флот был уничтожен, то у англичан отпала бы важнейшая причина вести войну; в случае же поражения английского флота, мы тем более смогли бы договориться с Англией.

Разумеется, германский флот не должен был дожидаться под прикрытием Гельголанда прихода англичан. Самым естественным для германского флота было бы решение поддержать на правом фланге наступление германцев на Сомму и на побережье Канала и самому отыскать английский флот. Хотя Шлиффен в своей записке 1905 г. оставляет без рассмотрения морские операции, но все же, не задумываясь, можно сказать, что наступательные действия флота в полной мере соответствовали бы шлиффеновскому плану, тем более что задачей правого крыла наших войск было наступление не только на Сену через Нижнюю Сомму, но также третьим эшелоном «армейского каре» и на порты, расположенные по Каналу. Такой целью в 1914 г. не задавались. Но ведь это вообще похоже на легенду, когда прикрывают план генерала Мольтке 1914 г. именем Шлиффена, как это делает упомянутый выше историк. Мы видели, какую картину по плану последнего должно было представить правое крыло, а позднее мы разберем, как предполагал Шлиффен провести операцию от Мааса к Сене. Он перевернулся бы в гробу, если бы узнал, как его план был испорчен в установке и в исполнении. Не шлиффеновский план был «закончен» на Марне. Хотя мы и воображали, что его выполняем, но уже к Марне от гениального полета мысли не осталось ничего. Кампания была проиграна потому, что мы не последовали шлиффеновскому плану; Франция смогла оправиться, а Англия выиграла время для мобилизации своих колоссальных ресурсов на всех концах света. Здесь следует еще упомянуть о блокаде, поскольку утверждают, что даже величайшая победа на западе не могла бы парализовать убийственного действия блокады. Как обстояло дело? В 1914 г. англичане

не могли решиться применить к германскому побережью обычной тесной блокады, так как это сильно истощало их боевые силы на море, в то время как германский флот пользовался посредством Канала императора Вильгельма преимуществом кратчайшего пути. На помощь англичанам пришла несчастная битва на Марне. Война затягивалась. Менее опасный способ изоляции Германии представляла «широкая блокада» (Fernblockade) посредством порабощения всех нейтральных стран. Но остается под большим вопросом, подчинились ли бы последние английскому принуждению в случае большой победы германцев на западе. Чтобы избежать экономических затруднений, Шлиффен стремился мощным ударом на западе быстро окончить войну. Создавая свой план, Шлиффен имел в виду бисмарковские образцы того, как следует заключать мир.

Десант английского экспедиционного корпуса

Нелегко было английскому командованию принять решение об отправке экспедиционного корпуса на континент. Возможность десанта на побережье Восточного (Балтийского) моря, вообще говоря, удобном для высадки, отпадала, поскольку приходилось считаться с тем, что на подступах к Балтийскому морю господствовал германский флот. Разделение английского флота дало бы германцам перевес над отдельными частями, так как Канал императора Вильгельма предоставлял возможность германскому флоту оперировать по кратчайшей линии между Балтийским и Северным морями. К тому же связь с отечественными портами оставалась бы чрезвычайно ненадежной даже в том случае, если бы датчане, не принимая непосредственного участия в военных действиях, оказывали всяческое содействие. Лучшим местом для высадки десанта для английских операций против Северной Германии был датский Эсбьерг на западном берегу Ютландии. Но тогда пришлось бы нарушить нейтралитет Дании, как это сделала Германия в отношении Бельгии. Англичане могли вести войну в Шлезвиг-Гольштинии без непосредственной связи с Францией. Ближайшая оперативная цель — Канал императора Вильгельма находился достаточно близко; таким образом, можно было надеяться лишить германский флот оперативной подвижности, а при благоприятных обстоятельствах пробиться через Канал дальше. Привлекал Гамбург. Возможно, что со временем удалось бы втянуть в войну Данию, особенно в случае неудач германцев на других театрах военных действий. Правда, операция, базирующаяся на Эсбьерг, хотя и сулила большие возможности, но сопровождалась и трудностями, которые не следовало недооценивать. Ведь если бы английский флот и оказался в состоянии защищать свои коммуникационные линии, то все же надо было учитывать и то обстоятельство, что германский флот, пользуясь близостью Гельголанда и устья Эльбы, мог бы мало-помалу истощать английские морские силы, причинять им вред и, наконец, может быть, и нанести им пораже-

ние. На суше надо было ожидать, что германцы выставят еще достаточные силы для того, чтобы путем оборонительных действий, опираясь обоими крыльями на море, защитить Канал императора Вильгельма. Вопрос о том, был ли подготовлен и способен английский экспедиционный корпус к позиционной войне, оставался открытым. Для операции, простирающейся за пределы Канала императора Вильгельма, которая требует сильного прикрытия флангов, он был во всяком случае слаб. Таким образом, это соблазнительное на первый взгляд предприятие было весьма рискованным и вынудило бы английский флот сразу принять бой с германским. Побережье Северного моря не годилось для более крупных десантов. Хотя можно было бы использовать в качестве опорных пунктов близлежащие острова, но базироваться на них сухопутным войскам, предназначенным для действий на далеком расстоянии, было нельзя даже в том случае, если предварительно был разбит германский флот. Что касается десанта на Боркуме, возможности которого, по поручению морского ведомства, неоднократно исследовались генеральным штабом, то он действительно мог дать убежище для миноносцев и крейсеров, но не служить исходным пунктом для сухопутных операций. Для этого раньше нужно было овладеть Эмденом и Вильгельмсгафеном. До Дюссельдорфа и Кельна было слишком далеко, и в каком бы направлении ни решили наступать англичане, фланги и тыл их находились бы под угрозой; едва ли для германцев представило бы особые затруднения окружить англичан. Граф Шлиффен и ген. фон-Мольтке были убеждены, что они будут действовать гораздо осторожнее. Либо они высадятся в Антверпене, либо в портах Канала: Дюнкирхене, Кале и Булони. В первом случае, по мнению Шлиффена, они были бы устроены хорошо. Там можно было бы их запереть и взять в плен вместе с бельгийцами. 5 резервных корпусов второго эшелона «армейского карре» могли бы взять на себя эту задачу. Предприняв же высадку десанта в портах Канала, они были бы в состоянии самостоятельно действовать против правого фланга германцев или же примкнуть к левому крылу французов. Как в том, так и в другом случае правое крыло германцев должно было быть достаточно сильным и глубоко эшелонированным, чтобы встретить англичан наступательными действиями. Намеченное шлиффеновским планом распределение сил принимало это в расчет. В случае необходимости германский фронт, совершающий захождение, делал временную остановку, чтобы обезвредить англичан, а затем продолжал наступление. В действительности в 1914 г. англичане не решились действовать на свой страх и риск; они подтянулись вплотную к французскому крылу у Монса и тем самым облегчили германцам оперативную задачу.

Если германское политическое руководство в 1914 г. цеплялось за соломинку английского нейтралитета, то ни Шлиффен, ни Мольтке этого не разделяли. Оба совершенно определенно принимали в расчет Англию в качестве противника.

XIV

ОТ МААСА К СЕНЕ

См. приложение 1 и схему 22[1]

Внезапная атака Льежа

Очертание границы было неблагоприятно для наступления правого немецкого крыла. Голландская область Лимбург выдается на юг, подходя вплотную к Аахену и находясь недалеко от Льежа (Люттиха). Эта крепость запирает важнейшие пути наступления через Маас в Северную Бельгию, где должно было развернуться «армейское карре». Если бы немцы подошли по голландской территории, через Рурмонд и Маастрихт, то не только была бы обойдена крепость, но этим с самого начала была бы достигнута достаточная глубина и ширина для построения правого крыла. Но для этого требовалось дружеское соглашение с Голландией. Так как это достигнуто не было, то Шлиффен хотел принудить к сдаче крепость Льеж путем ускоренной атаки.

Захват Льежа был неверным предприятием и сулил успех только при условии внезапности нападения. В мирное время необходимые приготовления держались в строжайшей тайне; особенно это касалось железнодорожных перевозок. Несмотря на это, удача атаки балансировала на острие ножа. Если бы она не удалась, то моральный урон был бы сильнее, чем фактическое замедление немецкого наступления через Маас. Бельгийская армия одна была слишком слаба, чтобы взять на себя защиту всей линии реки от Намюра до голландской границы. Английская вспомогательная армия не могла подойти достаточно быстро, а французы остерегались перебросить свои войска перед немецким фронтом на бельгийскую территорию, чтобы не отнимать у англичан желаемого предлога для активного вмешательства в войну. Таким образом, немцам был во всяком случае обеспечен выигрыш времени, в котором они нуждались, за исключением того положения, когда они сами по политическим соображениям замедлили бы с мобилизацией и потеряли бы драгоценное время.

[1] Для французского наступления см. схемы 4 и 6.

Вопрос о том, не соблазнились ли бы французы в долгом ожидании немцев сами вступить на бельгийскую территорию, остается открытым. До начала общего немецкого наступления следовало достигнуть соответствующими дипломатическими шагами по меньшей мере более удачной политической подготовки для необходимых военных мероприятий.

Политические и оперативные цели

План Шлиффена преследовал только цели оперативного искусства, т. е. победное окончание войны кратчайшим путем. После этого предоставлялось уже государственному деятелю заключить мир с врагами, как он хотел. Если бы французская армия была разбита уничтожающим образом и прижата к восточным крепостям и к Юре, Париж и гавани на Канале были бы заняты, а Верден, Туль и Эпиналь попали бы в немецкие руки, то тогда имелись бы налицо все военные гарантии, чтобы начать с Англией переговоры о мире. Если бы это не удалось, тогда можно было бы не заботиться больше о военном положении на западе, а провести последующее решение на востоке. Италия и Румыния, под влиянием нашей победы на западе, повели бы по меньшей мере весьма миролюбивую политику. Что касается Америки, то искусный немецкий канцлер мог бы, вероятно, легко заинтересовать ее в исходе мирных переговоров.

В плане Шлиффена заключались необычайные возможности для государственного деятеля быстро заключить мир в духе Бисмарка.

Критики графа Шлиффена остались в долгу по части доказательства, каким другим способом можно было бы привести войну к быстрому и победному окончанию. Как мы уже выше доказывали, ссылка на Мольтке старшего неуместна. Обстоятельства с того времени коренным образом изменились. Хотя в плане Шлиффена заключалась великая политическая цель добиться скорого мира, но по своей форме и содержанию он ограничивался чисто оперативной областью. Были подчеркнуты три оперативных цели: в первую очередь — решающее сражение в бассейне Сены с обложением и взятием Парижа; затем — захват Антверпена и гаваней на Канале, а именно — Дюнкирхена, Кале и Булони. Две последних цели были направлены против англичан; они должны были высадиться тут или там. Может быть, посчастливилось бы обезвредить англичан вместе с бельгийцами в Антверпене; в противном случае их можно было встретить по пути. Против Антверпена, который угрожал тылу немецкого наступления, следовало с самого начала выставить достаточные силы. Вопрос о том, как сложатся операции против неприятельских портов на Канале, можно было решить лишь после достижения ясности относительно действий англичан и французов.

„Крепость“ Франция

Франция, по определению Шлиффена, представляет собою «большую крепость».

«На внешнем поясе участок Бельфор — Верден почти неприступен, участок же Мезьер — Мобеж — Лилль — Дюнкирхен укреплен только с промежутками и пока почти совсем не занят. Здесь мы должны сделать попытку прорваться в крепость. Если это нам удастся, то обнаружится второй пояс или по крайней мере часть его, а именно — примыкающая к Вердену позиция за р. Эн, Реймс и Ла-Фер. Эта часть пояса может быть обойдена с севера. Строитель крепостей имел в виду наступление немцев южнее Маас—Самбра, но не считался с наступлением севернее этой линии рек».

Ни бельгийский Намюр, ни французские крепости Мобеж и Лилль не в состоянии преградить путь в Северную Францию. К тому же сила их сопротивления незначительна. Только Антверпен имеет большее оперативное значение как ворота для вторжения англичан. Самое главное это то, что во французских сухопутных укреплениях между Дюнкирхеном и Лиллем, а также между Лиллем и Мобежем зияют большие разрывы. Центральным оперативным пунктом позади этих разрывов остается цитадель страны — Париж, который должен быть обойден и взят. Против этой гигантской крепости надлежало предусмотреть особые мероприятия уже при самом распределении сил.

Путь к Сене

Расстояние от Аахена до Аббевиля на Сомме около 350 *км*, а до Сены ниже Парижа — почти 500 *км*. Шлиффен предполагал достичь немецкой фалангой линии Аббевиль—Верден на 31-й день от начала мобилизации; поэтому правое крыло должно было выступить самое позднее на 14-й день, но по возможности раньше. Этому ничто не мешало, так как армия была вполне готова для операций на 13-й день мобилизации, а действующие армейские корпуса могли начать движение еще на несколько дней раньше. Правому крылу предстояли значительные марши, но по стране, имевшей превосходные дороги, густое население и богатые запасы продовольствия. Организация продовольствия нескольких корпусов, двигающихся по одной дороге, была тщательно проработана в мирное время.

Железные дороги

Для успешного наступления правого крыла имело большое значение быстрое восстановление и принятие в эксплоатацию железных дорог. Мы можем положить в основу действительные обстоятельства 1914 г. Бельгия была настолько ошеломлена катившейся через нее лавиной, что не имела времени основательно разрушить свои железные дороги, а французы произвели основательные работы только на Среднем Маасе и восточнее Уазы. Севернее Самбры и западнее Уазы железные дороги были найдены почти неразрушенными; это служит доказательством, что французы вовсе не считались с таким распространением немецкого правого крыла. Следовательно, стратегическая внезап-

ность вполне удалась. Восстановление эксплоатации железных дорог шло, таким образом, следом за наступавшим правым крылом. Движение было восстановлено: 22 августа — до Ланден, 24-го — до Левен, 26-го — до Брюсселя, 29-го — до Монс, 30-го — до Камбре, 4 сентября — до Сен-Кантен и Шольн и 9-го — до Компьень. Если бы мы в своем разбеге проникли за линию Лилль—Аббевиль, то железные дороги попали бы в наши руки в состоянии, годном для эксплоатации. Между Уазой и Маасом восстановить железные дороги было значительно труднее, так как многочисленные мосты и тоннели были разрушены. 23 августа немецкое железнодорожное движение восстановилось до Жамблу (севернее Намюра), 25-го — до Шарлеруа и только 30-го — через Бомон до Анор и Фурми, которые долгое время оставались конечными пунктами железнодорожного движения, так как большой мост вблизи Гирсона был разрушен. Но так как для центра армии время не играло такой большой роли, как на правом крыле, то отсюда не возникло более значительного вреда. На левом крыле фронта, совершавшего захождение, железнодорожное движение могло полностью выполнять в любое время задачи подвоза, несмотря на разрушения на Маасе около Монмеди и Лонгюйона.

Нельзя было считать, что бельгийские и французские железные дороги в короткое время могут сделаться пригодными для переброски войск в широком масштабе. Если поэтому после начала наступления должны были осуществиться перевозки по железной дороге на правое крыло армии еще и сил из Лотарингии, то это надо было решить заблаговременно, чтобы произвести выгрузку у Аахена: расстояние не должно было быть слишком велико. Вот почему Шлиффен уже при первом распределении сил (см. приложение 1) имел в виду переброску на правое крыло 2 корпусов из состава вооруженных сил, назначенных в Лотарингию.

Захождение фронта

Движение армий, по плану Шлиффена, представляло собой большое захождение на тех же основаниях, как и на учебном плацу. Задача казалась простой и была такой для мастера на учебном поле (Exerziermeister). Но когда старшие и высшие командиры были призваны перенести во время войны на обширное поле сражения часто обсуждавшиеся на смотрах выводы из упражнений на этом учебном поле, то не удалось сохранить фалангу сомкнутой и выравненной, как этого требовал план Шлиффена.

Линия Антверпен—Маас

Где именно немецкая армия натолкнется на противника, было неизвестно. Если бы французы еще до начала войны пришли к мысли, что немцы будут продвигаться через Брюссель, то они могли бы попытаться переместить свое развертывание на линию

Антверпен—Маас (ставшую известной в 1918 г.), чтобы фронтально отразить продвижение немцев через Бельгию. Тогда правое французское крыло примкнуло бы к сильной группе крепостей Вердена и Туля, а левое — к морю. Разрыв между Тулем и Эпиналем мог быть заперт резервными и территориальными группами войск. Предположительно, в связи с таким развертыванием, французы немедленно вступили бы в Бельгию и использовали бы ее железнодорожную сеть. Французы подготовили «варианты» развертывания для небольших перемещений, но о таком коренном перемещении развертывания они совершенно не думали, да и не могли прибегать к такому отчаянному средству, решившись с 1911 г. наступать по обеим сторонам Меца. Не нашлось бы такого французского высшего командования, которое публично заявило бы в последний момент перед началом развертывания, что его подготовленные в мирное время мероприятия были ошибочны, не говоря уже о том, что правильного развертывания даже нельзя было бы осуществить. Немцы всегда сохраняли бы преимущество, и между Самброй и Шельдой дошло бы до столкновения, в котором планомерно развернутое «армейское карре» правого немецкого крыла, по всей вероятности, разбило бы и разбросало французов. Что сделала бы в этом случае Англия? Все ее политические расчеты были бы опрокинуты. В высшей степени сомнительно, чтобы она была склонна бросить свои вооруженные силы в такой адский котел.

По сведениям, имевшимся в мирное время в немецком генеральном штабе о французском развертывании, упомянутый случай можно было бы не принимать в соображение, но и на этот случай нашлись бы средства, если бы только было сделано сильным правое крыло.

Бельгийская армия

Если бы бельгийцы приняли бой на Маасе или дальше позади — на участке рек Жет (Gete) или Диль (Dyle), то они были бы уничтожены обходом обоих флангов или же по меньшей мере отброшены к Антверпену. Их выход на запад был нежелателен. Было невероятно, чтобы они очистили страну с целью избежать отдельного поражения и соединиться с англичанами на линии Лилль—Остенде.

Между Самброй и Маасом

Еще в мирное время существовала музыка французского военного марша, который уже предвосхищал победу «Между Самброй и Маасом». Мысль дать немцам сражение в этом районе, повидимому, была распространена во французских войсках. Генерал Ланрезак, командовавший 5-й французской армией, учел это. Но генерал Жоффр не верил в широкий размах правого немецкого крыла и только 15 августа предоставил командующему 5-й армией свободу продвижения в район Мариенбург—Филиппвилль. 20 августа 5-я армия находилась в углу между Сам-

брой и Маасом. Немцы достигли Брюсселя. По плану Шлиффена, немецкое правое крыло должно было дойти до Шельды около Уденаард (южнее Гента) на 22-й день мобилизации, т. е. 23 августа. Что стали бы тогда делать французы между Самброй и Маасом?

Интермедия[1]

Прежде чем мы продолжим рассмотрение плана Шлиффена, нам придется ввести интермедию. Предположим, что французы массой своих войск проникли между Страсбургом и Мецом, перешли через Саар и приготовляются охватить восточнее Саара левое немецкое крыло, протянувшееся до расширенного Меца, а затем напасть в тыл немцам в направлении Нижнего Мозеля. В этом случае Шлиффен решался пожертвовать также и районом между Сааром и Мозелем и Рейном. Он хотел особым способом повернуть немецкую фалангу не вокруг левого крыла, но вокруг центра и направить на линию Ла-Фер—Диденгофен—Кобленц, причем одна из армий центра должна была повернуть к Нижнему Мозелю, тогда как другие армии, справа от образовавшегося таким образом разрыва, должны были взять направление на юг и снова замкнуть промежуток. Участок между Мозелем и Маасом заграждался на высоте Диденгофена. Основные идеи плана Шлиффена — наступать сильным немецким правым крылом во фланг и в тыл французам, тесня их к Швейцарии и к Рейну, — оставался в силе. Ввиду этого решительное наступление ведется по направлению к Верхней Марне и к Верхней Сене, в то время как левое крыло обеспечивает линию Мозеля от Трира до Кобленца. Наступление на Антверпен тем временем продолжается. Силы, предусмотренные для операции против портов на Канале, прикрывают фланг и тыл движения на юг. Рейн выше Кобленца занимается по мере возможности войсками эрзаца и ландштурма.

Мольтке этот случай также представлялся в воображении, когда он думал, что

> «продолжение большого армейского захождения должно сделаться бесцельным, если противник будет искать главного решения на своем правом крыле в пределах Германии».

Он хотел тогда направиться на юг со всеми силами, находившимися в его распоряжении в Бельгии. Различие во мнениях Шлиффена и Мольтке заключается в следующем: Мольтке думал о движении на юг, как только противник своею главною массою вступал на территорию Германии, тогда как Шлиффен хотел допустить его продвижение через Саар и дальше к Нижнему Мозелю. Мольтке меняет свой план, так как он стремится добиться решения в Германии, в то время как Шлиффен лишь применяется к движению противника и ищет решения между Верх-

---

[1] Театральный термин для обозначения представления, вставляемого между актами основной драмы. — *Примеч. перев.*

ней Сеной и Верхней Марной. Основная идея Шлиффена остается прежней. Мольтке от нее отказывается. Можно допустить, что Шлиффен не верил серьезно в эту операцию, так как он считал, что французы повернут гораздо раньше.

Последовательность взглядов Шлиффена остается непоколебимой также и в том случае, если бы французы напали на Южную Германию через Верхний Рейн и через Швейцарию.

«Вступление противника в Швейцарию даст нам союзника, в котором мы очень нуждаемся, и оттянет на себя часть сил неприятеля». — «Если французы направятся через Верхний Рейн, то им будет оказано сопротивление в Шварцвальде. Подтягиваемые с тыла войска будут собраны на Майне и на Иллере. *Немцы могут быть уверены, что если они проявят упорство в своих операциях, то французы быстро повернут и притом — не севернее, а южнее Меца, т. е. в направлении, на котором им грозит наибольшая опасность. Для этого и требуется, чтобы немцы на правом крыле были сильны как только возможно, так как здесь следует ожидать решительного сражения».*

Вторжение 1-й и 2-й французских армий в Эльзас-Лотарингию

В 1905 г. Шлиффен считал маловероятным вторжение французов в Эльзас-Лотарингию между Мецом и Страсбургом. Но в 1914 г. это случилось. В этом отношении Мольтке рассчитал правильно, но течение операции в Лотарингии в 1914 г. не отвечало его оперативному толкованию и мероприятиям. Если бы французы, наступая между Вогезами и Мецом, натолкнулись 20 августа только на слабые силы, которые должны были там развернуться по плану Шлиффена, то, по всей вероятности, они стали бы в ближайшие же дни продолжать наступление на среднее течение реки Саар. Таким же образом они продвинулись бы к Страсбургу через Вогезы и от Бельфора. Нужно также допустить, что они не повернули бы назад, пока продолжало развиваться их наступление в Южной Бельгии и у Лонгви. Представляется даже вероятным, что французы перешли бы среднее течение р. Саар и направились бы на север, чтобы облегчить французское наступление северо-западнее Диденгофена. Для немцев было важно, чтобы Лотарингская армия не потеряла связи с расширенным Мецом, а группа войск, находившаяся в Южной Бельгии, — с Диденгофеном. Французам предстояло бы тяжелое решение поступиться снова достигнутыми успехами в Лотарингии и в Верхнем Эльзасе, если бы их наступление в Южной Бельгии остановилось и потерпело крушение. В какой именно момент французское высшее командование пришло бы к решению остановить победное продвижение обеих армий в Германию и отозвать их обратно за свою границу, чтобы оттуда перебросить по железной дороге на левое крыло армии? Быть может, Жоффр, подобно Мольтке в «перевернутом», так сказать, случае, все же продолжал бы цепляться за операцию в Лотарингии, пока не стало бы слишком поздно. Чем дальше продвину-

лись бы французы через среднее течение р. Саар, тем благоприятнее становились бы шансы для немцев на противоположном крыле. Возможно, что французы прибегли бы к полумерам и остались бы с частью сил перед Мецом на Сааре и перед Страсбургом, — хотя бы из соображений о престиже перед общественным мнением, которое было бы сильнее подавлено отходом из почти снова завоеванной Эльзас-Лотарингии, чем оно было подавлено отступлением в 1914 г. под давлением немецкого наступления 20 августа, когда впервые была нарушена граница. Военному счастью немцев были открыты и двери и окна, но Шлиффен не хотел на него полагаться, считая невероятным такое глубокое продвижение французов. Французы быстро повернут и пойдут обратно южнее Меца по направлению, откуда угрожала им наибольшая опасность. Поэтому ничего нельзя было считать достаточным, чтобы усилить немецкое правое крыло. Два немецких корпуса будут перевезены по железной дороге из Лотарингии в Аахен, чтобы присоединиться к «армейскому карре». Момент переброски должен был быть определен заблаговременно и вне зависимости от французского продвижения на Средний Саар. Погрузку целесообразнее произвести внутри расширенного Меца. Об этом надо было подумать уже при отходе за среднее течение р. Саар. Как только французы начнут отступать, оставшаяся слабая немецкая армия последует на линию Понт-а-Муссон—Нанси и атакует, по возможности, отступающие колонны неприятеля.

Наступление 3-й и 4-й французских армий на Лонгви и Нефшато

Мы можем только вкратце коснуться здесь французского наступления с линии Верден — Седан против Южной группы войск немецкого заходившего фронта, так как мы уже твердо установили, как эта группа должна была оперировать в духе замысла Шлиффена, который смотрел на французское наступление как на «любезную услугу» немцам. При сомкнутом фронте и наличном соотношении сил опасность прорыва едва ли угрожала немцам, — в особенности если бы они держались обороны и отступили в случае надобности к крепости Диденгофен. Кроме того, группа из 5 корпусов севернее Меца обеспечивала ось захождения. Объединенное немецкое контрнаступление должно начаться только после того, как французы истратят свои силы для наступления на всем фронте от Диденгофена до района севернее Седана, и когда появятся отчетливые признаки, что они намереваются отступить. Как показывает опыт, этот момент не легко установить. Впрочем, твердое командование служит предпосылкой как сомкнутости в обороне, так и единства в контрнаступлении. Чем дольше французы продолжали бы упорствовать в наступлении, тем более это соответствовало бы целям правого крыла немецкой армии. Было поэтому желательно не то, чтобы немецкий командующий доносил о скорой победе в Южной Бель-

гии, но чтобы он, не подвергаясь опасности поражения, побуждал французов как упорной обороной, так и искусным отступлением к самой упрямой борьбе за достижение победы. Так как французское высшее командование вело не демонстративное наступление, а стремилось к решительному сражению, то это способствовало Южной группе исполнить свою задачу. Правда, такого рода задачи были редки на упражнениях мирного времени. Традиционное стремление к наступлению, как только появляется противник, часто перевешивало над спокойным обсуждением, как это мы видели в Лотарингии, у Лонгви и на Самбре.

Немецкое наступление до 20 августа и левое крыло французской армии

За исключением событий в Лотарингии, до 20 августа 1914 г. немецкое наступление развивалось, приблизительно, в духе плана Шлиффена. Немецкое правое крыло находилось у Брюсселя и могло, как это и предусматривалось, достигнуть Шельды 23 августа, т. е. на 22-й день от начала мобилизации, если бы оно продолжало марш в западном направлении. 5-я французская армия намеревалась вклиниться в угол Живе—Намюр—Мобеж, образуемый реками, а англичане вплотную продвигались к ним у Мобежа. Обе французские армии центра 21 августа должны были повести наступление, тогда как французское правое крыло уже проиграло сражение и отступало к Мерте. Это во всяком случае было вовсе не в духе Шлиффена, так как французы более ранним отступлением выигрывали время для переброски войск на свое левое крыло. В остальном все развивалось для немцев в желательном смысле. Особенно благоприятным для них было то, что французы оставили на Маасе разрыв между Шарлевиллем и Живе, куда прямо и двигались три корпуса из центральной группы немецких армий. Этим создавалась угроза тылу французской обороны не только на Маасе, между Живе и Намюром, но и на Самбре, между Намюром и Мобежем.

Если бы немецкая Северная группа войск двинулась одновременно не на юг к Самбре, как это сделала 2-я армия в 1914 г., а сохранила бы направление марша, указанное Шлиффеном, — правым флангом на Уденаард, а левым на Бенш (Binche) то создалось бы положение, при котором командующий 5-й французской армией был бы поставлен перед трудным решением. Должен ли он оставаться за Самброй, если бы он не был атакован? Должен ли он отходить или, быть может, сам атаковать через Самбру проходящего перед его фронтом противника? Немцы были вполне подготовлены на этот случай планом Шлиффена, согласно которому позади 2 немецких корпусов левого фланга Северной группы войск следовали 2 резервных корпуса, чтобы быстрым поворотом влево можно было образовать фронт из 4 корпусов, в то время как остальная часть группы войск продолжала бы обходное движение. Концом этой песни было бы, вероятно, окружение 5-й французской армии, а если бы англи-

чане присоединились к французскому наступлению через Монс, то и их участь была бы не лучше. Когда командующий французской армией уяснил себе эту угрожающую опасность, он своевременно начал отход, хотя это и заставляло 4-ю и 3-ю французские армии прервать наступление. Таким способом вся французская армия должна была быть ввергнута в оборонительный образ действия, из которого и исходил Шлиффен при построении своего плана. Этим доказывается также, что намерение Мольтке поставить немецкое наступление в зависимость от французского было ошибочным. План немецкого наступления должен был в основе своей исходить из того, чтобы заставить французов перейти к обороне, причем, однако, следовало проверить, соответствовали ли — и в какой мере — наступательные немецкие намерения и мероприятия французскому наступлению в том или ином направлении. Другими словами, первоначальная основа немецкого оперативного плана должна была принудить французов обороняться при изменившихся обстоятельствах в 1914 г. не иначе, чем во времена Шлиффена.

Где немцы должны были проникнуть во французскую „крепость"

«На внешнем поясе участок Мезьер—Мобеж—Лилль—Дюнкирхен укреплен, однако, только с промежутками и пока почти совсем не занят. Здесь мы и должны сделать попытку прорваться в крепость».

Это и удалось в 1914 г., хотя 5-я французская армия и англичане, в общей сложности 11½ корпусов (включая резервные дивизии), были в состоянии в крайнем случае занять промежутки между Мезьером и Мобежем, а также между Мобежем и Лиллем. Но они не были в состоянии занять также промежуток между Лиллем и Дюнкирхеном и воспрепятствовать вторжению 18 немецких корпусов во Францию. Две трети этих сил двигались к Лиллю и к разрыву между ним и Мобежем. Если бы даже англичане сосредоточились у Лилля, а французская 5-я армия протянулась от Мезьера до Валансьена, то и тогда немецкое наступление не могло бы остановиться. Англичане подвергались опасности быть запертыми в Лилле, если бы они своевременно не отступили к Сомме. Непосредственная защита портов на Канале вовсе не представлялась для них заманчивой. Немцы могли еще усилить свое правое крыло тем, что при изменившихся обстоятельствах могли бы наступать на Антверпен не пятью, а только 2 резервными корпусами, что можно было сделать без всякого ущерба после того, как англичане появились на севере Франции. Таким образом немцы имели бы севернее Самбры — 14, а в обеих войсковых группах правее и левее реки — в общей сложности 20 корпусов против 11½ англо-французских. Несколько французских территориальных дивизий уравновешивались следовавшими в третьей линии 10 ландверными бригадами Северной группы войск, которые стягивались бы к Лиллю, чтобы наступать против портов на Канале. Так как тем временем еще 2 корпуса

14*

перебрасывались бы из Лотарингии в Аахен, то немцы распо лагали бы еще резервом, который мог быть подтянут кратчайшим путем с сохранением возможности им распорядиться. Резервные и ландверные войска Центральной группы войск атаковали бы крепость Намюр, а наступление на Мобеж могло быть поручено одному из резервных корпусов Северной группы. Уроки 1914 г., доходившие до смешного, подтвердили, что представлялось невероятным, чтобы крепость Лилль попыталась оказать серьезное сопротивление, если бы целая армия наступала в промежуток между Лиллем и Дюнкирхеном.

Развертывание противника на линии Верден—Лилль

Эти рассуждения могли бы быть достаточными, чтобы показать, что граф Шлиффен правильно смотрел в своих предположениях на условия вторжения во Францию. Но как, могут спросить, обстояло бы дело, если бы французы отказались от наступления в Южную Бельгию и Эльзас-Лотарингию и с самого начала сосредоточили бы по крайней мере еще одну армию, например 1-ю, не на фронте Вогезов, а у Лилля, чтобы создать там ядро для сильной армейской группы, которая своим левым флангом, быть может, простиралась бы до Брюгге? Конечно, франко-англо-бельгийское развертывание на линии Верден — Лилль с сильным левым флангом было бы для немцев большой неприятностью. Но, к счастью, ни французы, ни англичане, ни бельгийцы не думали о таком решении, раз только немцы вступят на бельгийскую территорию. Даже внезапное нападение на Льеж не открыло глаза французам. Не говоря уже о том, что французское высшее командование с 1911 г. крепко держалось наступления по обеим сторонам Меца, оно не добивалось неизбежного оголения правого крыла между Бельфором и Тулем, чтобы иметь возможность протянуть левое крыло до Лилля и дальше. Но иным способом, как за счет ослабления правого крыла, нельзя было добыть силы для создания мощного левого крыла, — совершенно так же, как у немцев, только в обратную сторону. Что французы против немецкого «армейского карре» выставят такое же между Самброй и морем — нечего было опасаться. Великие идеи, скрытые в плане Шлиффена, хотя бы они и казались простыми, не имеют обыкновения на войне возникать сразу с обеих сторон. Для этого нужен *истинный полководец*, который предвидит то, «что случится и должно случиться». Военная история дает многочисленные примеры, что только на протяжении длинного ряда лет мир идей у обеих сторон сближается и выравнивается.

Первый акт по плану Шлиффена. Эн

Итак, немцы ворвались в 1914 г. в «крепость» Франции; прелюдия, т. е. проход через Бельгию, была разыграна. Начинался первый акт плана Шлиффена. После того как старые французские пушки для поддержания достоинства выпустили навстречу не-

мецким колоннам некоторое количество безвредных гранат, — крепость Лилль прекратила сопротивление. На 25-й день от начала мобилизации немецкие войска под звуки музыки вошли в город. Англичане отступили к Ле-Като, 5-я французская армия — к Гирсону. Наступление 3-й и 4-й французских армий у Лонгви и Нефшато стало приостанавливаться; появляются заметные признаки немецкого контрнаступления северо-западнее Нефшато. 2-я французская армия заперла Мец с южной стороны, а другие ее части встали перед укрепленными позициями на Ниде, тогда как правое крыло продвинулось уже через Саар до Цвейбрюкен. Немцы отступили на линию Саарлуи — Сен-Вендель, 1-я французская армия стоит правым крылом перед Страсбургом и позицией у Брэйш. Верхний Рейн обеспечивают территориальные дивизии. В остальном армия в Вогезах докатилась, приблизительно, от района южнее Цаберна до Бича.

Французское главное командование видит себя вынужденным, в связи с положением на левом крыле, прекратить наступление на правом крыле и в центре и организовать отступление. Оно решает организовать оборону позади р. Эн после временного сопротивления на Маасе, между Верденом и Мезьером. Правое крыло должно держать связь с Верденом, в то время как левое крыло через северный край Аргоннов должно было загибаться позади Уазы до Парижа. В таком расположении хотят отважиться на решительное сражение. Перед этим 5-я армия и англичане для выигрыша времени должны вести бой на линии Лан (Лаон)— Ла-Фер—Верхняя Сомма, чтобы тем временем перебросить войска по железной дороге из центра и с правого крыла на фронт Суассон — Париж. Дальше всего проникшим за р. Саар частям 1-й и 2-й армий предстояло сделать 4 хороших перехода до станций погрузки на французской территории; поэтому можно было рассчитывать, что они прибудут на Нижний Эн и на Уазу не раньше, чем через 8—10 дней. Отдельные части, которые были расположены ближе к железным дорогам, могли прибыть несколько раньше. В связи с тем, что немцы могли появиться в это же самое время у Компьеня и Крей на Уазе, необходимо было немедленно принять меры для обеспечения этого фланга. Для этого правое крыло 3-й армии должно было немедленно быть оттянуто к Вердену, откуда несколько дивизий должны были перевозиться непрерывно следующими эшелонами, чтобы занять вышеуказанный участок на Уазе до прибытия новых войск. Части парижского гарнизона также должны были выдвинуться к Уазе, ниже Крей. Кроме того, можно было подтянуть территориальные войска с юга, чтобы осуществить хотя бы слабую защиту Сены между Парижем и Руаном. Таким способом французское командование надеялось еще, быть может, своевременно организовать упорную оборону позиции Эн—Уаза. В противном случае ничего больше не оставалось, как тотчас же оттянуть левую половину фронта за Марну, в то время как правая должна была оставаться примкнутой к Вердену. На оттягивание этого фланга к Тулю решаются лишь в крайнем случае. Так как правый фланг

при всяких обстоятельствах должен оставаться обеспеченным, то промежуток между Тулем и Эпиналем прикрывается в достаточном количестве резервными и территориальными дивизиями.

Если теперь рассмотреть в целом предположенные французские мероприятия, то французское расположение представится в виде большого бастиона. Хотя фронт оказывается по природным условиям и сильным, но не в такой мере, чтобы фронтальное наступление немцев представлялось совсем безнадежным. Правый фланг защищен Верденом — Тулем против любого неприятельского наступления; слабое место находилось южнее Туля, в промежутке до Эпиналя. Но, судя по предыдущим действиям немцев, там нельзя было пока ожидать серьезного наступления. Фланг по р. Уазе, несмотря на наличие реки и парижской цитадели, прикрытой таким рвом, как Уаза — Сена, все же был наиболее опасной частью расположения. Французы должны были сосредоточить здесь возможно больше войск не только для защиты самой Уазы, но и для контрудара, если немцы перейдут Сену ниже впадения Уазы. Возникает вопрос, какое количество войск могло быть снято с фронта и с правого фланга? Это, в сущности, зависело от энергии, с которой немцы возьмутся за атаку фронта на р. Эн. Если этот фронт будет вдавлен, то на Уазе также нельзя будет больше держаться; равным образом нельзя оборонять фронт на р. Эн, как только немцы проникнут через Уазу между Парижем и Компьенем. Действительно, для французов опасное положение создалось только тогда, когда *одновременно* с наступлением через Уазу немцы предприняли такое же наступление через Сену ниже впадения Уазы. Куда в этом случае французы должны были направить свои резервы? Если они двинут их на север от Парижа, то немцы проникнут западнее через Сену; если они направят их западнее Парижа, то будет иметь шансы на успех немецкое наступление через Уазу, так как французы едва ли могли оказаться настолько сильными, чтобы выделить достаточные резервы севернее и западнее Парижа. При слишком сильном ослаблении фронта на р. Эн, с целью усиления его на Уазе и Нижней Сене, немцы пробьются у Суассона и Реймса. Если же французы пренебрегут фронтами на Уазе и Эн, то для немцев представится возможность прорваться у Крей и Суассона. Для немцев в первую очередь было важно двинуться для одновременной атаки через Уазу и Сену. Но для такой операции они не могли быть достаточно сильны. Надо было поэтому двинуть с родины с самого начала все до последнего орудия и последней винтовки, где бы ни пришлось оказать помощь великой победе у Парижа.

На 31-й день от начала мобилизации 2 корпуса правого крыла один за другим могли бы достигнуть Соммы около Пикиньи, ниже Амьена; уступами справа следовали бы 2 других корпуса один за другим на Аббевиль (задний корпус прибыл из Лотарингии), а несколько восточнее, позади фронта, двигался бы еще резервный корпус. Таким образом, 5 корпусов готовы в любое время отразить наступление на немецкое правое крыло, или же

4 корпуса могли выдвинуться в передовую линию. Западнее Уазы двигалось бы всего 16 корпусов; за ними на значительном расстоянии — еще 6 эрзац-корпусов. Второй из двух корпусов, прибывших из Лотарингии, находился бы еще несколько позади, имея направление марша на Амьен. В районе Компьеня, где Эн впадает в Уазу, могло, вероятно, потребоваться сосредоточение более значительных сил. Поэтому еще 2—3 резервных корпуса, имевшиеся в распоряжении и в которых не было надобности перед крепостями (для их обложения), были подтянуты вдоль Уазы. Картина могла быть такая: против фронта на р. Эн могло быть по меньшей мере 8 немецких корпусов, которые по возможности еще на правом берегу Мааса тянулись бы резко вправо, с левым флангом до Мезьера, чтобы, соответственно намерению Шлиффена, все армии заняли более узкий фронт. Уступами слева западнее Мааса следуют 3 резервных корпуса для защиты фланга со стороны Вердена, в то время как восточнее реки 2 резервных корпуса запирают крепость. Освободившиеся в Лотарингии ландверные бригады привлекаются также к обложению Вердена. Оставшиеся в Лотарингии части армии, усиленные главным резервом Меца, и еще 2 оставшиеся в распоряжении эрзац-корпуса располагаются перед Тулем и Нанси. Подготовляется наступление против слабейшего из фортов-застав между Верденом и Тулем. Разделение немецкого фронта на 3 группы войск могло оставаться и дальше, но распределение их соответственно новым оперативным заданиям следовало изменить. Западная группа войск должна включить все корпуса, которые двигаются против Сены ниже устья Уазы, включая и эрзац-корпуса; Центральная группа получает фронт Уазы до Ла-Фер, при дальнейшем продвижении — и западную часть фронта р. Эн, включая Суассон; Восточная группа назначается на остальную часть фронта р. Эн, до Вердена включительно, и на Лотарингские возвышенности. Войска в Лотарингии образуют отдельную армию. Необходимо создать ясный порядок подчиненности для проведения такой обширной операции.

Попытки французов и англичан оказать временное сопротивление у Ла-Фер и Сен-Кантена должны были быть оставлены ввиду того, что немцы обгоняли их с запада. Однако, подготовка новой армии из 5 корпусов в исходном положении за Уазой, между Компьенем и Шантильи, удалась, так как немцы были вынуждены сократить величину переходов. На 36-й день от начала мобилизации у французского высшего командования создается впечатление, что немецкие боевые силы западнее Уазы разделились. Правое крыло продолжает движение к Нижней Сене, тогда как головы 9 колонн заходят против Уазы. На фронте р. Эн немцы до сих пор не наступали; они, однако, подходят вплотную и развертываются по северному берегу долины р. Эн, подготовляя наступление. Пехота работает лопатами на средних дистанциях от французских позиций, в то же время артиллерия продвигается по ночам с одной закрытой позиции на другую на дистанцию действительного огня.

На Сене от устья Уазы до Руана стоят 10 французских дивизий; из них 6—территориальных.

Второй акт. Марна

На 38-й день от начала мобилизации немецкая конница в составе 6 дивизий появляется на Сене у Руана и Лез-Андели (Les Andelys). Следующие позади маршевые колонны занимают фронт, который протягивается к западу далеко от Бове. Можно оставить открытым вопрос, действительно ли французское командование получит верную картину обстановки. Для большей поучительности мы допустим, что французское высшее командование на шахматные ходы плана Шлиффена отвечает соответствующими контрходами. На 41-й или 42-й день от начала мобилизации немцы могли бы форсировать переправу через Сену. В то же время началось бы наступление на фронте Эн — Уаза. Французское высшее командование там, где оно считало это всегда допустимым, сняло с фронта войска и перебросило их в район западнее Парижа. С линии Верден — Туль несколько дивизий также передвинуты в район Шартр. Кроме того, все пригодные территориальные войска с юга Франции двинуты к Орлеану, так же как и военные гарнизоны из Лангра, Дижона и Безансона. Даже Бельфор и Эпиналь были оголены от войск, за исключением гарнизонов прикрытия (Sicherheitsbesatzungen). В таком в высшей степени напряженном положении французское высшее командование узнает, наконец, что немецкие войска продвигаются к Верхнему Мозелю и что в Германии созданы новые формирования. Главный резерв Страсбурга и ландверные бригады Верхнего Рейна пришли в движение, как только французы очистили Верхний Эльзас; они двигаются в связи с действующими войсками в Лотарингии, насколько возможно ближе к укрепленной линии Мозеля, а главной массой — против разрыва у Шарм Charmes). За ними должны следовать вновь сформированные в Германии корпуса.

Что думает предпринять французский полководец?

Должен ли он провести решительное сражение на Эн — Уазе или же спешно искать спасения за Марной? Французское правительство покинуло Париж. Могло ли сердце Франции сделаться добычей немцев без решительного сражения? По вопросу, на что в таком положении решился бы генерал Жоффр, мы можем до известной степени опереться на события 1914 г. Насколько можно предположить, он не стал бы драться ни на р. Эн, ни на Марне, но отошел бы за Сену. Если он в 1914 г. на пути между Марной и Сеной снова организовал фронт для контрнаступления, то это надо отнести к тому, что генералом Галлиени, губернатором Парижа, его внимание было обращено на исключительно благоприятное положение, создавшееся тем, что немецкое правое крыло двигалось мимо Парижа восточнее города.

Более благоприятные условия, чем на Эн, складывались для французской обороны за Марной, на более коротких линиях

Париж — Верден или Париж — Туль. Французы могли бы, оставив для боя на Эн и Уазе лишь арьергард, выиграть на несколько дней больше времени для переброски своих сил с правого крыла на левое, как это нужно было сделать и на Уазе. Представляется, конечно, невероятным, что им в этом случае удалось бы занять более значительными силами участок от Сены до Руана; они всегда примыкали бы своим флангом к Парижу и в лучшем случае имели наготове более сильные резервы юго-западнее Парижа. Обход крупными немецкими силами через Нижнюю Сену лишал возможности французов оказывать сопротивление также и за Марной. Продолжающееся взаимодействие между фронтальным наступлением и обгоняющим охватом, которое оживляло план Шлиффена как мощная двигательная сила, неизменно обрекло бы на неудачу каждую французскую контроперацию до тех пор, пока им не удалось бы создать против охвата новый сильный фронт, не ослабляя себя значительно на прежнем фронте. В положении французов это была очень трудная проблема командования, решение которой вызывает сомнение также и в отношении психологических факторов. Военная история издавна подтверждает, что мощный наступательный план противника вызывает у обороняющегося неуверенность и слабость решений, беспорядочность и замешательство. Вместе с тем военное счастье охотно сопутствует смелому плану, если только на решительном пункте применяются «сильнейшие батальоны», как это хотел иметь Шлиффен. Можно было бы противопоставить судьбу Наполеона в 1812 г., но это сравнение неприложимо здесь по ранее изложенным основаниям. К тому же против России не было никакого плана Шлиффена. Нельзя было ожидать, что французы оставят свой главный город по политическим и психологическим причинам; решительное сражение за Париж было много вероятнее, чем за Москву или Петербург. Если французы опасались снова принять бой на Марне по той причине, что немцы следовали за ними по пятам, то они все же были бы вынуждены построить фронт на Сене.

Третий акт. Генеральное сражение на Сене

Долина Сены выше Парижа представляет выгодную оборонительную позицию. Слегка выгнутая к северу большая дуга, образуемая рекой, примыкает слева к грандиозной крепости. Справа, вдоль р. Об и Рейн-Марнского канала, можно было примкнуть к группе крепостей Верден — Туль. Позиция обладала интересной оперативной особенностью, обусловленной течением реки. Ее правая половина не требовала упорной обороны, так как допускала возможность отхода и загиба фронта за Верхней Марной правым флангом к Лангру или еще дальше за Армансонским каналом с правым флангом до Дижона. Осью этого отступательного захождения являлся Париж вместе с течением р. Сены, между Парижем и Монтеро. С помощью такой операции французская армия могла избежать опасности быть оттесненной нем-

цами на юго-восток, к Швейцарии. Этим путем на правом крыле можно было еще сэкономить силы, которые могли бы пойти на пользу левого крыла. Но главнейшая опасность, к сожалению, угрожала оси захождения — Парижу, в противоположность Мецу, как немецкой оси захождения. Если между Парижем и морем Сена и представляла немалое препятствие, то нехватило бы сил для упорной обороны. Если бы французам удалось удержать Нижнюю Сену против наступления 13 немецких корпусов, то план Шлиффена был бы сокрушен, но они для этого пропустили слишком много времени по трем основным причинам: во-первых, основная идея плана Шлиффена осталась ими совершенно неразгаданной, а потому оперативная внезапность, столь важная для успеха, блестяще удалась немцам; во-вторых, в связи со своим наступлением французы потеряли драгоценное время и предоставили возможность немцам оставаться с ними в тесном соприкосновении (на острие клинка); в-третьих, — и это в особенности, — наступая в Эльзас-Лотарингию, французы приковали часть своих сил не к тому крылу. Таким образом, в условиях действительной обстановки на стороне французов в 1914 г. — 13 немецких корпусов легко прошли бы через Нижнюю Сену. Французским командованием не только овладел бы страх, но его, вероятно, охватило бы отчаяние. В таком состоянии ума и духа полководец прибегает к отчаянным решениям. Смотря по своей натуре, он стал бы или с крайней энергией оборонять Сену выше Парижа и пытаться найти защиту от охвата в контрударах при помощи спешно сколоченных войск, или же немедля продолжал бы отступление в надежде, что, в конце концов, немецкий натиск ослабеет по причине утомления войск и затруднений в подвозе. На Луаре и на Шер ему представлялись новые возможности сопротивления. Падение Парижа и даже восточных крепостей во всяком случае сделалось бы только вопросом времени. Как отнеслось бы французское и английское правительства к отступлению в Южную Францию? Пожалуй, гражданские старатели погнали бы опять вперед французские армии, а новоявленный Гамбетта воодушевил бы народ к последнему напряжению. Предоставлять нашей фантазии дальнейшее развитие не приходится; вернемся на Сену и примем, что французский полководец, как это и случилось в действительности в 1914 г., решил дать генеральное сражение на Сене.

Между Конфланом на Сене и Тулем в восточной половине поля сражения немецкое наступление проводилось бы с настойчивой энергией, несмотря на ограниченность введенных там сил (8 корпусов) с искусным использованием местности и применением лопаты. Французы хорошо окопались бы и притянули бы все вспомогательные средства из восточных крепостей. Их искусство в обороне, возможно, позволило бы им освобождать силы на фронте для других целей. Так как Верден располагался очень неудобно на фланге немцев, то его нужно было бы обложить по обоим берегам Мааса. Немецкое наступление к Сене выше Парижа надо было прикрыть севернее Марны против вы-

лазок из крепости. Оба правофланговых корпуса армейской группы, которая была повернута к Уазе, вследствие этого пока отпадали для наступления. Оставалось 7 корпусов, которые переходили Марну между Парижем и Шато-Тьерри. Один корпус пока пришлось бы оставить южнее Марны против Парижа; таким образом, для проведения фронтального наступления против Сены выше Парижа оставалось в распоряжении 6 корпусов. Это немного, но все же достаточно, так как левее (западнее) Сены, через линию Шартр — Париж приближались по меньшей мере 13, а может быть и 15 корпусов, из которых 6 эрзац-корпусов предназначались для окружения Парижа левее Сены и Марны. Вскоре корпуса, обходившие Париж с востока и с запада, должны были протянуть друг другу руки. Если бы немцы натолкнулись на противника уже у Шартра, то они должны были бы временно приостановить обход Парижа, пока не разбит этот противник. Ввиду того что по направлению от Орлеана можно было также ожидать удара французов, то на немецком правом крыле приходилось удерживать позади несколько корпусов, пока не будет окончательно выяснено, где находилось левое французское крыло. Нельзя предусмотреть, как это крыло стало бы действовать по отношению к охватывающему Париж немецкому движению. Это зависело от такого множества тактических и всякого рода других причин на широком поле сражения, что мы должны отказаться от ближайшего рассмотрения этого вопроса. Остается только один кардинальный вопрос: были бы французы в состоянии, узнав своевременно о грозящей опасности, сосредоточить большие силы, чтобы предпринять широкое фланговое наступление против немецкого правого крыла севернее Луары, примерно через линию Орлеан — Шатоден — Ножан?

Заключение

В нашем исследовании мы принимали силу немецких армий по плану Шлиффена 1905 г., не вычитая армии для востока, чтобы выявить идеи Шлиффена по возможности в неизменном виде так, как он их оставил своему заместителю. Если мы выделим для востока, по боевому расписанию 1914 г., 1 кавалерийскую и 9 пехотных дивизий, то возникает вопрос, с какого участка на западе можно было легче снять эти силы? Кавалерийская дивизия не играет при этом никакой роли; она могла быть взята из центра или из Лотарингской армии. В остальном во времена Шлиффена корпуса, предназначенные для возможного наступления на востоке, были так распределены на фронте захождения при развертывании на западе, чтобы при выпадении их соотношение сил между различными группами армий изменилось как можно меньше. Число дивизий в Лотарингии в обоих случаях оставалось одинаковым. Но при этом, как уже несколько раз упоминалось, Шлиффен имел намерение как можно скорее перебросить из Лотарингии 2 корпуса на правое крыло, что могло снова возместить нам выпадение 2 восточных корпусов. Таким

способом составленное боевое расписание представляло выгоды также и в смысле упрощения подготовительных работ по мобилизации.

Отсутствие восточных корпусов (I, XVII, XX армейских, I резервного корпуса и 3-й резервной дивизии) не причинило бы существенного ущерба для проведения операций на западе. Сами французы дали тому лучшее доказательство в 1914 г. Несмотря на коренное изменение немецкого развертывания в 1909 г., полководцу, подобному по таланту старому Шлиффену, было бы не слишком трудно в 1914 г. провести операцию с 20 августа в духе плана Шлиффена и увенчать ее блестящей победой. Французское командование этому не помешало бы.

Когда критики не находят больше возражений против плана Шлиффена, то обыкновенно говорят, что французы не стали бы сражаться на Сене, но отошли бы за Луару и дальше на юг. Немцы не могли бы бежать за ними до Пиренеев. Это возражение опровергается историей без того, чтобы нам нужно было даже сейчас вспоминать поход Александра или же походы Ганнибала, Цезаря и Наполеона; имеются еще и другие примеры далеко растянутых кампаний. При этом Франция по своей проходимости, богатству и естественным границам представляла особенно подходящую в оперативном отношении страну. Мы не знаем, повел ли бы Шлиффен немецкую армию на юг Франции или он перешел бы к обороне между Парижем и Дижоном или на какой-нибудь другой линии. Но нам и нет надобности подвергать это рассмотрению, потому что план Шлиффена был вполне достаточным, чтобы привести к большой решительной победе в 1914 г.

ИСТОЧНИКИ, НА КОТОРЫЕ ССЫЛАЕТСЯ ГРЕНЕР

Gesammelte Schriften des Generalfeldmarschalls Grafen Alfred v. Schlieffen. Verlag L. S. Mittler & Sohn, Berlin 1913.

Unveröffentlichte Schriften des Grafen Schlieffen im Besitz des Generals v. Hahnke.

Reichsarchiv, Der Weltkrieg 1914 bis 1918. 1. und 2. Band. Verlegt bei L. S. Mittler & Sohn, Berlin 1925.

Die Werke Friedrichs des Grossen 6 Band. Herausgegeben von Gustav Berthold. Volz. Verlag Reimar Hobbing, Berlin 1913.

Dr. Hugo Rochs, Schlieffen, Ein Lebens- und Charakterbild für das deutsche Volk. Vossische Buchhandlung, Berlin 1921.

Wolfgang Foerster, Graf Schlieffen und der Weltkrieg. 2 Aufl. Verlag L. S. Mittler & Sohn, Berlin 1925.

Frhr. v. Freytag-Loringhoven, Graf Schlieffen. Historia-Verlag, Leipzig 1920.

Gunther Frantz, Russlands Eintritt in den Weltkrieg. Deutsche Verlagsanstalt für Politik und Geschichte, Berlin 1924.

Daniloff, Russland im Weltkriege 1914—1915. Frommannsche Buchhandlung, Jena 1925.

Kabisch, Streitfragen des Weltkrieges 1914—1918. Bergers Verlagsanstalt, Stuttgart 1924.

Frhr. v. Gayl, General v. Schlichting und sein Lebenswerk, Verlag Georg Stilke, Berlin 1913.

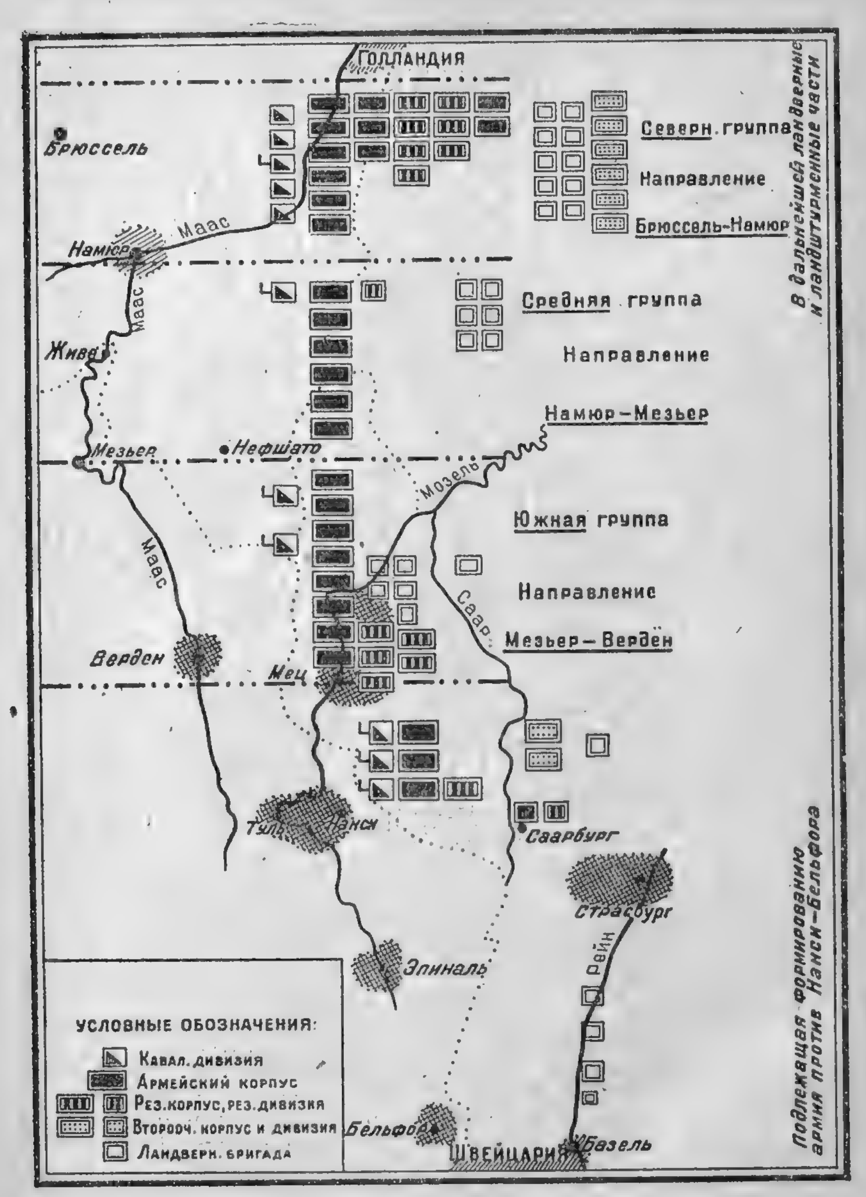

Схема сосредоточения по плану Шлиффена 1905 г.

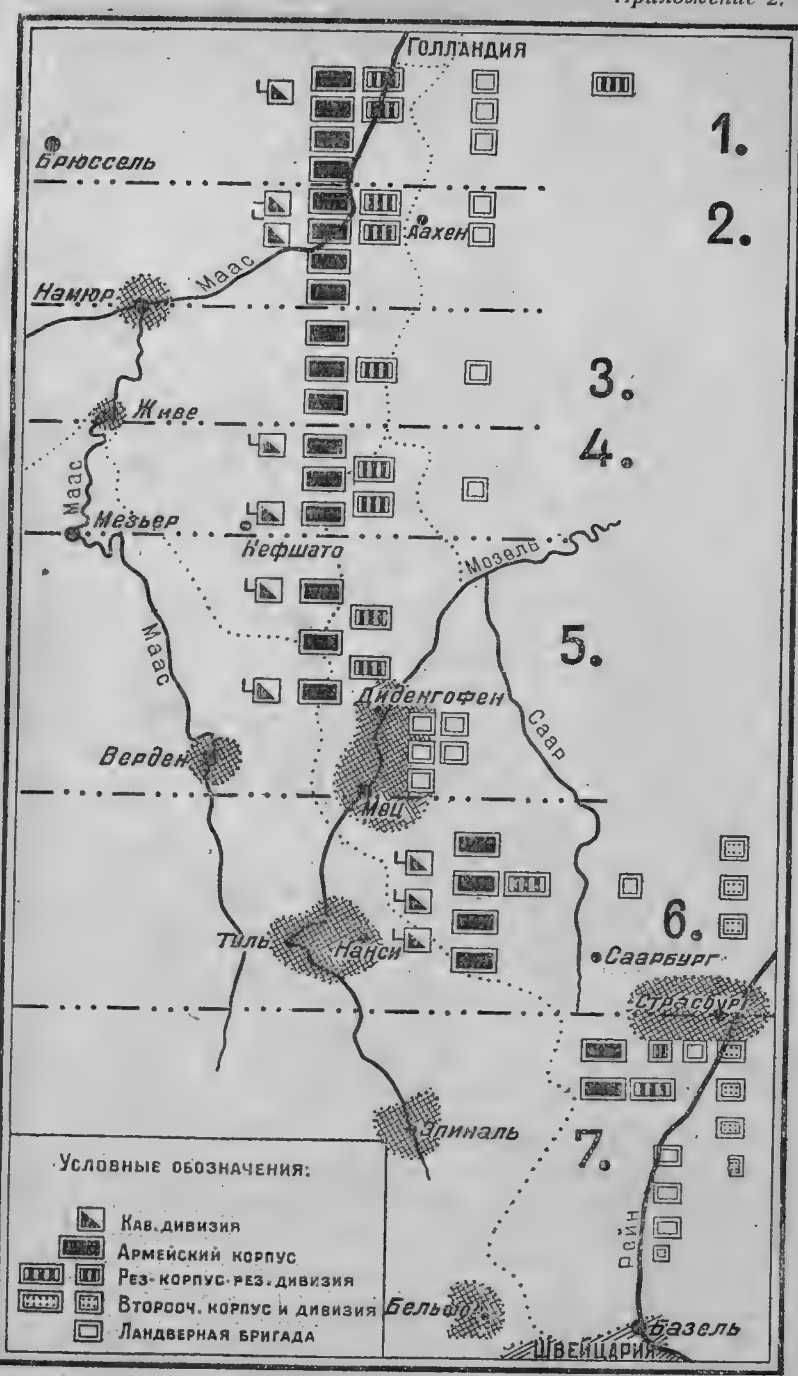

Схема сосредоточения, осуществленного Мольтке в 1914 г.

УКАЗАТЕЛЬ СХЕМ,
помещенных в конце книги

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

III. Лонгви и Нефшато

IV. Преследование

V. Полководец

VI. Оборона на западе

VII. Наступление на востоке

VIII. Оборона на востоке

Сдано в производство 27.5.37. Подписано к печати 9.12.37. Формат бумаги 60×92/16. Объем 14¼ п. л. + схемы 7 п. л. 19,02 авт. л. В бум. листе 94.400 знаков

Уполн. Главлита № Г—7489. Изд. № 228. Зак. № 262.

Цена книги 3 руб. 75 коп., переплета 1 р. 50 к.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии Государств. военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

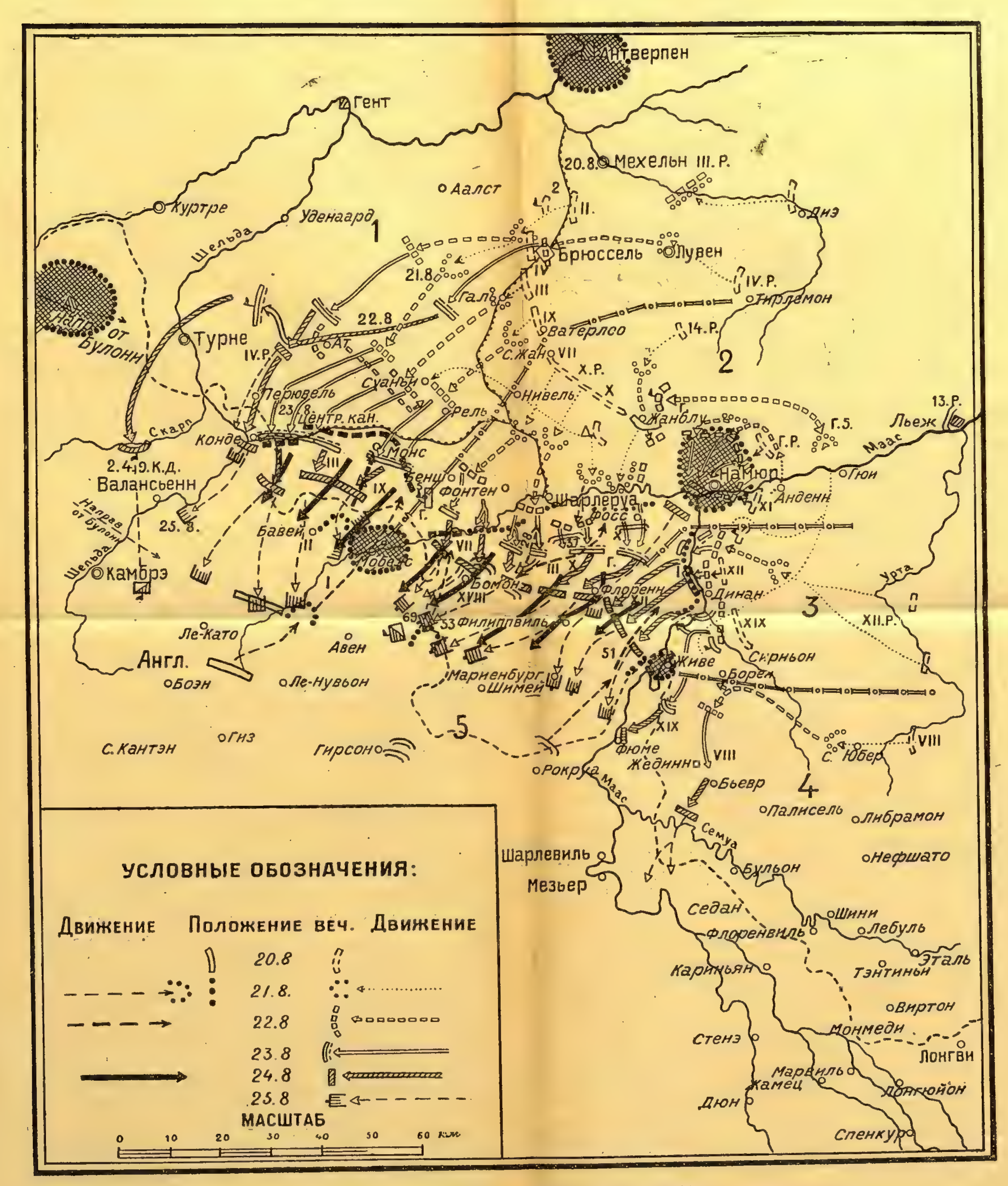
Схема 3. Вероятные движения 1-й, 2-й и 3-й армий 20—23.8.1914 в духе принципов Шлиффена.

Гренер. Зак. 262.

Гренер. Зак. 262.

Схема 4. Сражение в Лотарингии 14—25.8.14.

Гренер. Зак. 262.

Схема 2. Сражение у Намюра — Монс 20—25.8.1914.

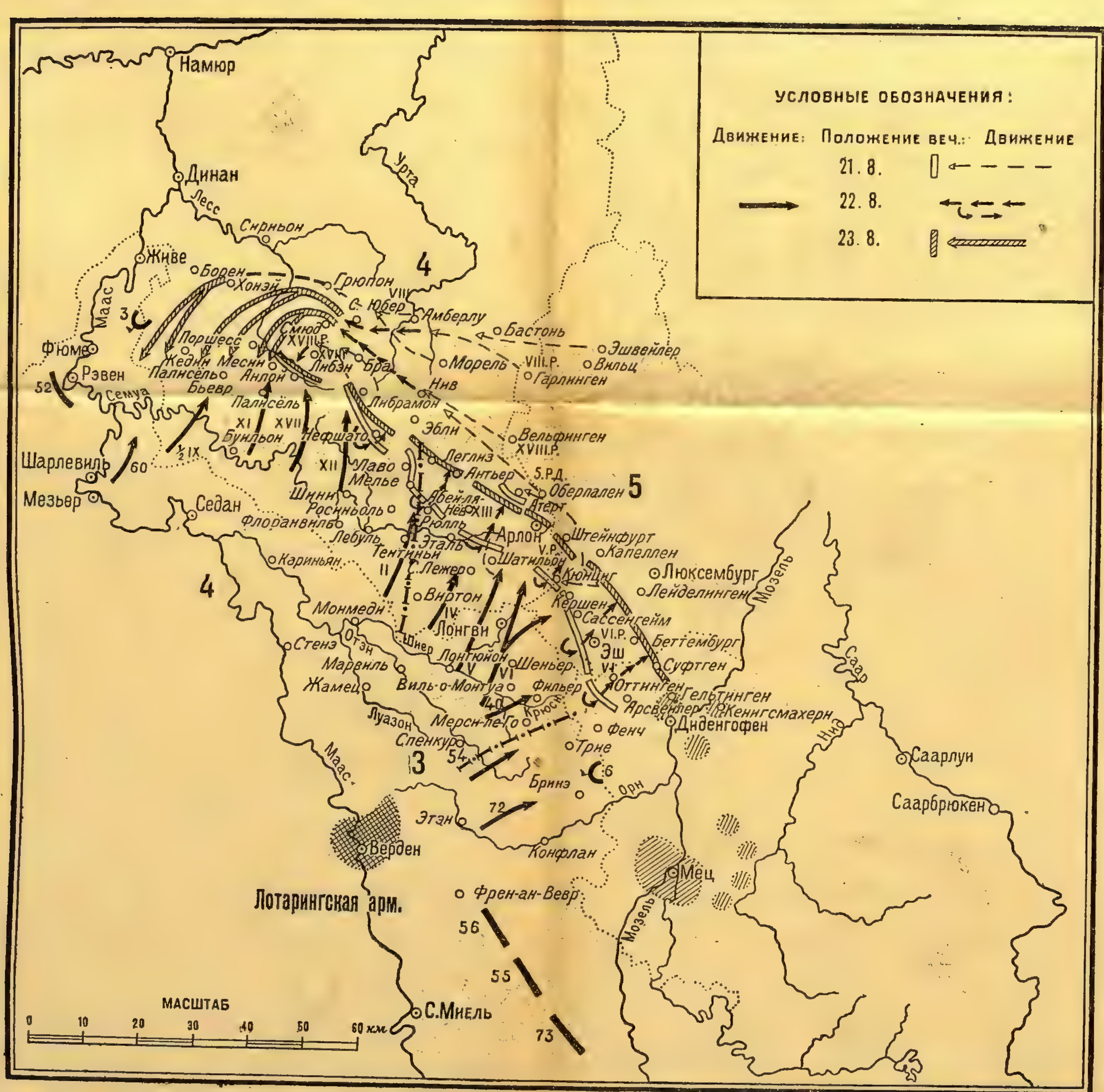

Гренер. Зак. 262.

Схема 1. Сосредоточение 1914 г. на западе и движения сторон до 20.8.1914.

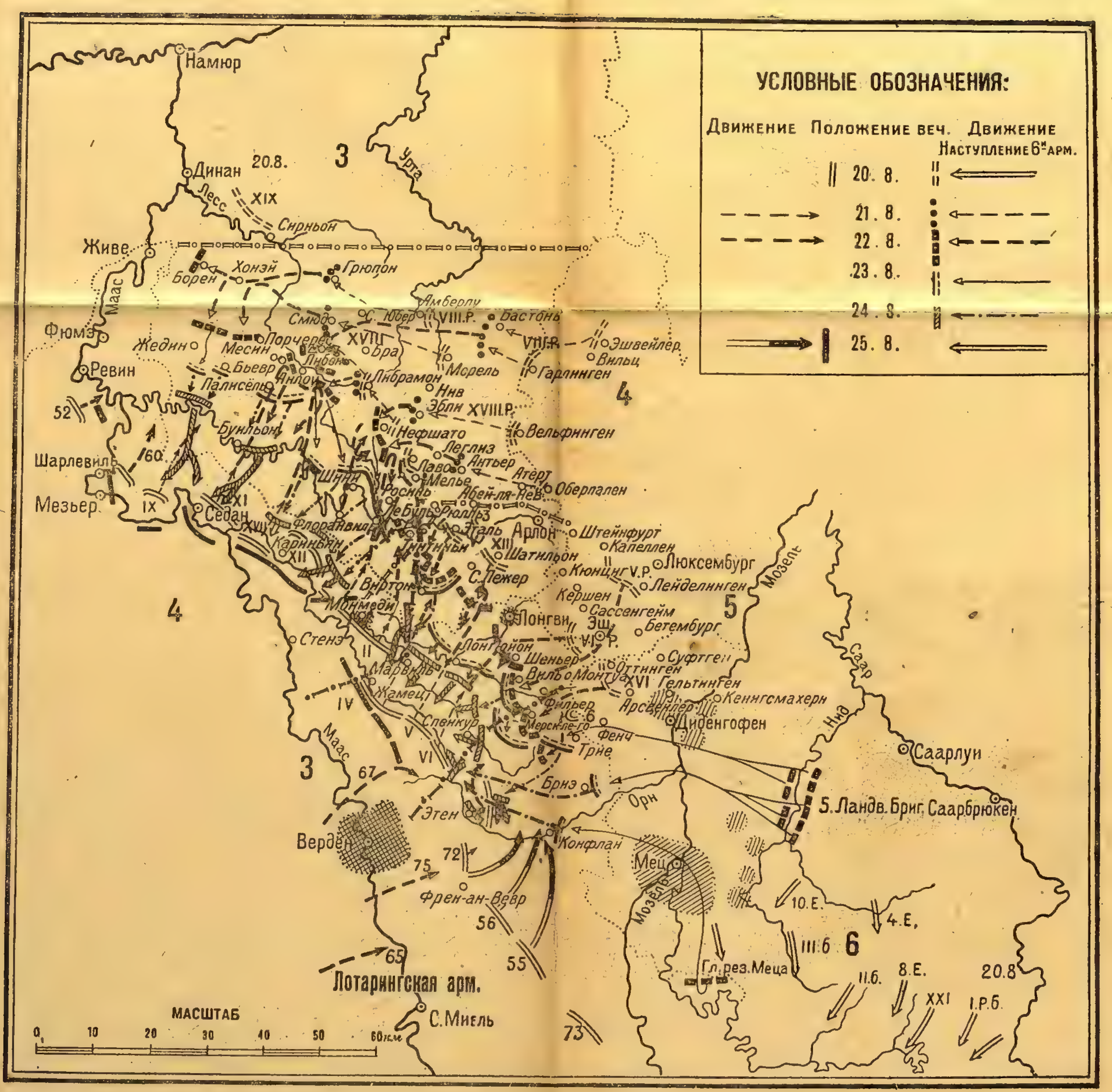

Гренер. Зак. 262. *Схема 5.* Вероятный способ действий 6-й и 7-й армий в Лотарингии в духе принципов Шлиффена.

Гренер. Зак. 262.

Схема 6. Сражение под Лонгви—Нефшато 20–25.8.1914.

Гренер. Зак. 262. *Схема 7.* Вероятный способ действий 4-й и 5-й армий 21—23.8.1914 в духе принципов Шлиффена.

Гренер. Зак. 262.

Схема 8. Преследование 26 и 27.8.1914 и возможный ход событий в духе принципов Шлиффена.

Гренер. Зак. 262.

Схема 10. Оборона на западе: 2-й случай—французское наступление по обе стороны Меца (не затрагивая бельгийской территории).

Гренер. Зак. 262.

Схема 9. Оборона на западе: 1-й случай — французское наступление южнее Меца.

Схема 12. Наступление на востоке.

БЕЛЬГИЯ
ГОЛЛАНДИЯ
Брюссель
Монс
Намюр
Мобеж
Ле-Като
С.Кантэн
Обентон
Седан
Стенэ
Лонгви
Вузье
Реймс
Рез. дивиз.
Рез. дивиз.
Верден
Диденгофен
Кенигсм.
Мец
Понта-Муссон
Шато-Сален
Нанси
Туль
Ахен
Дюрен
Кёльн
Бонн
Мальмеди
Кобленц
ЭЙФЕЛЬ
ГУНСРЮК
Рейн
Майн
Майнц
Крейцнах
Трир
Вассербилиг
Саарлуи
ПФАЛЬЦ
Цвейбрюкен
Ландау
Больхен
С.Авольд
Саргемюнд
Бенсо
Сааральбен
Саарунион
Люцельштейн
Финстинген
Саарбург
Цаберн
Дагсбург
Страсбург
Рейн
Мольсгейм
Сирен
Донон
С.Диэ
Эпиналь
Вогезы
ЭЛЬЗАС
Эльзасск. арм. в
Бельфор
Гюнинген
ШВЕЙЦАРИЯ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

Передвижения германских сил

Направление движения

С французской стороны представ. следующим образом:

Направление движения

Группировка сил и подготовка к наступлению

Наступление

МАСШТАБ

0 20 40 60 80 100 км

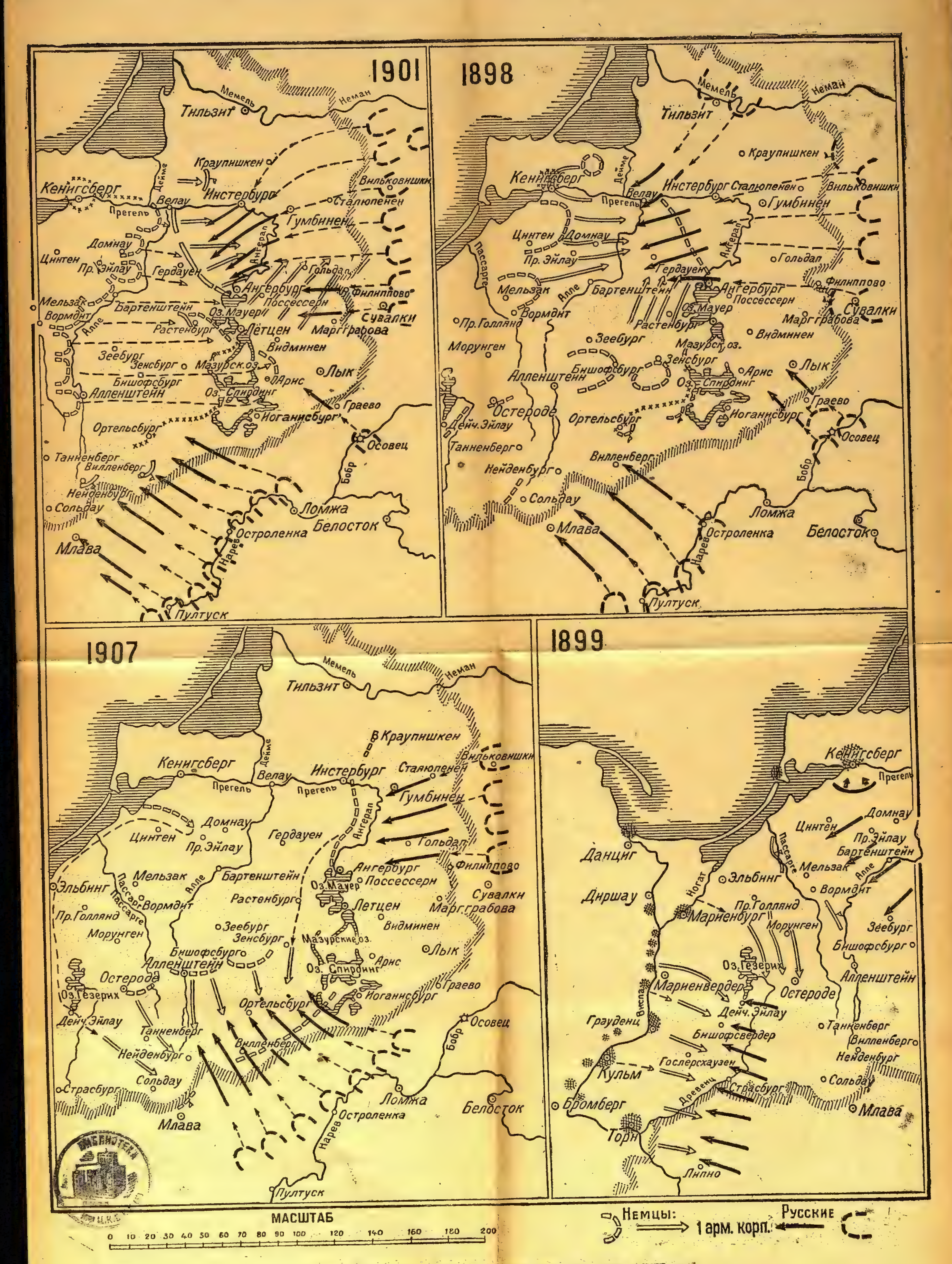
Гренер. Зак. 262

Схема 11. Оборона на западе: 3-й случай—французское наступление главными силами через Люксембург и Бельгию.

Схема 14. Сталюпенен и Гумбинен.

Гренер. Зак. 262.

Грепер. Зак. 262.

Схема 73. Оборона на востоке. Задачи 1898, 1901, 1907 и 1899 гг.

Гренер. Зак. 262. *Схема 16.* Счастье Танненберга: а) передвижения сторон 23–26.8.1914; б) немецкое наступление 26–29.8. 1914.

ема 15. Исследование операций против Наревской армии после полной победы при Гумбинене.

Генер. Заказ. 262

Гренер. Зак. 262.

Схема 18. Исследование операций, приведших к Танненбергу: как ген. Жилинский должен был действовать после 20.8.1914.

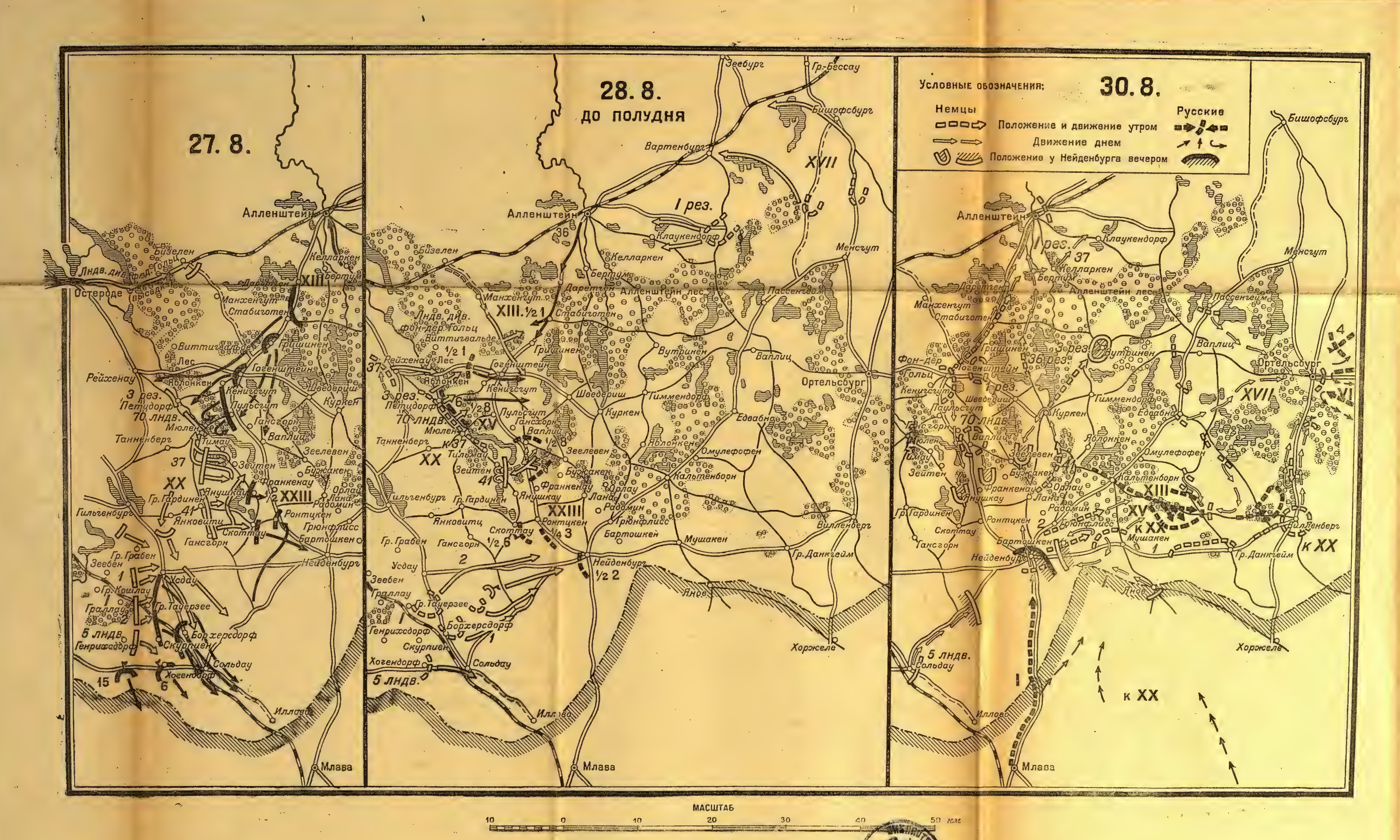

Схема 17. Счастье Танненберга. Бои и обстановка 27, 28 и 30.8.1914

Гренер. Зак. 262.

Гренер. Зак. 262.

Схема 22. От Мааса к Сене.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
Положение и передвижение

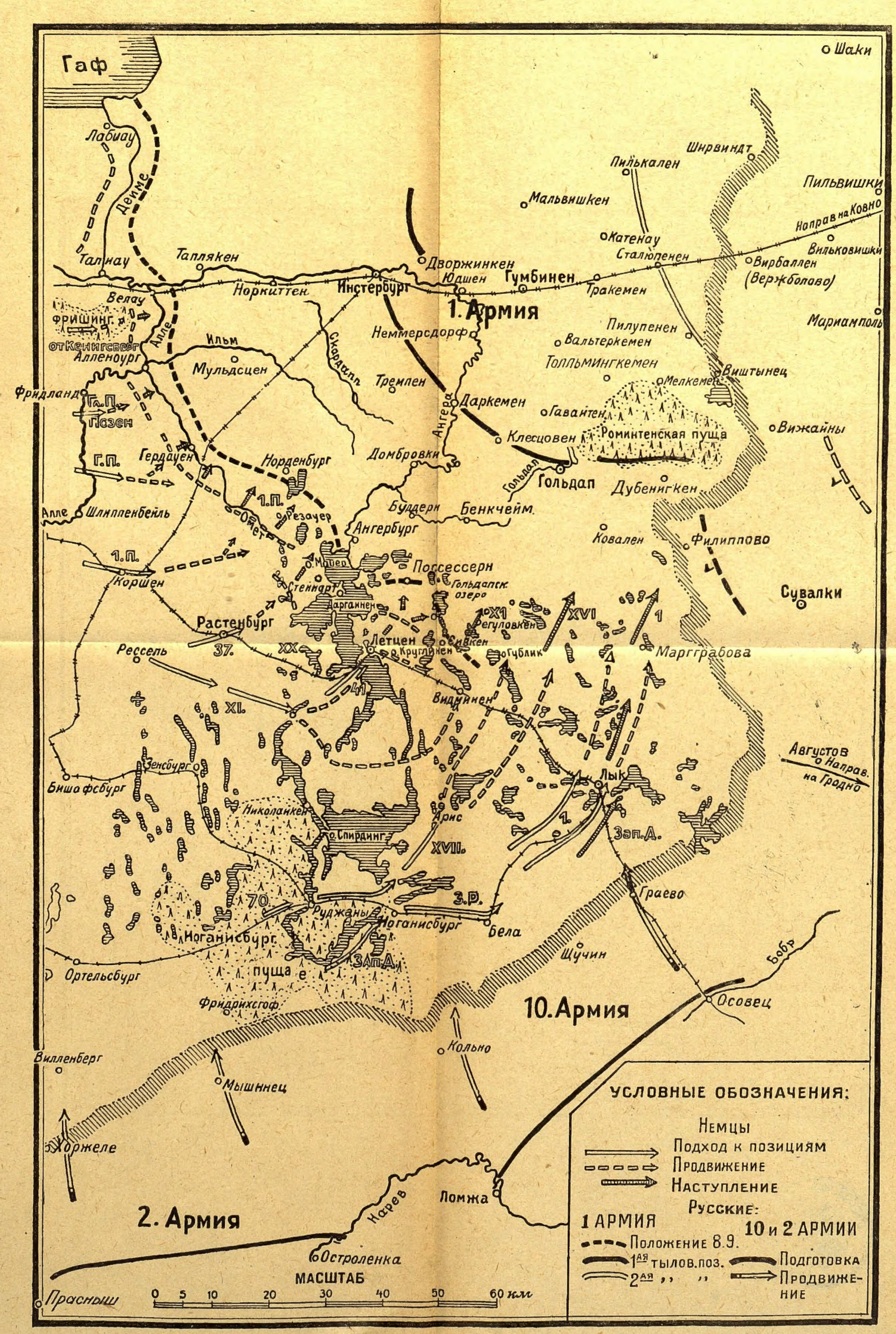
Немцы		Русские
	6-IX	
	7-IX	
	8-IX	
	9-IX	
	10-IX	
	11-IX	
	12-IX	
	13-IX	
	14-IX	

Г.Р. XX Армейский корпус III
36.35 Дивизия 25.27

Гренер. Зак. 262.

Схема 21. На Мазурских озерах. Ход сражения и преследования.

Гренер. Зак. 262.

Схема 20. На Мазурских озерах. Исследование операции.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

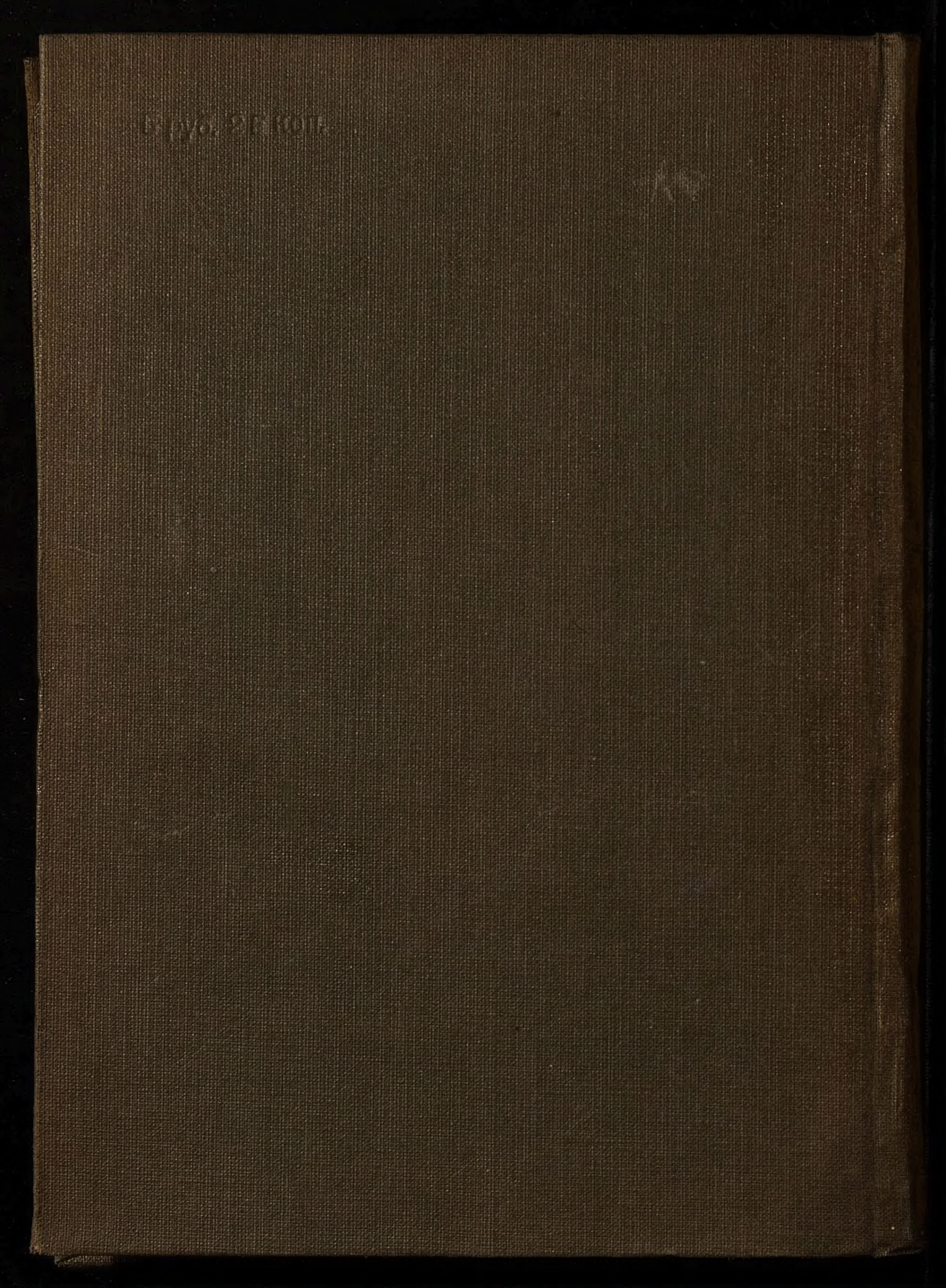
Австро-Венгерская армия и 8 нем. армия		Русские
	Развертывание в авг.	
	Продвижение	
	Наступление	
	Положение 1. 9.	

МАСШТАБ

40 0 40 80 120 160 км

Гренер. Зак. 262.

Схема 19. Обстановка на востоке 1.9.1914.

1 руб. 25 коп.